

ВЕСТНИК
РГГУ

Политология
История
Международные
отношения

Academic Journal
RSUH / RGGU Bulletin

Political Science • History •
International Relations

2
2025

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

2
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal

There are 6 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history

5.6.2. World history

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research

5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»

Научный журнал

Выходит 6 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: panov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoostev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France

D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

B. Shteltzel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Руггенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- В.И. Журавлева*, доктор исторических наук, профессор, РГГУ
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

История международных отношений и внешней политики

<i>А.Н. Комаров</i> Особенности развития взаимоотношений Канады со странами Латинской Америки в 1968–1993 гг.	12
<i>Р.Р. Романов</i> Американская экспертная китаистика в условиях неоконсервативного поворота	25
<i>Г.А. Хорошевский</i> Стратегическое партнерство ФРГ с Россией 1994–2000 гг.	41
<i>А.С. Бушуева</i> Роль Ближнего Востока в формировании внешнеполитических ориентиров Японии в послевоенный период	53

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

<i>А.А. Головина</i> Цифровая дипломатия администрации Барака Обамы в отношении Израиля	74
<i>Д.И. Поляков</i> «Блэксифор» как модель кооперации военно-морских сил стран Черноморского региона	93
<i>А.А. Пряникова</i> Ближний Восток в условиях продовольственного кризиса (на примерах Иордании, Йемена, ОАЭ)	102
<i>Д.М. Заманатулов</i> Применение Сил специальных операций США в сдерживании конкурирующих держав	114
<i>Е.Н. Якутина</i> Влияние консюмеризма на политику фашистской Италии	132

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

И.Ю. Бережанская

Культурная работа как инструмент воспитания
участников сионистского движения в Советской России 147

Т.А. Подшибякина, Р.Ю. Желяков

Правый поворот в Австрии: дискурсивные стратегии
создания «новой нормальности» 161

Е.Р. Сигаури-Горский

Современные проблемы консолидации политико-правовых позиций
АСЕАН и России в свете разработки Кодекса поведения сторон
в Южно-Китайском море 171

Книжная полка

Суздальцев И.А.

Политика Коминтерна в Латинской Америке
в оценках современных англоязычных историков 184

CONTENTS

History of International Relations and Foreign Policy

<i>A.N. Komarov</i>	
Canadian – Latin American relations: features of development in 1968–1993	12
<i>R.R. Romanov</i>	
American sinology through the lens of the neoconservative switch	25
<i>G.A. Khoroshevskii</i>	
Strategic partnership between Germany and Russia, 1994–2000	41
<i>A.S. Bushueva</i>	
The role of the Middle East in the shaping of Japan's foreign policy in the postwar period	53

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

<i>A.A. Golovina</i>	
Barack Obama Administration's digital diplomacy toward Israel	74
<i>D.I. Polyakov</i>	
"Blackseafor" as a model of the Black Sea region countries' naval cooperation	93
<i>A.A. Pryanikova</i>	
The Middle East in the context of the food crisis (on the example of Jordan, Yemen, the UAE)	102
<i>D.M. Zamanapulov</i>	
The use of the US Special Operations Forces to deter competing powers	114
<i>E.N. Yakutina</i>	
Influence of consumerism on the policy of Fascist Italy	132

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

I.Yu. Berezhanskaya

Cultural work as a tool for educating participants in the Zionist movement in Soviet Russia	147
--	-----

T.A. Podshibyakina, R.Yu. Zhilyakov

The right turn in Austria: discursive strategies for creating a “new normal”	161
---	-----

E.R. Sigauri-Gorskii

Current problems of consolidating the political and legal positions of ASEAN and Russia in the view of the development of the Code of Conduct in the South China Sea	171
--	-----

Bookshelf

I.A. Suzdaltsev

The policy of the Comintern in Latin America in the assessments of contemporary English-speaking historians	184
--	-----

История международных отношений и внешней политики

УДК 327(7/8+71)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-12-24

Особенности развития взаимоотношений Канады со странами Латинской Америки в 1968–1993 гг.

Андрей Н. Комаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ruslan10@inbox.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена латиноамериканской политике Канады в премьерство П. Трюдо и Б. Малруни. Следует отметить, что внешнеполитическая линия канадских премьер-министров была направлена на улучшение геополитического имиджа Канады в Латинско-Американском регионе, а также установление взаимовыгодных экономических связей с входящими в него государствами. Показательно, что, несмотря на свои внутрипартийные различия и отличающиеся программные установки, как канадские консерваторы, так и либералы в 1968–1993 гг. были едины в своем стремлении развивать внешнеполитические связи со странами Латинской Америки. В статье подчеркивается, что, если в годы премьерства П. Трюдо был заложен фундамент для будущего прочного торгово-экономического и политического взаимодействия Канады и стран Латинской Америки, то в премьерство Б. Малруни Канада вступила в Организацию американских государств. Автор считает, что латиноамериканская политика П. Трюдо и Б. Малруни была значимой для укрепления связей Канады со странами Латинской Америки. Она способствовала дальнейшим успехам Канады в этом направлении. Автор статьи приходит к выводу о том, что различные внешнеполитические установки П. Трюдо и Б. Малруни не помешали им плодотворно развивать отношения со странами Латинской Америки.

Ключевые слова: политика, Латинская Америка, П. Трюдо, Б. Малруни, фундамент, Организация американских государств, либералы, консерваторы

Для цитирования: Комаров А.Н. Особенности развития взаимоотношений Канады со странами Латинской Америки в 1968–1993 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 12–24. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-12-24

© Комаров А.Н., 2025

Canadian – Latin American relations: features of development in 1968–1993

Andrei N. Komarov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ruslan10@inbox.ru*

Abstract. The article is devoted to the Latin American policy of Canada during the premierships of Pierre Trudeau and Brian Mulroney. It should be noted that the foreign policy of the Canadian Prime Ministers was aimed at improving Canada's geopolitical image in the Latin American region, as well as establishing mutually beneficial economic ties with its member states. It is significant to underline, that, despite their internal party diversities and different party manifestos, both Canadian Conservatives and Liberals were united in their desire to develop foreign policy ties with the Latin American countries in 1968–1993. The article emphasizes that, if in the years of Pierre Trudeau's premiership the foundation was laid for the future of a sustainable trade, economic and political interaction between Canada and the Latin American countries, then during Brian Mulroney's tenure Canada joined the Organization of American States. The author believes that the Latin American policy of Pierre Trudeau and Brian Mulroney was significant for strengthening Canada's cooperation with the Latin American countries. Such a policy contributed to Canada's further success in this area. The author of the article concludes that Pierre Trudeau's and Brian Mulroney's different attitudes towards their country's foreign policy issues did not prevent them from fruitfully developing the relations with the Latin American countries.

Keywords: policy, Latin America, Pierre Trudeau, Brian Mulroney, foundation, Organization of American States, Liberals, Conservatives

For citation: Komarov, A.N. (2024), "Canadian – Latin American relations: features of development in 1968–1993", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 12–24, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-12-24

Введение

Политика канадских либералов и консерваторов в 1968–1993 гг. по отношению к странам Латинской Америки является предметом научного анализа и обладает актуальностью по ряду причин. К ним необходимо отнести, прежде всего, с одной стороны, географическое соседство Канады и стран Латинской

Америки. С другой стороны, становление самостоятельной канадской внешней политики во второй половине XX в. диктовало необходимость заключения выгодных торгово-экономических договоров со странами Латинской Америки. С третьей стороны, важной идеологической основой для активизации Канады на латиноамериканском направлении стала концепция диверсификации внешнеэкономических связей Канады, которую начал реализовывать премьер-министр страны П. Трюдо в 1970-е гг. Стремясь доказать, что канадская внешняя политика самостоятельна и не ориентирована исключительно на североамериканский рынок, П. Трюдо в 1970-е гг. приступает к активизации внешнеполитических связей с Латинской Америкой. С четвертой стороны, политика континентализма, принятая канадскими консерваторами при Б. Малруни и К. Кэмпбелл, и инициированные ими соглашения ФТА и НАФТА диктовали необходимость дальнейших интеграционных процессов не только на североамериканском континенте, но и в рамках всего региона Южной и Центральной Америки. Участие в НАФТА Мексики, крупнейшего торгового партнера двух североамериканских государств, находящегося по своему географическому положению как в Северной, так и в Центральной Америке, стимулировало развитие торговых связей Канады со всей Латинской Америкой в целом.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать и исследовать латиноамериканскую политику Канады в премьерства П. Трюдо (1968–1984 гг.) и Б.М. Малруни (1984–1993 гг.) При этом с самого начала мне хотелось бы оговорить несколько ключевых моментов.

Во-первых, моя статья не будет посвящена анализу соглашений НАФТА и ЮСМКА, что неоднократно было сделано в отечественной историографии.

Во-вторых, за рамками предмета нашего исследования останется весьма важный, однако широко изученный аспект участия Канады в подготовке всеамериканского соглашения о свободной торговле в 1998–2005 гг., детально освещенный в российской научной литературе.

В-третьих, целью данной статьи выступает анализ ключевых особенностей латиноамериканской политики Канады в премьерства П. Трюдо и Б. Малруни, а не детализация конкретных связей Канады с каждой из стран Латинской Америки. Именно прочный фундамент взаимоотношений Канады со странами Латинской Америки, заложенный в 1968–1993 гг., способствовал крайне плодотворному дальнейшему сотрудничеству.

Обзор научной литературы

В процессе работы над статьей нами была использована как отечественная, так и канадская научная литература. Необходимо сразу же отметить, что она фрагментарно освещает рассматриваемую нами проблематику, останавливаясь подробно на отдельных аспектах латиноамериканской политики П. Трюдо и Б. Малруни, но не выделяет общего ракурса и особенностей этой политики. Несмотря на то, что в обзоре научной литературы канадская историография играет важную роль, тем не менее, необходимо упомянуть ряд трудов отечественных исследователей. В частности следует отметить работу Е.Г. Комковой, посвященную соглашению НАФТА [Комкова 2005]. В контексте проблематики данной статьи также представляет интерес исследование латиноамериканской стратегии Канады [Комкова 2012]. В свою очередь, работа С.Ф. Молочкова касалась политики «третьей альтернативы» П. Трюдо [Молочков 1979]. Размышления о возможности вступления Канады в Организацию американских государств представлены в труде О.С. Сороко-Цюпы [Сороко-Цюпа 1985].

Канадская историография представляет особый интерес. Показательна, в частности, монография Д. Рохлина, в которой автор отслеживает эволюцию канадской внешней политики применительно к странам Латинской Америки [Rochlin 1994]. Не менее значимой является научная работа исследователя П. Макенны, в которой он отмечает весь путь, который проделала Канада до вступления в Организацию американских государств [McKenna 1995]. Важную роль при изучении данной проблематики сыграла и статья Д. Доделина, который отметил причины, побудившие Канаду вступить в Организацию американских государств [Daudelin 2007]. Внешняя политика П. Трюдо рассматривается также в монографии канадского ученого Д. Мортонна [Morton 2001]. В то же время аспекты внешней политики П. Трюдо анализируются и в монографии Дж. Сэйвелла [Saywell 1994].

Показательным является и то, что, как канадские консерваторы, так и либералы во второй половине XX в. были едины в стремлении развивать внешнеполитические связи со странами Латинской Америки.

Укрепление связей Канады со странами Латинской Америки в премьерство П. Трюдо было отражением его глобального взгляда на внешнюю политику, и в частности, новой внешнеполитической концепции, принятой в первые годы его нахождения у власти. Эта концепция отражала идеологию «третьей альтернативы», широко рассмотренную в отечественной научной литературе [Молочков

1979]. В частности, эта концепция получила теоретическое обоснование в программных документах, статьях и выступлениях либералов в 1968–1970 гг.¹ Правительство П. Трюдо предполагало развивать интенсивные торгово-экономические и внешнеполитические связи с новыми растущими экономиками мира, прежде всего, ФРГ, Японией, странами Карибского бассейна и Латинской Америки. В частности, применительно к Латинской Америке в выступлениях П. Трюдо было отмечено, что необходимо принимать во внимание имеющиеся исторические связи между Канадой, с одной стороны, и странами Карибского бассейна и Латинской Америки – с другой. П. Трюдо также отмечал, что необходимо найти новые области для экономического и политического сотрудничества Канады со странами Латинской Америки – регионом, где к концу XX в. будет проживать порядка четырехсот миллионов человек, и где Канада обладает значительными интересами [Rochlin 1994, р. 66]. Взгляды П. Трюдо были дополнены министром иностранных дел М. Шарпом, который в своей статье подчеркивал, что, с его точки зрения, ни США, ни СССР более не доминируют в международных отношениях, а приоритет отныне получают набирающий мощь Китай, страны европейского «общего рынка», Япония, а также Латинская Америка. М. Шарп указывал на неравноправное экономическое сотрудничество между Канадой и США, а также на то, что, по данным социологических опросов, более 88,5% канадцев в конце 1960-х гг. желали большего контроля над своей собственной экономикой [Rochlin 1994, р. 72]. В этой связи М. Шарп предлагал три пути дальнейшего развития канадской внешней политики, и прежде всего внешнеэкономических связей, которые были отражены в виде трех альтернатив. Первая из них предполагала сохранение существующего на конец 1960-х гг. уровня экономического сотрудничества с США. Однако эта линия не отвечала результатам опросов общественного мнения, выступающего за большую самостоятельность канадской экономики. Вторая альтернатива предполагала развитие североамериканской интеграции, вследствие чего канадские власти опасались потери суверенитета Канады. Третья альтернатива подразумевала торгово-экономические и внешнеполитические связи с ФРГ, Японией, странами Карибского бассейна и Латинской Америки [Rochlin 1994, р. 72]. Именно это и было выбрано канадскими властями.

Что же еще способствовало выбору канадскими либералами именно этого направления? Почему не были выбраны первые два?

¹ Foreign policy for Canadians. Ottawa: Department of External Affairs, 1970.

Стоит отметить, что это было напрямую связано с рядом геополитических и экономических причин, имевших место в мире в начале 1970-х гг. К ним необходимо отнести следующие. Во-первых, падение международного престижа США вследствие антивоенного движения за вывод американских войск из Вьетнама. Во-вторых, введение в августе 1971 г. президентом США Р. Никсоном 10% тарифа на ввозимые в США товары, в том числе и из Канады. В-третьих, глубокий кризис Бреттон-Вудской валютной системы с доминирующей финансовой ролью США. Все это убеждало канадский истеблишмент в поисках новых рынков сбыта канадской продукции, развитии торгово-экономических связей с другими регионами мира, в том числе и с Латинской Америкой. Однако, стоит подчеркнуть, что при этом Канада сохранила дружественные отношения с США, как и прежнюю значительную зависимость от американской экономики, оставалась неизменным участником альянса НАТО. Поэтому, думается, не стоит преувеличивать значимость «третьей альтернативы» правительства П. Трюдо, которая была скорее вынужденной временной мерой, нежели чем коренным внешнеполитическим поворотом.

Необходимо отметить, что политика либерального правительства П. Трюдо в отношении стран Латинской Америки формировалась в период его премьерства, с 1968 по 1984 г. Первые годы премьерства П. Трюдо были наиболее плодотворными в этой области. Получение либералами парламентского большинства на выборах 1968 г. открыло им дорогу в этой сфере на ближайшую альтернативу. В частности, с 27 октября по 27 ноября 1968 г. в девяти латиноамериканских государствах (Аргентине, Бразилии, Чили, Колумбии, Перу, Венесуэле, Мексике, Коста-Рике, Гватемале) побывала так называемая «министерская миссия», представленная министрами правительства П. Трюдо и намеревающаяся установить тесные экономические, культурные и политические контакты с представителями латиноамериканских государств. Думается, что главной целью миссии было улучшение политического имиджа Канады среди латиноамериканских государств. В идеале канадское правительство рассматривало вопрос о заключении глобального соглашения о свободной торговле со странами Латинской Америки, однако, в то же время, оно понимало, насколько он сложен и неоднозначен. Поэтому канадское правительство сконцентрировало свое внимание на более мелких, но в то же время, не менее значимых вопросах, как транспортировки латиноамериканских товаров в Канаду, а также возможности инвестирования в латиноамериканскую экономику [Rochlin 1994, p. 76]. Правительство П. Трюдо собиралось в целом наладить торгово-экономические связи со странами

Латинской Америки. В частности, в период министерской миссии было принято решение об образовании совместного канадско-мексиканского комитета по экономическим связям. Именно его деятельность, по сути дела, во многом и предварила интеграционные процессы на североамериканском континенте.

Не менее важной стороной деятельности министерской миссии были и вопросы региональной безопасности. В частности, канадское правительство в условиях холодной войны всеми силами стремилось к созданию безъядерной зоны в Латинской Америке.

Итогом миссии было безусловное улучшение отношений между Канадой и странами Латинской Америки. Необходимо отметить, что также 1971 и 1972 гг. явились не менее плодотворными по установлению успешных связей между Канадой и странами Латинской Америки. В частности с апреля 1971 г. начались переговоры о получении Канадой статуса наблюдателя в Организации американских государств [Rochlin 1994, p. 83]. В этом же году П. Трюдо открыл департамент по делам Западного полушария, занимающийся расширением торгово-экономических взаимосвязей со странами Латинской Америки. Второго февраля 1972 г. Канада становится наблюдателем в ОАГ. Можно вполне согласиться с отечественным ученым О.С. Сороко-Цюпой, который отмечал, что Канада воздерживалась от быстрого вступления в ОАГ, стремясь избежать геополитического контроля со стороны США, занимающих лидерские позиции в этой организации [Сороко-Цюпа 1985]. Это было своеобразное проявление антиамериканизма П. Трюдо, и поэтому первоначально Канада довольствовалась статусом наблюдателя. Получение Канадой статуса наблюдателя в ОАГ и общее улучшение взаимоотношений со странами Латинской Америки сопровождалось и ростом экономических показателей. Например, канадский экспорт в страны Латинской Америки вырос с 395 млн долларов в 1968 г. до 613 млн в 1972 г. [Rochlin 1994, p. 84]. В то же время, в мае 1972 г. Канада стала членом Межамериканского банка развития, планируя передать порядка 100 млн канадских долларов на поддержку экономического развития стран Латинской Америки [Rochlin 1994, p. 84], установила с ними особые отношения. В частности, Канада инвестировала более 1 млрд канадских долларов в бразильскую экономику, поощряла туризм с Мексикой (более 100 тыс. канадских туристов посетили Мексику в 1972 г.) и укрепляла экономические связи с Венесуэлой [Rochlin 1994, p. 87]. Налаживая торгово-экономические отношения со странами Латинской Америки, канадское руководство стремилось убедить их в том, что стремится дистанцироваться от тесных связей с США.

Во второй половине 1970-х гг. П. Трюдо продолжил укреплять торгово-экономические связи со странами Латинской Америки. Так, в январе и феврале 1976 г. П. Трюдо посетил Кубу, Венесуэлу и Мексику. Своим пребыванием на Кубе П. Трюдо хотел продемонстрировать отличие канадской внешней политики от американской, пытаясь, с одной стороны, показать идеологическую толерантность по отношению к кубинскому государству, а с другой стороны, осознание того, что торговые связи с Кубой, как с одним из важных государств Карибского региона, бесспорно, необходимы. Канада не разорвала дипломатических отношений с Кубой и не наложила торгового эмбарго, демонстрируя тем самым отличие своей кубинской политики от выработанной внешнеполитической линии США в отношении Кубы. Реакция Ф. Кастро на кубинский визит П. Трюдо была исключительно положительной, а его слова в отношении канадского премьер-министра – комплиментарны. В частности, обращаясь к П. Трюдо, Ф. Кастро отметил, что кубинцы никогда не забудут тех, кто был с ними вместе в годы международной изоляции [Rochlin 1994, p. 99].

Посещение П. Трюдо Венесуэлы было важным с точки зрения укрепления как дипломатических, так и экономических отношений Канады с этим государством, которое являлось членом ОПЕК. Визит П. Трюдо в Мексику был менее удачным, поскольку мексиканское правительство не согласилось с рядом торговых и коммерческих предложений канадской стороны.

В последние годы премьерства П. Трюдо, с 1980 по 1984 г., возобновилась дискуссия о необходимости вступления Канады в Организацию американских государств. Подразумевалось, что Канада должна стать не наблюдателем, а полноправным членом Организации американских государств. Однако, учитывая последние события Фолклендской войны, политический истеблишмент Канады во главе с П. Трюдо сомневался в необходимости принятия ее в Организацию американских государств. Эти сомнения были связаны с тем, что политические круги страны считали Организацию американских государств недостаточно влиятельной. В частности, противники вступления Канады в ОАГ апеллировали к тому, что участники ОАГ, несмотря на принятую ими резолюцию от 28 апреля 1982 г., признающую суверенитет Аргентины над Фолклендскими островами, тем не менее, не оказали ей деятельной военной помощи в период противостояния с Великобританией. Таким образом Межамериканский договор о взаимной помощи 1947 г. участниками ОАГ выполнен не был. Вышеупомянутые факты, связанные к тому же с определенной долей антиамериканизма у П. Трюдо, вызывали сомнения у по-

следнего в необходимости вступления Канады в ОАГ, и поэтому данный вопрос в его премьерство решен не был. Поддержка Канадой Кубы и ведущаяся дискуссия по этому поводу с США стали также причиной того, что Канада, руководимая П. Трюдо, не вступила в ОАГ.

Необходимо отметить, что латиноамериканская политика П. Трюдо в целом была направлена на улучшение геополитического имиджа Канады в этом регионе, а также поиск взаимовыгодных экономических связей с входящими в него странами. В частности, кубинский визит П. Трюдо демонстрировал независимость внешней политики Канады, не разорвавшей дипломатических отношений с Кубой и стремящейся развивать с ней самостоятельные отношения. Несмотря на отсутствие видимых ежеминутных результатов в этой сфере, в премьерство П. Трюдо был заложен прочный фундамент для будущего успешного торгово-экономического и политического взаимодействия Канады и стран Латинской Америки.

Подход канадских консерваторов по латиноамериканской проблематике был чрезвычайно интересен. С одной стороны, консерваторы во главе с Б.М. Малруни, пришедшие к власти в 1984 г., выработали принципиально иную концепцию внешней политики государства. Эта стратегия ожидаемо отличилась от представленной ранее Либеральной партией. Внешнеполитической доктрине П. Трюдо, основанной на концепции «третьей альтернативы», консерваторы во главе с Б. Малруни противопоставили стратегию континентализма, подразумевающую усиление торгово-экономических связей с США. Именно этот момент Б. Малруни очень четко отметил в своем предвыборном манифесте, вышедшем в 1983 г. [Mulroney 1983]. Консерваторы во главе с Б. Малруни, а позднее и К. Кэмпбелл, подготовили и инициировали заключение соглашения ФТА между США и Канадой, действующее с 1989 г., и НАФТА между Канадой, США и Мексикой, вступившее в силу с 1994 г. Однако в данный момент я не хотел бы останавливаться на этом аспекте, поскольку он ранее был изложен, как в моей монографии, так и в трудах других исследователей. В свою очередь, смысл соглашения ЮСМКА, сменившего НАФТА, был раскрыт в моей статье, посвященной данной проблематике [Комаров 2019]. Для нас интересно другое. Несмотря на концептуальные разногласия с либералами по поводу внешнеполитического вектора Канады, Прогрессивно-консервативная партия во главе с Б. Малруни стремилась к установлению прочных связей со странами Латинской Америки. В годы премьерства Б. Малруни консерваторами был взят курс на вступление Канады в Организацию

американских государств, что и было выполнено ими в 1990 г. Вступлению Канады в ОАГ способствовал ряд причин. Обсуждая их, можно вполне согласиться с канадским ученым Д. Рохлиным в том, что в связи с начавшимся во второй половине 1980-х гг. распадом СССР и уменьшением его идеологического влияния на страны Латинской Америки, возросла и непосредственная мотивация для Канады установить прочные торгово-экономические связи со странами Латинской Америки [Rochlin 1994, p. 164]. В свою очередь, в канадской историографии отмечалось, что завершение холодной войны в целом, ослабление идеологических позиций СССР в латиноамериканском регионе, в частности, уменьшение гегемонистских притязаний США, конкурировавших с СССР, по отношению к странам Латинской Америки, – все это создавало новые возможности для Канады [McKenna 1995, p. 143–145]. Таким образом, Канада переставала отныне находиться в рамках геополитической конкуренции двух сверхдержав за Латинскую Америку, что создавало для нее благоприятные возможности для ведения прочного бизнеса с государствами Западного полушария, заключения с ними возможных договоров о свободной торговле. В свою очередь, для многих латиноамериканских государств, освободившихся от идеологической опеки со стороны СССР и чрезмерного влияния США, было чрезвычайно выгодным развитие торговых связей с Канадой. В добавлении к этому, немаловажным фактором, способствующим стремлению Канады вступить в Организацию американских государств, как отмечает канадский исследователь Д. Доделин, была глобализация [Daudelin 2007, p. 15]. Канада, как и многие латиноамериканские государства, стремилась к уникальному передвижению товаров, услуг, капитала, рабочей силы, т. е. всем возможностям, которые предоставляют глобализационные и интеграционные процессы. В связи с этим ценность Организации американских государств, объединяющих страны Западного полушария, представлялась канадским консерваторам особенно значимой, что повлияло на решение правительства Б. Малруни открыть процедуру вступления Канады в ОАГ.

Летом 1989 г. департамент канадских внешних связей, проведя анализ латиноамериканской политики Канады, рекомендовал вступление Канады в ОАГ в качестве полноправного члена. После встречи президента США Дж. Буша-старшего и премьер-министра Канады Б. Малруни и согласования данного вопроса в августе 1989 г. уже в конце октября этого же года последний делает заявление о том, что пришло время для Канады стать полноправным членом ОАГ. 13 ноября 1989 г. министр иностранных дел Канады

Дж. Кларк подписывает в Вашингтоне документы о вступлении Канады в ОАГ, а 8 января 1990 г. Канада официально становится членом ОАГ [McKenna 1995, p. 1].

В чем же заключались особенности канадско-латиноамериканских отношений в 1968–1993 гг.?

Вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы.

Во-первых, в период нахождения у власти П. Трюдо был заложен весомый фундамент для будущего прочного торгово-экономического и политического взаимодействия Канады и стран Латинской Америки. Несмотря на отсутствие сиюминутного результата и больших экономических сделок со странами Латинской Америки, геополитический имидж Канады в латиноамериканском регионе был существенно улучшен. П. Трюдо удалось доказать самостоятельность канадской внешней политики и продемонстрировать ее дистанцию от американской. В частности, кубинский визит П. Трюдо в 1976 г. был осуществлен именно исходя из вышеупомянутой цели.

Во-вторых, как канадские консерваторы, так и либералы в 1968–1993 гг. были едины в своем стремлении развивать внешнеполитические связи со странами Латинской Америки. Но если П. Трюдо реализовал это стремление в рамках концепции «третьей альтернативы», то Б. Малруни – в рамках стратегии континентализма.

В-третьих, политика П. Трюдо и Б. Малруни способствовала дальнейшему укреплению связей Канады со странами Латинской Америки, что происходило в период нахождения у власти Ж. Кретьена, П. Мартина, С. Харпера и Дж. Трюдо.

Литература

- Комаров 2019 – *Комаров А.Н.* Канада в геополитических реалиях XXI в.: некоторые поворотные моменты внешнеэкономического курса // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1. С. 88–95.
- Комкова 2005 – *Комкова Е.Г.* Канада и НАФТА: экономические итоги десятилетия // США & Канада. Экономика, политика, культура. 2005. № 12 (432). С. 3–38.
- Комкова 2012 – *Комкова Е.Г.* Латиноамериканская стратегия Канады // Латинская Америка. 2012. № 3. С. 21–36.
- Молочков 1979 – *Молочков С.Ф.* Внешняя политика Канады в 70-е годы: судьба «третьей альтернативы» // США: экономика, политика, идеология. 1979. № 3. С. 7–19.

- Сороко-Цюпа 1985 – *Сороко-Цюпа О.С.* История Канады. М.: Высшая школа, 1985. 304 с.
- Daudelin 2007 – *Daudelin J.* Canada and the Americas: A time for modesty // Behind the Headlines. Vol. 64. No. 3. P. 1–28.
- McKenna 1995 – *McKenna P.* Canada and the OAS: From dilettante to full partner. Ottawa: Carleton University Press, 1995. 276 p.
- Morton 2001 – *Morton D.* A short history of Canada. Toronto: McClelland and Stewart, 2001. 395 p.
- Mulroney 1983 – *Mulroney B.* Where I stand. Toronto, Ont.: McClelland and Stewart, 1983. 103 p.
- Rochlin 1994 – *Rochlin J.* Discovering the Americas: The evolution of Canadian foreign policy towards Latin America. Vancouver: University of British Columbia Press, 1994. 312 p.
- Saywell 1994 – *Saywell J.* Canada: Pathways to the present. Toronto: Stoddart, 1994. 171 p.

References

- Komarov, A.N. (2019), “Canada in the geopolitical realities of the 21st century: Some turning points of the foreign economic course”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 1, pp. 88–95.
- Komkova, E.G. (2005), “Canada and NAFTA: economic outcomes of the decade”, *SShA i Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura*, vol. 432, no. 12, pp. 3–38.
- Komkova, E.G. (2012), “Canada’s Latin American strategy”, *Latinskaya Amerika*, no. 3, pp. 21–36.
- Molochkov, S. (1979), “Canada’s foreign policy in the 70s: the fate of the ‘Third Alternative’”, *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, no. 3, pp. 7–19.
- Soroko-Tsupa, O. (1985), *Istoriya Kanady* [The history of Canada], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
- Daudelin, J. (2007), “Canada and the Americas: A time for modesty”, *Behind the Headlines*, vol. 64, no. 3, pp. 1–28.
- McKenna, P. (1995), *Canada and the OAS: From dilettante to full partner*, Carleton University Press, Ottawa, Canada.
- Morton, D. (2001), *A short history of Canada*, McClelland and Stewart, Toronto, Canada.
- Mulroney, B. (1983), *Where I stand*, McClelland and Stewart, Toronto, Canada.
- Rochlin, J. (1994), *Discovering the Americas: The evolution of Canadian foreign policy towards Latin America*, University of British Columbia Press, Vancouver, Canada.
- Saywell, J. (1994), *Canada: Pathways to the present*, Stoddart, Toronto, Canada.

Информация об авторе

Андрей Н. Комаров, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ruslan10@inbox.ru

Information about the author

Andrei N. Komarov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ruslan10@inbox.ru

Американская экспертная китаистика в условиях неоконсервативного поворота

Роман Р. Романов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, roman-romanov-1998@list.ru*

Аннотация. Процесс принятия внешнеполитических решений и формирование политики одной страны в отношении другой остается для исследователей закрытым процессом. Нельзя точно определить, какие вводные доступны руководителям и как проходит процесс выработки итогового решения. Например, мы не имеем доступа к закрытой экспертизе, предоставляемой разведкой или Министерством обороны США. Иначе говоря, весь внешнеполитический механизм – своеобразный «черный ящик» (black box). В этой связи изучение открытого экспертно-аналитического сообщества является удобной и валидной альтернативой для большего понимания процесса принятия решений.

Американская китаистика зародилась еще во второй половине XIX в. У ее истоков стояли миссионеры, торговцы и мануфактуристы. На протяжении многих лет они способствовали развитию изучения Китая. При этом даже в периоды, когда США придерживались более изоляционистской внешней политики, китаистика продолжала развиваться. С определенного времени у дисциплины появились новые направления, что также стимулировало ее развитие и превращение в отдельную область регионаловедения.

Но споры между экспертами способствовали не только появлению новых смыслов и положений, но и к снижению защищенности китаистики от политизации. Причем ее старались политизировать и использовать против своих конкурентов не только политики, но и эксперты, стремившиеся к большей вовлеченности в процесс принятия решений. Иначе говоря, во время неоконсервативного поворота стала четче проявляться тенденция «подстраивания» экспертизы под внутри- и внешнеполитические интересы лиц принимающих решения.

Ключевые слова: американо-китайские соперничество, экспертно-аналитическое сообщество, процесс принятия решений, китаистика, китаисты, внешнеполитическое консультирование

Для цитирования: Романов Р.Р. Американская экспертная китаистика в условиях неоконсервативного поворота // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 25–40. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-25-40

American sinology through the lens of the neoconservative switch

Roman R. Romanov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
roman-romanov-1998@list.ru*

Abstract. The foreign policy decision-making remains “blank” for researchers. It is impossible to determine exactly what in-put is available to a decision-maker and how the final decision is elaborated. For example, we do not have access to the classified materials provided by intelligence or the US Department of Defense. In other words, the entire foreign policy mechanism is a “black box”. In this regard, think tanks can be considered as a convenient and valid alternative material for studying the decision-making process.

American sinology originated in the second half of the 19th century. It was founded by missionaries, merchants and manufacturers. Over the years, they have contributed to the development of Chinese studies. Even during the periods when the United States pursued an isolationist foreign policy, sinology continued to develop. At some point, new directions originated within the discipline. The latter also contributed to the development of sinology into a separate regional studies branch of knowledge.

But the disputes between experts have contributed not only to the emergence of new meanings and notions, but also to a decrease in the resilience of Chinese studies to politicization. Moreover, not only politicians tried to politicize it and use it against their competitors, but also some experts who sought greater involvement in the decision-making process. In other words, “shaping” expertise for domestic and foreign political interests of decision-makers has become more conspicuous during the neoconservative switch.

Keywords: US-China rivalry, expert and analytical community, decision-making process, sinology, sinologists, foreign policy consulting

For citation: Romanov, R.R. (2025), “American sinology through the lens of the neoconservative switch”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 25–40, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-25-40

Введение

Актуальность выбранной темы определяется приоритетностью китайского направления внешней политики США. Это подтверждается не только словами американских официальных лиц и частотой их поездок в Китай, но и доктринальными документами, в которых прописана неизбежность соперничества Вашингтона и Пекина. Кроме того, в условиях динамично меняющегося ландшафта мировой политики и высокой скорости распространения информации качественная и оперативная аналитика остается важным фактором при принятии внешнеполитических решений. Это приобретает особое значение в условиях, когда лица, принимающие решения (decision-makers), не обладают опытом работы во внешнеполитической сфере. Так из последних президентов США (начиная с 1993 г.) только Джозеф Байден (2021–2025) обладал им на момент вступления в должность главы государства. Наконец, США остаются страной-чемпионом по количеству экспертно-аналитических центров. По данным последнего актуализированного доклада Global Go to Think Tank за 2020 г.¹ в США работает 2203 центра – первое место в мире. Это говорит не только о развитости «рынка мнений», но и о востребованности «продукта», который предлагается этими организациями.

Статья нацелена на характеристику влияния неоконсервативного поворота на состояние экспертной китаистики в США. Выводы автора формируются на основе историко-генетического метода, позволяющего рассмотреть генезис американской экспертной китаистики, многофакторного анализа, использованного для выделения совокупности факторов, оказывавших влияние на ее развитие на различных этапах, институционального подхода, привлеченного для изучения «системы вращающихся дверей».

Два трека китаистики в США

В начале XX в. в американской китаистике существовали два условных взгляда на то, как изучать Китай: элитистский и популистский [Shambaugh 2015, pp. 235–241]. Эти два термина – общие для обозначения в науке сторон спора по какому-нибудь из

¹ Новые версии доклада не публикуются с 2021 г. после смерти основателя и главного составителя рейтинга профессора Джеймса Макганна в ноябре того же года.

принципиальных вопросов². Элитистами считаются сторонники устоявшихся традиционных (conventional) подходов к изучению проблемы, популистами – сторонники пересмотра этих подходов³. В контексте американской китаистики элитисты были «наследниками» почти полуторавековой американской традиции изучения Китая не только как страны-участницы международной системы, но и как отдельной цивилизации⁴. Они описывали его, опираясь на состояние политических элит и дискуссии внутри власти. Популисты отмечали необходимость изучать процессы, происходившие внутри китайского общества, аргументируя это неспособностью элитистов предложить способы сохранения Китая вне зоны влияния СССР в конце 1940-х гг., когда коммунисты во главе с Мао Цзэдуном одерживали верх в Гражданской войне (1927–1950).

Дискуссии о том, «кто потерял Китай», стали одной из причин раскола внутри самих популистов на «левых» и «правых»⁵. Обе условные группы критиковали элитистов, но предлагали разные подходы к изучению Китая и взгляды на него. «Левые» продолжали настаивать на основополагающей роли «народа» и общественных процессов и утверждали, что ориентация элитистов на китайское правительство (во главе с партией Гоминьдан) не позволила им предсказать победу коммунистов и выработать принципиально новый способ изучения Китая и коммуникации с ним. В свою очередь, «правые» стали активны в 1950–1960-е гг. (особенно в годы маккартизма) и обвиняли элитистов в отсутствии патриотизма. При этом если представители «левых» в большинстве случаев были из академической среды, то среди «правых» выходцы из академического сообщества составляли меньшинство. Вот почему «левым» удалось относительно долгое время контролировать повестку популистов в сфере американской китаистики.

Последствия начавшейся во второй половине 1960-х гг. Культурной революции в КНР изменили динамику спора между экспертами: элитисты не могли объяснить происходившее особен-

² См., например: [Smith 1982; Kranert 2020].

³ Характеристика элитистов и популистов дается на основе работ Д. Шамбо.

⁴ См., например: Rockhill W. The land of the Lamas: Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet. L.: Longmans, Green, and Co, 1891; *Latimore O.* Inner Asian frontiers of China. N. Y.: American Geographical Society, 1940; а также монографию Ю. Трани и Д. Дэвиса [Trani, Davis 2009].

⁵ Спор между представителями двух направлений китаистики (как академической, так и экспертной) о том, почему не удалось предупредить причины провала правительства Гоминьдана.

ностями истеблишмента, а левые популисты не нашли аргумент в пользу того, что Культурная революция и является доказательством первичности китайского общества в развитии страны на ее пути к «демократизации» [Shambaugh 2015, pp. 240–241]. Кроме того, налаживание дипломатических отношений между США и КНР в 1970-х гг. спровоцировало своеобразное возрождение американской китаистики. Происходило становление китайских исследований как отдельного направления регионоведения в США (area studies) [Seybolt 1973, p. 20], тогда как до этого изучение Китая проходило в рамках программы дальневосточных исследований. В этом процессе приняли активное участие как элитисты, так и популисты, в том числе правого толка [Shambaugh 2015, p. 243]. Для более корректного понимания трендов, наметившихся тогда в китаистике, следует уточнить, что к 1960 г. в США окончательно сформировался рынок экспертного мнения. Главная задача экспертного знания (в нашем случае экспертной китаистики) в отличие от академического заключалась не в изучении Китая, а в формировании рекомендаций для правительства на основе полученных знаний (из академии или от журналистов). Стоит отметить, что в США были попытки создать центры с целью консультирования правительства на базе университетов. Многие из них существуют и в настоящее время (в том числе профильные по Китаю). Однако по сравнению с классическими think-tanks⁶ как косвенные, так и прямые признаки их участия в процессе принятия внешнеполитических решений достаточно трудно идентифицировать.

К моменту окончания холодной войны популисты преобладали в процессе принятия внешнеполитических решений в США и в административном, и в экспертном плане. В первом случае это выражалось в наличии агентов влияния внутри правительства как в лице экспертов, так и самих политиков, согласных с популистским подходом к выстраиванию отношений с КНР. Во втором – реализовывалось за счет встраивания во внешнеполитический механизм экспертно-аналитических центров, «приютивших» популистов. Наиболее характерным примером таких центров был Гудзоновский институт⁷, основанный в 1961 г. Дополнительную интеллектуальную «подпитку» популисты конца 1970 – начала 1980-х гг. получали от китайских эмигрантов, приехавших из материкового Китая, либо с Тайваня и недовольных политикой коммунистов, в особен-

⁶ К классическим автор относят центры фондового, а не университетского типа.

⁷ Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

ности в период налаживания американско-китайских отношений. Это способствовало развитию в экспертной среде более критического взгляда на Пекин с акцентом на ограничение прав человека в Китае.

Известный американский китаист Дэвид Шамбо объяснил углубление противоречий между элитистами и популистами в те годы не только внешнеполитическим контекстом, но и развитием академической среды в США в целом. Формирование новых дисциплин и выделение китаистики в отдельное направление регионоведения (regional studies) способствовали нарастанию споров между молодым поколением экспертов и их наставниками, т. е. принципиальное несогласие с подходом другой стороны на изучение Китая совпадало и усиливалось расхождением взглядов на структуру высшего образования.

Неоконсервативный поворот

Рост влияния популистского крыла американской китаистики можно отследить с подъемом неконсервативного подхода к внешней политике США. Как правило эксперты, придерживающиеся популистского подхода, сотрудничали с прореспубликанскими и консервативными экспертно-аналитическими центрами или создавали новые. Среди традиционных центров можно назвать Фонд «Наследие» (Heritage Foundation), Гудзоновский институт (Hudson Institute*), Гуверовский институт (Hoover Institution**), Институт Американского предпринимательства (AEI, American Enterprise Institute). К новым следует отнести Институт Дискавери (Discovery Institute, 1991 г.) и Проект нового американского века (Project for the New American Century, 1997 г.).

Активизацию популистов можно связать в первую очередь с изменением международного контекста. С развалом СССР заинтересованность в Китае как в геополитическом союзнике стала снижаться. Дополнительные подтверждения получал ситуативный характер американско-китайского партнерства, сложившегося в 1970-е гг. Часть политического истеблишмента находилась в поиске нового противника. Объяснить это можно влиянием групп интересов, связанных с производителями оружия. Ведь с распадом

*Организация признана нежелательной на территории Российской Федерации.

**Организация признана нежелательной на территории Российской Федерации.

СССР постепенно исчезала нужда в крупных военных заказах. Кроме того, после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. администрация 41-го президента США Джорджа Буша-старшего (1989–1993) запретила таким компаниям как “Lockheed Martin” поставлять оружие в КНР. В результате у противников Китая в американском внешнеполитическом истеблишменте появился идеологический мотив ратовать за более жесткую по отношению к нему политику. Поддержка этого подхода изначально была характерна не для всего американского экспертно-аналитического сообщества, но для определенной группы центров.

Одной из таких организаций стал созданный в 1997 г. Проект «Новый американский век» (PNAC, Project for the New American Century). Среди его учредителей были «ястребы» из команды Буша-старшего Дик Чейни (министр обороны в 1989–1993 гг.) и Пол Волфовиц (заместитель министра обороны в 1989–1993 гг.). К ним присоединился давний соратник Чейни экс-глава Пентагона Дональд Рамсфелд. В уставе организации говорилось о необходимости выработки консервативного варианта внешнеполитической стратегии США: «Они (консерваторы. – *P. P.*) не сформулировали руководящих принципов американской внешней политики. Они позволили разногласиям по поводу тактики затмить потенциальное согласие по стратегическим целям. И они не боролись за оборонный бюджет, который поддерживал бы американскую безопасность и продвигал американские интересы в новом столетии»⁸. Тезис о том, что центр был тесно связан с американским ВПК подтверждается как составом его учредителей, значительная часть которых так или иначе была связана либо с министерством обороны, либо работала в одной из оружейных компаний. Кроме того, институт на протяжении многих лет был бенефициаром пожертвований производителей оружия.

Для достижения поставленных целей предлагалось увеличить отчисления в военный бюджет, укрепить отношения с союзниками, а также усилить давление на «режимы, угрожающие» интересам США, и продвигать «политическую и экономическую свободу» за рубежом. Этот подход основатели PNAC называли «рейганистским» (Reaganite), включающим «военную мощь и моральную ясность»⁹.

В литературе и статьях, посвященных деятельности PNAC, центр и его экспертов изучают как архитекторов ближневосточной

⁸ PNAC statement of principle, June 3, 1997. URL: <https://www.rrojasdatabank.info/pfpc/PNAC---statement%20of%20principles.pdf> (дата обращения 24.10.2024).

⁹ Ibid.

политики США в начале президентства Джорджа Буша-младшего¹⁰. При этом в период активности с 1997 по 2006 г. PNAC стал площадкой для многих китаистов, в том числе из других центров. Одним из них был Арон Фридберг (Aaron Friedberg). Последний посвятил угрозе, исходящей от Китая, целую главу в книге «Нынешние угрозы» (Present Dangers, 2000 г.), которую редактировали два сооснователя PNAC Роберт Кэйган (Robert Kagan) и Уильям Кристол (William Kristol). В свое время они же стояли у истоков неоконсервативного журнала “Weekly Standard”, ставшего рупором неоконсервативов.

Соперничество с Китаем считалось сотрудниками центра основным вызовом для США в XXI в. [Тао 2018, pp. 53–54]. В специальном докладе Проекта от 2000 г. КНР упоминается 14 раз (как «Китай» и «Пекин»). По мнению авторов, наращивание военной мощи США в Юго-Восточной Азии является единственным способом борьбы с возвышением Китая. Также отмечается характерный для неоконсерваторов «алгоритм»: сильные США могут способствовать «мирному» возвышению Пекина и, как следствие, его демократизации¹¹. В первый год существования центр официально заявлял в качестве одной из целей политики на китайском направлении изменение политической системы в КНР [Ryan 2010, pp. 148–149]. Интересно то, что смена тональности и особый подход к изучению Китая и интерпретации его роли в современных международных отношениях стали не смягчающим фактором для формируемого в центре аналитического знания, а наоборот, усилили конфронтационную тональность его сотрудников. Упомянутая особенность подхода заключалась в отсутствии военной составляющей среди рекомендаций экспертов как способа разрешения проблемы китайской угрозы. Прописывание прямого применения вооруженных сил для достижения геополитических интересов было характерно для PNAC при анализе ближневосточной и латиноамериканской политики США, но не для ее китайского направления. При этом эксперты уделяли особое внимание вопросу прав человека и предполагаемому нарушению Китаем норм свободной торговли – все то, что в XXI в. можно классифицировать как конфликтные сферы в двусторонних

¹⁰ См.: United States foreign policy and national identity in the 21st century / ed. by K. Christie. N.Y.: Routledge Taylor & Francis. 2008.

¹¹ Rebuilding America's defense. Strategy, forces and resources for a new century // The project for a New American century. URL: <https://ia600100.us.archive.org/9/items/ProjectForANewAmericanCenturyRebuildingAmericasDefenses/RebuildingAmericasDefenses.pdf> (дата обращения 24.10.2024).

отношениях. Можно сказать, что эксперты PNAC выступали за так называемую концепцию жесткого взаимодействия (“tough engagement” как альтернатива “engagement”), предполагавшую совмещение военного сдерживания (без прямого применения силы) и развития экономического партнерства. При этом и торговую внешнеэкономическую деятельность предлагалось выстраивать исходя из интересов национальной безопасности. Например, PNAC рекомендовал отказаться от сотрудничества с компаниями, связанными с китайским ВПК [Ryan 2010, p. 153], и перейти к политике сдерживания. Исследователи неоконсервного внешнеполитического подхода в 1990-х гг. отмечают в своих трудах, что китайскую стратегию неоконсервов отличала «позиция нападающего». Это не было характерно для их понимания политики США на советском направлении, где многие решения принимались исходя из оборонительных целей [Ryan 2010, p. 152].

Позиция PNAC по Тайваню также не совпадала с экспертным мейнстримом. В августе 1999 г. за подписью основателей центра и совместно с некоторыми экспертами “Heritage Foundation” было выпущено письмо, в котором подчеркивалась необходимость подтверждения США оборонных обязательств перед Тайванем, а также островами Мацзу и Цзиньмыньдао. «Время стратегической и моральной “двусмысленности” по отношению к Тайваню окончено», – подчеркивалось в документе¹².

В 1995 г. республиканцы впервые за почти 40 лет получили большинство в палате представителей США, что создавало препятствия для действий администрации тогдашнего президента Билла Клинтона (1993–2001). Китайское направление внешней политики было одним из поводов. Республиканцы обвиняли президента в том, что он идет на уступки Китаю и игнорирует нарушение там прав человека. Таким образом, критика Китая усиливалась не только ввиду изменений внутри экспертно-аналитического сообщества (появление новых центров), но вследствие запроса со стороны политиков-республиканцев. Преимуществом PNAC в отличие от многих других центров было наличие более широкой системы связей во власти. Значительная часть подписавших уставной документ PNAC (17 из 25) раньше работала в федеральном правительстве. Из них 16 занимали руководящие должности (см. табл. 1). Кроме того, центр получал материальную помощь от других организаций. Например, AEI предоставлял свои офисные помещения.

¹² Statement on the defense of Taiwan. August 20. 1999. URL: https://militarist-monitor.org/images/uploads/PNAC_Statement_on_the_Defense_of_Taiwan.pdf (дата обращения 01.11.2024).

Таблица 1

ФИО подписавшего уставной документ	<i>Работа в правительстве США (последняя должность до 1997 г.)</i>
Элиот Абрамс	Помощник государственного секретаря по делам Западного полушария (1985–1989)
Гэрри Бауэр	Помощник президента США по политическим вопросам (1987–1988)
Уильям Беннетт	Директор управления национальной политики по борьбе с наркотрафиком (1989–1990)
Джеб Буш	Министр торговли Флориды (1987–1988)
Дик Чейни	Министр обороны США (1989–1993)
Элиот Коэн	Сотрудник отдела политического планирования в управлении министра обороны (1990)
Пола Добриански	Заместитель помощника государственного секретаря по вопросам прав человека и гуманитарной политике (1987–1990), заместитель директора информационного агентства США (1990)
Фрэнк Гаффни	Помощник министра обороны по вопросам международной безопасности (1987)
Фред Айкл	Заместитель министра обороны по политическим вопросам (1981–1988)
Залмай Халилзад	Заместитель государственного секретаря по вопросам политического планирования (1990–1992)
Скутер Либби	Заместитель государственного секретаря по вопросам политического планирования (1992–1993)
Дэн Куэйл	Вице-президент США (1989–1993)
Питер Родман	Помощник президента по вопросам национальной безопасности (1987–1990)
Гарри Роуэн	Помощник министра обороны по вопросам международной безопасности (1989–1991)
Дональд Рамсфелд	Министр обороны США (1975–1977)
Вин Вебер	Секретарь республиканской конференции (1989–1993)
Пол Волфовиц	Заместитель министра обороны по политическим вопросам (1989–1993)

Прямых доказательств лоббирования аналитики центра в правительстве нет. В то же время будет некорректно игнорировать косвенные. Так, один из подписантов уставного документа организации бывший конгрессмен Вин Вебер был не только высокопоставленным партийным чиновником, но и близким советником, а также личным другом спикера Гингрича. Кроме того, после победы на президентских выборах в 2000 г. республиканца Джорджа Буша-младшего (2001–2009) 10 из подписантов получили должности в новой администрации. Например, рекомендации по усилению поддержки Тайваня были выполнены. В начале президентства Буш-младший объявил о первом за долгие годы пакете оружейных поставок для Тайваня, а позже заявил, что США помогут Тайваню в случае нападения «во что бы то ни стало» [Манн 2004, р. 397].

Можно сказать, что PNAC совместил в себе черты экспертно-аналитического центра и группы интересов. Его деятельность это один из примеров того, как экспертное знание создается не только в ответ на запрос власти, но и вследствие стремления изменить позицию последней по нескольким ключевым вопросам внешней политики. Пример китаистики наиболее показателен, поскольку приблизительно с конца 1970-х гг. в американском внешнеполитическом истеблишменте существовал двухпартийный консенсус по поводу того, как выстраивать отношения с Китаем.

Китаистика внутри PNAC начала приобретать черты американской русистики. Одна из самых главных – участие журналистов в формировании экспертного знания. Дело не в том, что журналисты не могли заниматься Китаем профессионально (есть много примеров участия американских журналистов в развитии китаистики). Однако в случае с PNAC и другими неоконсервативными центрами журналисты работали не столько на формулирование рекомендаций, сколько на обоснование роли КНР как основного противника США в XXI в.

PNAC не только создал предложение в форме альтернативного знания о Китае, но со временем, когда многие из его сотрудников и связанных с ним лиц заняли ключевые посты в команде 43-го президента (см. табл. 2), получил возможность формировать спрос на это знание. Данная особенность является одной из важнейших в понимании развития китаистики в конце 1990 – начале 2000-х гг. Сама внешнеполитическая экспертиза как рынок экспертных мнений действовала подобно реальному рынку, где происходила конкуренция между организациями за влияние.

Таблица 2

<i>ФИО</i>	<i>Должность в администрации Дж. Буша-младшего (2001–2009)</i>
Дик Чейни	Вице-президент
Дональд Рамсфелд	Министр обороны (2001–2006)
Пол Волфовиц	Заместитель министра обороны
Элиот Коэн	Советник государственного секретаря (2007–2009)
Элиот Абрамс	Заместитель советника по национальной безопасности (2005–2009)
Пола Добриански	Заместитель государственного секретаря по глобальным вопросам (2001–2009)
Залмай Халилзад	Посол США в Афганистане (2004–2005); Ираке (2005–2007); постпред США в ООН (2007–2009)
Скутер Либби	Советник вице-президента по национальной безопасности и глава аппарата вице-президента (2001–2005)
Питер Родман	Помощник министра обороны по вопросам международной безопасности (2001–2007)
Гарри Роуэн	Член совета консультантов министра обороны (2001–2004)

Это не значит, что в администрации Буша-младшего служили только сторонники жесткого подхода к Китаю. На ключевых позициях по формированию политики на китайском направлении были и умеренно настроенные политики, кадровые дипломаты, ранее не связанные ни с РНАС, ни с другими консервативными экспертно-аналитическими центрами. Но им приходилось не столько соперничать с «ястребами» администрации, занимавшими более высокие посты, сколько реализовывать задаваемую ими стратегию. Например, принято считать, что до второго срока президентства Буша-младшего серьезное влияние на внешнюю политику оказывали Чейни и Рамсфелд. В кругу их личных советников по Китаю как раз доминировали сторонники более жесткого подхода. Так ранее упомянутый китаист-популист Фридберг был заместителем помощника Чейни по вопросам национальной безопасности и политическому планированию с 2003 по 2005 г. Особенность этой должности заключается не только в возможности консультировать вице-президента, но и в участии в подборе экспертного персонала,

аналитиков. Два ключевых советника Рамсфелда, как указано в табл. 2, также были представителями PNAC.

Можно предположить, что росту влияния неоконгов на формирование политики США на китайском направлении способствовало и отсутствие профессиональных китаистов на ключевых постах в ведомствах (см. табл. 3)¹³. Иначе говоря, у них были «балансирсы», сдерживающие администрацию от резкого изменения политики на китайском направлении, но принятые ими решения не смогли минимизировать вероятность соперничества двух держав в долгосрочной перспективе [Chi Wang 2009, p. 12].

Таблица 3

ФИО	Ведомство	Должность	Профиль
Майкл Грин	Совет по нац-безопасности (Белый дом)	Руководитель отдела СНБ по делам Азии (2004–2005)	Японист
Ричард Лоулесс	Министерство обороны	Заместитель министра по вопросам безопасности в АТР (2002–2007)	Специалист по Корее
Джеймс Келли	Государственный департамент	Помощник государственного секретаря по делам Восточной Азии и АТР (2001–2005)	Военный
Кристофер Хилл	Государственный департамент	Помощник государственного секретаря по делам Восточной Азии и АТР (2005–2009)	Карьерный дипломат, большую часть карьеры посвятил европейским делам

Заключение

Во-первых, несмотря на то что американо-китайские отношения перешли в стадию соперничества во втором десятилетии

¹³ К ним относятся должности, связанные непосредственно с Китаем или с Азиатско-Тихоокеанским регионом. В разных ведомствах они имеют разные наименования.

XXI в. (приблизительно со второго срока Обамы и в президентство Трампа), доктринальное обоснование этого поворота начало активно формироваться в конце 1990 – начале 2000-х гг. Разрушение биполярной системы и сохранение США в роли единственной сверхдержавы способствовало переосмыслению места страны в мире определенной частью экспертно-аналитического сообщества. Мессианство, свойственное американской внешнеполитической традиции, после Холодной войны сформировало ценностную основу для деятельности неоконсерваторов.

Во-вторых, одной из причин актуализации популистского подхода к изучению и интерпретации роли Китая в современных международных отношениях стало не только изменение внешнеполитического контекста, но и усложнение внутривнутриполитического. Республиканцы и демократы все реже вырабатывали законопроекты и инициативы, имевшие двухпартийную поддержку. Это было обусловлено не только постепенным обновлением состава Конгресса (на смену старым политикам приходили более молодые преемники), но и привычным процессом предвыборной конкуренции, когда за неимением возможности аргументировать преимущества своей партии или недостатки противника на внутривнутриполитическом треке, многие политики обращались к внешнеполитической аргументации. Для республиканцев отношения с Китаем были одним из основных предметов критики администрации Клинтона.

В-третьих, важную роль в популяризации жесткого подхода к выстраиванию политики на китайском направлении сыграл PNAC, созданный в 1997 г. У центра было несколько преимуществ, которые смогли закрепить его роль как одного из основных неоконсервативных «мозговых трстов», задававшего тон весомой части экспертно-аналитического сообщества. Значительная часть его соучредителей в прошлом занимала руководящие посты в американском правительстве, большинство из которых получили должности в администрации Буша-младшего после его победы на президентских выборах в 2000 г. Организация способствовала как появлению условного «экспертного предложения», так и спроса со стороны представителей власти. Кроме того, PNAC получал финансовую и кадровую поддержку от других консервативных центров, особенно от AEI. Значимость PNAC была обусловлена не только предлагавшейся аналитикой и политическими должностями экспертов, но и распространением нового экспертного взгляда на другие центры. В последствии, когда PNAC был расформирован в 2006 г., многие из работавших там экспертов перешли в другие центры и способствовали укреплению там неоконсервативных позиций.

Литература

- Kranert 2020 – Discursive approaches to populism across disciplines / ed. by M. Kranert. Southampton: Palgrave Macmillan Cham, 2020. 486 p.
- Mann 2004 – *Mann J.* Rise of the Vulcans. The History of Bush's War Cabinet. N.Y.: Penguin, 2004. 464 p.
- Ryan 2010 – *Ryan M.* Neoconservatism and the New American century. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 284 p.
- Seybolt 1973 – *Seybolt P.J.* China studies in crisis // Change. 1973. Vol. 5. No. 5. P. 18–21.
- Shambaugh 2015 – *Shambaugh D.* American studies of contemporary China. N.Y.: Routledge, 2015. 400 p.
- Smith 1982 – *Smith R.A.* On the third realm. Elitism versus populism: The continuing debate // The Journal of Aesthetic Education. 1982. Vol. 16. No. 1. P. 5–10.
- Tao 2018 – *Tao W.* The US policy making process for post-Cold War China. The role of US Think Tanks and Diplomacy. Beijing: China Social Science Press/Springer, 2018. 438 p.
- Trani, Davis 2009 – *Trani E.P., Davis E.D.* Distorted mirrors: Americans and their relations with Russia and China in the 20th century. Columbia: University of Missouri, 2009. 496 p.
- Wang 2009 – *Chi Wang.* George W. Bush and China. Policies, problems and partnership. N.Y.: Lexington Books, 2009. 137 p.

References

- Chi Wang (2009), *George W. Bush and China. Policies, problems and partnership*, Lexington Books, New York, USA.
- Kranert, M., ed., (2020), *Discursive approaches to populism across disciplines*, Palgrave Macmillan, Southampton, UK.
- Mann, J. (2004), *Rise of the vulcans. The history of Bush's War Cabinet*, Penguin Group, New York.
- Ryan, M. (2010), *Neoconservatism and the New American century*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Seybolt, P.J. (1973), *China studies in crisis*, Taylor & Francis Group, New York, USA.
- Shambaugh, D. (2015), *American studies of contemporary China*, Routledge, New York, USA.
- Smith, R.A. (1982), "On the third realm. Elitism versus populism: The continuing debate", *The Journal of Aesthetic Education*, vol. 16, no. 1, pp. 5–10.
- Tao, W. (2018), *The US policy making process for post-Cold War China. The role of US Think Tanks and Diplomacy*, China Social Science Press/Springer, Beijing, China.
- Trani, E.P. and Davis, E.D. (2009), *Distorted mirrors: Americans and their relations with Russia and China in the 20th century*, University of Missouri, Columbia, USA.

Информация об авторе

Роман Р. Романов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; roman-romanov-1998@list.ru

Information about the author

Roman R. Romanov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; roman-romanov-1998@list.ru

Стратегическое партнерство ФРГ с Россией 1994–2000 гг.

Георгий А. Хорошевский
*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, georgh1998@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена феномену стратегического партнерства ФРГ и РФ с 1994 г., когда было заключено соглашение о партнерстве и сотрудничестве по 2000 г., когда к власти в РФ приходит Владимир Путин. Автор, используя историко-генетический метод, предпринимает попытку осветить эволюцию партнерства в контексте взаимосвязи стратегического партнерства как европейского явления и части немецкой национальной политики. На основе разнообразных источников в работе сравниваются подходы к определению генезиса явления, к его качественному содержанию и эволюции. Различия подходов продемонстрированы на примере различных публикаций и нормативно-правовой базы. На основе собранных материалов автор реконструирует ожидания ФРГ и РФ от стратегического партнерства, обозначает препятствия для его реализации в полной мере. Отдельно выделены причинно-следственные связи, лежащие в основе такого формата отношений. Для наглядности они изложены в хронологическом порядке. Такое изложение позволило воссоздать динамику развития партнерства и полнее осветить ожидания сторон. Автор приходит к выводу о существовании двух уровней стратегического партнерства: институционального (связь: Германия – ЕС – РФ) и межгосударственного (связь: ФРГ – РФ), где трендом является именно переход к институциональному уровню.

Ключевые слова: Стратегическое партнерство, германо-российские отношения, постбиполярная эпоха, Европейский союз, Герхард Шредер, Гельмут Коль

Для цитирования: Хорошевский Г.А. Стратегическое партнерство ФРГ с Россией 1994–2000 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 41–52. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-41-52

Strategic partnership between Germany and Russia, 1994–2000

Georgii A. Khoroshevskii

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, georgh1998@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the strategic partnership between Germany and Russia from 1994, when an agreement on partnership and co-operation was concluded, up to 2000, when Vladimir Putin came to power in the Russian Federation. The author, using the historical-genetic method, attempts to highlight the evolution of the partnership in the context of the interrelationship of the strategic partnership, as a European phenomenon, and the part of the German national policy. Based on a variety of sources, the paper compares specific approaches to defining the genesis of the phenomenon, its qualitative content and evolution. The differences in approaches are illustrated on the example of various publications and legal frameworks. On the basis of the collected material, the author reconstructs the expectations Germany and the Russian Federation sought to get from the strategic partnership and identifies the obstacles to its full realization. The causal links underlying this format of relations are separately highlighted. For the sake of clarity, they are listed chronologically. Such a presentation made it possible to recreate the dynamics of the partnership development and to provide more information on the expectations of the parties. The author concludes that there were two levels of the strategic partnership: the institutional one (the link: Germany – the EU – Russia) and the interstate partnership (the link: Germany – Russia), where the trend was exactly the transition to the institutional level.

Keywords: strategic partnership, German-Russian relations, post-bipolar era, European Union, Gerhard Schröder, Helmut Kohl

For citation: Khoroshevskii, G.A. (2025), “Strategic partnership between Germany and Russia, 1994–2000”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 41–52, DOI:

Введение

Старт постбиполярной эпохи международных отношений открыл перед европейскими государствами окно возможностей. Новая система, пока еще неоформленная, обладала определенной гибкостью и лояльностью по отношению к самым предприимчивым участникам. Стратегическое партнерство между Россией и Германией можно считать одним из символов этой предприимчивости и пост-биполярной эпохи в целом.

Тем не менее символ не может существовать в историко-политическом вакууме; он всегда заключен в определенный контекст и набор причинно-следственных связей. Эта статья – попытка определения этих связей в разрезе германо-российского стратегического партнерства.

Генезис и исторический контекст стратегического партнерства

В исторической науке не существует единого подхода для определения начала стратегического партнерства. Например, белорусский исследователь В.В. Фрольцов утверждает, что ФРГ начала выстраивать отношения с будущей Россией еще в последние месяцы существования СССР. Доказательством этого можно считать договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией¹ (подписан 9 ноября 1990 г.) [Фрольцов 2013, с. 102].

Важность договора в контексте исследования стратегического партнерства раскрывается в статьях 8 и 20. Именно в них определены сферы сотрудничества между странами и декларировано намерение сотрудничества в рамках международных организаций. Такое содержание вполне соответствует духу и букве современной трактовки партнерства.

С другой стороны, немецкий исследователь Ганс Адомейт предлагает другую точку отсчета [Adomeiet 2021, p. 107]. По его мнению, старт германо-российского стратегического партнерства, начинается после заключения соглашения о партнерстве и сотрудничестве с новообразованным Европейским союзом от 24 июня 1994 г.² (далее в тексте – СПС). Специфика исследования полагает использование именно германской точки зрения.

¹ Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германией // Электронный фонд правовых и нормативно-справочных документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901736371> (дата обращения 16.10.2023).

² Agreement on partnership and cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part // Eur-lex.europa.eu. 28.11.1997. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A21997A1128%2801%29> (дата обращения 16.10.2023).

Опираясь на два обозначенных примера, следует подчеркнуть существование различий уже на уровне определения временных рамок. Причина этому – использование различных подходов к определению сути стратегического партнерства. Так, российские исследователи склонны относить партнерство к межстрановому взаимодействию, а немецкие коллеги концентрируют свое внимание на связи «государство-надгосударственный институт» (ЕС).

Раскрывая авторский подход к исследованию, заметим, что статья выстроена на основе предположения, что до Амстердамского договора ЕС формат взаимодействия государство–государство являлся преобладающим. Во время формирования концепции (в 90-е годы XX в.) ФРГ играла преобладающую роль на поле создания политического нарратива о партнерстве и его практической реализации. Позднее из-за усложнения системы принятия решений в Европейском союзе и смене политического истеблишмента в самой республике, темпы развития партнерства замедлились.

Эта логика находит подтверждение в работах германских исследователей. Например, Ганс Адомайт выдвигает точку зрения о наличии лоббизма со стороны Германии в отношении заключения СПС [Adomeiet 2020, pp. 279–281]. Лоббизм, надо полагать, заключался в использовании административного ресурса: Республика являлась председателем Совета ЕС в 1994 г. и использовала его прерогативу в области формирования внешней политики, предложив заключить СПС с РФ.

Автор тем не менее склонен полагать, что СПС не является следствием сверхусилий или откровенного лоббизма одной из сторон. Обращаясь к международной практике, заметим, что СПС было также заключено с 10 бывшими республиками СССР. Таким образом, СПС образца 1994 г. можно охарактеризовать как «типовое соглашение». Существенных различий в тексте документов не выявлено.

Соответственно, важной становится не юридическая, а символическая, риторическая часть соглашения³. Документ стоит трактовать как индикатор готовности к сотрудничеству и жест добрых намерений. Но для воплощения текста в жизнь требуется конкретизация сфер совместной работы и взаимно направленная политическая воля элит.

Год заключения СПС можно охарактеризовать как один из

³ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Россией 1994 г., комментарий канд. юрид. наук П.А. Калиниченко. URL: <https://archive.md/RB0k6> (дата обращения 16.10.2023).

пиков проявления этой политической воли: был реализован ряд инициатив, отвечающих интересам обеих стран.

С одной стороны, объединенная Германия, занимая особое место в политическом и экономическом пространстве Запада, способствовала обновлению его политико-институционального климата, активно подключая Россию к диалогу на уровне G-7, ОБСЕ, МВФ, Всемирного банка. С другой стороны, Россия помогла в создании новой Германии, подписав договор формата 2 + 4⁴. Документ, в частности, предписывал вывод группы советских войск с территории бывшей ГДР.

На этом обе страны достигли своих тактических целей на международной арене. Россия получила финансирование и доступ в международное пространство. Германия – суверенность и роль европейского локомотива. Достижение этих целей стало первым импульсом для замедления развития партнерства: время полного созвучия политических интересов закончилось [Wagensohn 2001, p. 523].

Тем не менее важно углубиться в причины замедления, поскольку именно они будут препятствовать развитию стратегического партнерства в дальнейшем.

1. Штефан Жабо отмечает, что ФРГ после объединения начинает отходить от концепции гражданской силы (*Zivilmacht* по Гансу Маулю) и применять паттерны поведения обычной великой державы, ставя во главу угла национальные интересы [Szabo 2017, pp. 38–41].

2. Возрастает военная вовлеченность Республики в международные конфликты. Посредством НАТО войска Бундесвера начинают принимать участие в военных действиях. Первая операция – на территории Югославии, которую германские СМИ характеризуют как гуманитарное вмешательство, затем Бундесвер начинает расширять географию своего участия в военных операциях [Пархитко 2010, с. 322]. Осуществляется поддержка воинского контингента НАТО на территории Хорватии, Боснии (персонал, военная инфраструктура). Отдельные воинские подразделения отправлены в Сомали. После событий 11 сентября 2001 г. – в Афганистан [Пархитко 2010, с. 325].

3. Господство логики «обеспечения безопасности» в Центральной и Восточной Европе⁵ находит свое противодействие в России.

⁴ Zwei-plus-Vier-Vertrag über die abschließende Regelung in Bezug auf Deutschland // Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/themen/deutsche-einheit/zwei-plus-vier-vertrag/> (дата обращения 25.10.2023).

⁵ Ibid.

Югославские события, позднее – военная операция в Косово, вызвали ревизию доктрины Козырева⁶.

Эти факторы могут быть отмечены общим политологическим клише: страны борются за свое место в пост-биполярном мире. Германский исследователь Шпангер отмечает, что стремление Германии стать великой державой, сдерживаемое гражданской силой ведомств и законов, конкурирует с другими игроками на международной арене [Шпангер 2010, с. 39]. В результате происходит логичный конфликт с «великодержавным» российским стремлением. Проявлением конфликта с российской стороны становится выбор доктрины прагматичного реализма Примакова [Tsygankov 2016, pp. 80–81].

Герхард Шрёдер и реформативное партнерство

Герхард Шрёдер возглавил ФРГ в непростое время. Электорат требовал обновления как социальной, так и политической сферы⁷. При этом германские СМИ замечают, что правящая партия – СДПГ – приближается по своему политическому содержанию⁸ к своему идеологическому противнику – Христианским демократам. Доказательства данному тезису можно найти в статистических обзорах⁹, показывающих, что сторонники ХДС начинают отдавать голоса за оппозицию.

Возникает парадоксальная ситуация: если различия в риторике партий не являются существенными, то Шрёдера выбрали за его

⁶ Никонова В.А. Политика в современной России. 2005 // Lawbook. URL: <https://lawbook.online/kniga-sotsiologiya-politiki/amerikanotsentrizm-doktrina-kozyireva-33263.html> (дата обращения 25.10.2023).

⁷ + Von wegen “Jahrhundertfigur”: Warum Kohl kein großer Kanzler war // Spiegel. 22.06.2017. URL: <https://www.spiegel.de/spiegel/helmut-kohl-ein-grosser-kanzler-war-er-nicht-ein-widerspruch-a-1153425.html> (дата обращения 25.10.2023).

⁸ Serie Bundestagswahlen: 1998: Schröders Sieg, Kohls Ende // Tagespiegel. 02.08.2013. URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/geschichte/schroders-sieg-kohls-ende-2560639.html> (дата обращения 16.11.2023).

⁹ Stöss R., Neugebauer G. Die SPD und die Bundestagswahl 1998: Ursachen und Risiken eines historischen Wahlsiegs unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse in Ostdeutschland // Freie Universität Berlin, Otto-Stammer-Zentrum. S. 22. URL: <https://www.polsoz.fu-berlin.de/pol-wiss/forschung/systeme/empsocz/team/ehemalige/Publikationen/schriften/Arbeitshefte/arbeitshefte2.pdf> (дата обращения 16.11.2023).

личный бренд и образ кризис-менеджера. Политик последовательно выступал за инновации и социальную справедливость, что находило отклик как в СМИ, так и в широких слоях электората. Однако, если поддерживать такой образ, неизбежно принятие на себя риторических «обязательств». Например, выступая за обновление, нельзя избегать темы формирования новых (в смысловом плане) отношений с Россией.

Прошлого канцлера – Гельмута Коля – критиковали за слишком тесные личные отношения с Борисом Ельциным (“Saunadiplomatie”) [Heinemann-Grüder 2022, S. 360]. Соответственно, для оправдания ожиданий избирателя, уровень отношений необходимо было либо понизить, либо переформатировать. Эти тренды определяют первые годы Шрёдера во власти и станут, если не основой, то опорой для стратегического партнерства международного, но не межгосударственного института. Впрочем, *status quo* изменится после избрания нового российского президента в 2000 г.

Пока же первый визит нового канцлера в Россию проходил весьма сдержанно. Германские СМИ присвоили ему неформальный девиз «Вон из сауны»¹⁰. Пространство для политического маневра сузилось еще больше, когда начались бомбардировки Югославии [Spanger 2005, SS. 5–9].

Встречной зоной конфликта стала вторая фаза чеченского конфликта (август, 1999 г.). Война еще жестче поставила вопрос о российских представлениях о безопасности и вызвала негативную реакцию европейского сообщества [Tsygankov 2016, pp. 106–107].

Однако сугубо пессимистичный тон в оценке стратегического партнерства в начале канцлерства Герхарда Шрёдера не совсем уместен; были попытки преодоления негативных трендов. В качестве примера можно использовать речь Бундеспрезидента Романа Герцога на Потсдамских встречах. Президент утверждал, что действия НАТО в Югославии не являются проявлением стремления Запада к гегемонии. Действия союза должно трактовать как попытку защиты общества модерна (права человека, демократия, верховенства закона) от общества пре-модерна. При этом Россия в этой логике являлась значимой частью мира модерна; ей отводилась роль медиатора, активного примирителя¹¹.

¹⁰ Rot-Grün streitet über Zuwanderung // Handelsblatt. 17.11 1998. S. 3.

¹¹ Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog anlässlich der ersten Konferenz “Deutsch-Russisches Kulturforum Potsdamer Begegnungen” 27.04.1999. URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Roman-Herzog/Reden/1999/04/19990427_Rede.html?sessionId=755683E9F25CA91F399CBDC30109DDD8.internet011 (дата обращения 05.12.2023).

В контексте неоднозначного представления о роли России в международном пространстве и необходимости адаптации отношений можно выделить следующий этап развития стратегического партнерства – международное измерение.

Степень интеграции, достигнутая после заключения Амстердамского договора ЕС, сделала возможной выработку совместной внешней политики всех стран-членов ЕС. Если Маастрихтский договор содержал в себе оговорку, позволяющую осуществлять общую внешнюю политику (далее – ОВПБ) только там, где действуют общие стратегические интересы, Амстердамский формат кооперации определил ОВПБ как обязательство всего союза, т. е. каждый член интеграционного объединения должен участвовать в разработке и принятии внешнеполитического решения, солидаризовавшись таким образом с остальными деятелями союза [Сербина 2009, с. 197].

Отметим, что инструментарий введен в действие перед расширением ЕС на Восток. Такое сочетание факторов: интеграция стран бывшего ОВД в европейское пространство и их автоматическое привлечение к процессу принятия внешнеполитических решений осложнило реализацию стратегического партнерства с Россией в будущем. Так, Дов Линч характеризовал влияние расширения на Восток как «драматическое» [Lynch 2004] для концепции.

Возвращаясь к анализу исторических событий, отметим, что в 1999 г. Россия становится первым адресатом нового «амстердамского» инструмента – Стратегии ЕС, «отвечающей на общие вызовы континента путем активизации сотрудничества с Россией» [Данилов 2021]. Подавляющий объем текста сосредоточен вокруг способов реализации общей внешней политики безопасности; содержит в себе в том числе цели и инициативы к реализации по отношению к РФ.

Документ ценен тем, что не является типовым, как соглашение 1994 г., а содержит в себе конкретные области взаимодействия, а из четырех декларируемых главных целей можно синтезировать европейские ожидания по отношению к России.

Таким образом, совместная стратегия ЕС по отношению к России¹², принятая в порядке выполнения СПС, включает четыре направления:

¹² Общая стратегия 1999/414/CFSP по отношению к России (Кёльн, 3–4 июня 1999 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901888713> (дата обращения 08.12.2023).

1. Укрепление демократии, принципа правового государства и государственных учреждений в России.

2. Интеграция России в общеевропейское экономическое и социальное пространство.

3. Сотрудничество в интересах укрепления стабильности и безопасности в Европе и за ее пределами.

4. Общие проблемы европейского континента.

Для реализации направлений было предложено десять инициатив. Их можно разделить на две категории: построение демократического общества в России и обеспечение международной безопасности.

Такое разделение изначально закладывает в потенциальное сотрудничество противоречие, которое можно сформулировать следующим образом: «Россия рассматривается как выгодный партнер для решения двусторонних и международных проблем, выгодных обоим акторам, но каким-то образом это становится возможным только после того, как страна (Россия) пройдет процесс внутренней трансформации согласно европейским стандартам. Такой подход не дает внятного ответа на вопрос, может ли осуществляться стратегическое партнерство, если партнеры находятся в разных системах ценностей?..» [Schuette 2004].

Рассматривая стратегическое партнерство с точки зрения сугубо германской политики, отметим, что оно развивалось в рамках формата, описанного выше: после вывода российских войск из Германии темп развития отношений замедлился, а Шрёдер, только что избранный, не спешил его наращивать. Лейтмотивом германской политики партнерство станет в 2000-х гг., после прихода к власти Владимира Путина.

Заключение

Стратегическое партнерство – образцовая внешнеполитическая концепция пост-биполярного мира, позволившая Германии по-новому отформатировать евразийское пространство.

Институциональную форму оно обретает в 1994 г., после заключения СПС. Однако соглашение является типовым и декларирует сотрудничество на самых широких основах. Поэтому стратегическое партнерство образца 1994 г. – это скорее европейская попытка (под руководством Германии) организации общего пространства безопасности и сотрудничества, имеющая важное риторическое, но не практическое значение.

Активные действия в рамках партнерства стали заметны уже на межгосударственном уровне. Они осуществляются с опорой на взаимные, вполне прагматичные интересы. Происходит краткосрочное совпадение германских и российских трендов развития: отход Германии от доктрины “Zivilmacht” и переход России к доктрине Примакова.

В свою очередь, благодаря этому совпадению начинается оформление стратегического партнерства как международного явления. Впрочем, этот процесс разворачивается в полную силу уже при Герхарде Шредере и другом режиме функционирования ЕС. При нем конкретизировались сферы совместной работы, появились первые инициативы. Вместе с ними впервые появился и ценностный нарратив, утверждающий возможность сотрудничества с Россией при ее соответствии демократическим ожиданиям ЕС. Эта логика также коррелирует с политикой нового канцлера, который стремится поставить отношения на новые рельсы.

Таким образом, уже в 1994 г. в концепцию было заложено два трека: позитивный (сотрудничество с РФ в сфере безопасности, экономики, науки, образования, культуры) и негативный (не соответствие ценностному стандарту Европейского союза и Германии).

Литература

- Данилов 2021 – Данилов Д.А. Политические отношения Россия – ЕС: эволюция и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 121–138.
- Пархитко 2010 – Пархитко Н.П. Эволюция военной политики ФРГ после объединения страны // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 5. С. 320–326. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-voennoy-politiki-frg-posle-obedineniya-strany> (дата обращения 09.01.2025).
- Сербина 2009 – Сербина А.С. Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС: испытание Востоком // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 196–199. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-vneshnyaya-politika-i-politika-bezopasnosti-es-ispytanie-vostokom> (дата обращения 09.01.2025).
- Фрольцов 2013 – Фрольцов В.В. Постсоветские государства во внешней политике ФРГ (1991–2005). Мн.: БГУ, 2013. 431 с.
- Шпангер 2010 – Шпангер Х.И. Германия и Россия: нежданное стратегическое партнерство // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 6. С. 38–45.
- Adomeiet 2020 – Adomeiet H. Bilanz der deutschen Russlandpolitik seit 1990 // SIRI-US – Zeitschrift für Strategische Analysen. 2020. Vol. 4. No. 3. P. 276–292.

- cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-voennoy-politiki-frg-posle-obedineniya-strany (Accessed 9 Jan. 2025).
- Schuette, R. (2004), *EU – Russia relations: Interests and values – a European perspective*, Carnegie Endowment for International Peace, available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep12825> (Accessed 9 Jan. 2025).
- Serbina, A. (2009), “Common foreign and security policy of the EU: a test by the East”, *Tomsk State University Journal*, no. 324, pp. 196–199, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-vneshnyaya-politika-i-politika-bezopasnosti-esipyatanie-vostokom> (Accessed 9 Jan. 2025).
- Spanger, H. (2010), “Germany and Russia: an unexpected strategic partnership”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 6, pp. 38–45.
- Spanger, H.-J. (2005), *Paradoxe Kontinuitäten. Die deutsche Russland politik und die koalitionenären Farben lehren*, HSFK-Report, 12/2005, available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/29884/report1205.pdf> (Accessed 9 Jan. 2025).
- Szabo, S.F. (2017), “Germany: From civilian power to a geo-economic shaping power”, *German Politics & Society*, vol. 35, no. 3, pp. 38–54.
- Tsygankov, A.P. (2016), *Russia's foreign policy change and continuity in national identity*, The Rowman & Littlefield Publishing Group, Inc., Lanham, USA.
- Wagensohn, T. (2001), “Die Dominanz Der Neuen Sachlichkeit: Rußland und Deutschland – von El'cinzu Putin”, *Osteuropa*, vol. 51, no. 4/5, pp. 522–531.

Информация об авторе

Георгий А. Хорошевский, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; georgh1998@gmail.com

Information about the author

Georgii A. Khoroshevskii, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; georgh1998@gmail.com

Роль Ближнего Востока в формировании внешнеполитических ориентиров Японии в послевоенный период

Анна С. Бушуева

*Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД
Российской Федерации, Москва, Россия,
bushueva.a.s@my.mgimo.ru*

Аннотация. Цель данного исследования состоит в определении ориентиров Японии на международной арене и роли Ближнего Востока во внешней политике Японии в послевоенный период. Актуальность темы обусловлена современными трендами во внешней политике Японии, когда ее дипломатия в регионе становится более проактивной, что обусловлено энергоресурсной значимостью Ближнего Востока, что, как следствие, порождает конкуренцию среди стран за геополитическое влияние; Токио одновременно позиционирует себя как проводник «западных ценностей» в регионе, следуя в фарватере Вашингтона в ближневосточном регионе, и как страна Востока. При этом особенности процесса принятия решений внутри самой Японии делают ее политику «неповоротливой», лишая ее динамики в крайне конфликтном регионе, где ситуация стремительно меняется.

В данной статье представлено теоретическое обоснование внешнеполитического курса Японии, выбора ее приоритетов и определена роль Ближнего Востока в данной стратегии.

Ключевые слова: внешняя политика Японии, японо-ближневосточные отношения, японо-американский альянс безопасности, энергетическая безопасность

Для цитирования: Бушуева А.С. Роль Ближнего Востока в формировании внешнеполитических ориентиров Японии в послевоенный период // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 53–73. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-53-73

The role of the Middle East in the shaping of Japan's foreign policy in the postwar period

Anna S. Bushueva

MGIMO University, Moscow, Russia, bushueva.a.s@my.mgimo.ru

Abstract. The purpose of this study is to determine Japan's guidelines in the international arena and the role of the Middle East in Japan's foreign policy in the postwar period. The relevance of the topic is conditioned by the current trends in Japan's foreign policy, when its diplomacy in the region becomes more proactive due to the energy and resource importance of the Middle East, which, as a consequence, generates competition among the countries for geopolitical influence. On the one hand, Tokyo positions itself as a promoter of "Western values" in the region, following Washington's path in the Middle East region, and, on the other, as a country of the East. At the same time, the peculiarities of the decision-making process inside Japan itself make its policy "sluggish", depriving it of dynamics in a highly conflict-prone region, where the situation is rapidly changing.

The article presents a theoretical foundation of Japan's foreign policy course, substantiates the choice of its priorities and defines the role of the Middle East in this strategy.

Keywords: Japan's foreign policy, Japan-Middle East relations, Japan-U.S. security alliance, energy security

For citation: Bushueva, A.S. (2025), "The role of the Middle East in the shaping of Japan's foreign policy in the postwar period", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 53–73, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-53-73

Введение

После поражения во Второй мировой войне Япония вынужденно оказалась в условиях необходимости пересмотра своих стратегических приоритетов, обусловленных как внутренними, так и внешними факторами. На фоне утраты военной мощи, оккупации Соединенными Штатами и попыток интегрироваться в новую систему международных отношений Япония сосредоточилась на экономическом восстановлении и поисках политического равновесия. Ведущая роль США как «гаранта» японской безопасности и суверенитета оказывала существенное влияние на выбор Японией внешнеполитических приоритетов. В первые послевоенные годы

был сделан акцент на восстановление отношений со странами-соседями, пострадавшими от японского милитаризма; и только экстенсивный экономический рост и, в связи с этим, растущая потребность в энергоресурсах являлись единственным связующим звеном между Японией и странами региона Ближнего Востока¹. Смена парадигмы произошла в 1973 г., когда Организация арабских стран-экспортеров (ОАПЕК) ввела нефтяное эмбарго по итогам арабо-израильской войны Судного дня. Кризис, который последовал за этим событием, серьезно затронул японскую экономику, что побудило правительство Японии пересмотреть приоритеты в отношениях с Ближним Востоком. С тех пор наметилась тенденция на выстраивание «качественных» отношений с регионом одновременно с курсом на снижение зависимости от энергоресурсов, в том числе и помощи Токио в переходе экономик стран-нефтеэкспортеров на более высокотехнологичный уровень. Речь идет в том числе о «зеленой энергетике», в развитии которой Япония стала абсолютным лидером.

Помимо объективных ограничений – невозможность оказать военную поддержку странам и союзникам в конфликтогенном регионе – существовали и субъективные. В частности, речь идет об особенностях японского внешнеполитического процесса, достаточного «неповоротливого» и лишенного возможности оперативного реагирования.

Таким образом, *цель* данного исследования состоит в обосновании выбора Японией стратегии в отношении региона Ближнего Востока и оценки его роли во внешней политике страны в послевоенный период с учетом ее внешнеполитических ориентиров и особенностей принятия внешнеполитических решений.

Актуальность статьи обусловлена трендами последних двух десятилетий во внешней политике Японии, направленных на пересмотр подходов к ближневосточному региону параллельно с переживаемыми им геополитическими трансформациями. В частности,

¹ Министерством иностранных дел Японии понятие «Ближний Восток» определяется как регион, который включает в себя 16 государств: Афганистан, Бахрейн, Исламскую Республику Иран, Ирак, Израиль, Иорданию, Кувейт, Ливан, Оман, Катар, Саудовскую Аравию, Сирийскую Арабскую Республику, Турцию, Объединенные Арабские Эмираты, Йеменскую Республику. На сегодняшний день Саудовская Аравия и ОАЭ являются основными поставщиками нефти в Японию. В разные периоды после войны страна активно импортировала из Ирана (до Исламской революции 1979 г.). Другими ключевыми странами также являются Кувейт, Катар и Оман.

энергетический интерес к Ближнему Востоку продолжает требовать от Токио более гибкого подхода, как это было во времена нефтяных «шоков» 1970-х гг., кризиса в Персидском заливе 1990–1991 гг. и продолжающихся по сей день арабо-израильских войн. Пересмотру стратегии также способствует необходимость для Японии балансировать между своим стратегическим союзником США и своими национальными интересами (как, к примеру, в случае с Ираном), а также изменение международно-политического контекста (выход на «ближневосточную авансцену» КНР).

При этом эволюция ближневосточной политики Японии по-прежнему мало изучена в отечественной науке.

В своем исследовании автор руководствуется прежде всего принципом (или методом) историзма. Из вспомогательных методов используются общенаучные (индуктивный, от частного к общему) и частнонаучные, применяемые к историческим исследованиям. Это, прежде всего, историко-системный, позволяющий проанализировать развитие ближневосточной политики Японии с точки зрения системы факторов (внешних и внутренних), на них влияющих.

Формирование внешнеполитических ориентиров в послевоенный период и особенности принятия внешнеполитических решений в Японии

В августе 1945 г. Япония впервые в своей истории была оккупирована внешними силами. Страна вернулась к границам, оформившимся в годы реставрации Мейдзи, а большинство крупных городов были в значительной степени разрушены. Кроме того, Японию ожидала оккупация союзными войсками и переформатирование не только государственного устройства, но и общественных ценностей.

Как пишет профессор и бывший дипломат К. Того, японский народ в своем большинстве не стал рефлексировать по поводу своего прошлого и сожалеть о конце эпохи – скорее, он погрузился в пустоту, из которой он возродился, с интуитивным ощущением новой реальности. Так возникли новые ценности, на которых строилось послевоенное японское общество: пацифизм (мир как высшая ценность), демократия (свобода от жесткого социального контроля) и важность института Императора (символ единства, культурной преемственности и сохранения традиций). Четвертым элементом нового «фундамента», который проявился уже позднее, стала концентрация на послевоенном восстановлении и экономическом развитии [Togo 2005, pp. 31–35].

Все эти ценности, а также результаты, по большей части, американского управления, сформировали внутреннюю и внешнюю политику Японии, когда после подписания Сан-Францисского мирного договора в 1951 г. страна вернулась на мировую арену в качестве полноценного субъекта международных отношений.

Одновременно с этим на неопределенный срок подписывается японо-американский договор безопасности, который фактически обозначил контуры военно-политического союза между двумя странами².

Несмотря на очевидный консенсус по поводу проамериканской ориентации, о котором пишет К. Того (в частности, конвергенция ценностей двух стран и успех «гибкого» оккупационного управления США), внутри страны наблюдалась поляризация политических сил, однако вскоре сложилась уникальная и жизнеспособная партийно-политическая модель с доминирующей Либерально-демократической партией (ЛДПЯ), именуемая впоследствии «системой 1955 года».

В 1960 г. был заключен новый Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности. В отличие от пакта 1951 г., который фактически носил бессрочный характер³, новый заключался на срок до 10 лет, по истечении которых любая из сторон могла выйти из него, за год уведомив об этом другую сторону⁴.

Так проамериканский вектор стал фундаментом японской внешней политики на многие десятилетия вперед. В первой половине 80-х гг. XX в. этот курс внешней политики с подачи японского политолога М. Нисихара получил название «доктрина Ёсида»

² 日本国とアメリカ合衆国との間の相互協力及び安全保障条約 [Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией] // Министерство иностранных дел Японии. 19.01.1960. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/usa/hosho/pdfs/jyoyaku.pdf> (дата обращения 11.11.2024).

³ В статье 4 соответствующего договора говорилось лишь об условиях прекращения его действия, в частности, когда «вступят в силу меры ООН, достаточные для поддержания международного мира и безопасности вокруг Японии» или стороны придут к выводу, что поддержание безопасности и мира в Японии возможно иным путем. URL: <https://worldjpn.net/documents/texts/docs/19510908.T2J.html> (дата обращения 11.11.2024).

⁴ 日本国とアメリカ合衆国との間の相互協力及び安全保障条約 [Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией] // Министерство иностранных дел Японии. 19.01.1960. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/usa/hosho/pdfs/jyoyaku.pdf> (дата обращения 11.11.2024).

[Наканиси 2003, с. 124–126] в честь ее идеолога, премьер-министра С. Ёсида (1946–1947 гг. и 1948–1954 гг.). «Доктрина Ёсида» – это теоретическая концепция, как ее охарактеризовал профессор Х. Хосиро, которая заключалась в использовании Японией той реальности в сфере безопасности, которая сложилась благодаря союзу с США, для минимизации собственных оборонных расходов (на уровне 1% ВВП) и инвестиций в экономический рост и развитие [Hoshiro 2022, pp. 105–128].

В 1967 г. Э. Сато дополнил доктрину «тремя неядерными принципами»: «не иметь», «не производить», «не ввозить»⁵. Позже «три неядерных принципа» вошли в так называемую «ядерную политику, состоящую из четырех направлений» (核四政策 <какуюёнсэйсаку>), куда были добавлены стремление к ядерному разоружению и искоренению ядерного оружия, опора на мощь ядерного сдерживания США, а также развитие «мирного атома»⁶.

Кроме того, в 1960-х гг. Япония обращает свое внимание на богатый дешевой нефтью Ближний Восток. Переориентация на нефть и адаптация зарубежных технологий позволили Японии развивать малые сектора экономики, в довоенный период служившие основой индустриализации (текстиль, машиностроение, т. д.), а необходимость в импорте энергоресурсов и экспорте готовой продукции привела к развитию смежных отраслей, в частности судостроения. Высокая трудоемкость новых отраслей окупилась высокой конкурентоспособностью японской продукции на мировых рынках [Sinha 1974, p. 336], и неслучайно нефть называют одним из столпов японского экономического чуда [Sugihara 1993, p. 4–5].

Так, уже к началу 1970-х гг. более 70% «черного золота» поступало в Японию с Ближнего Востока⁷, поэтому нефтяной кризис 1973 г., вызванный арабо-израильским конфликтом, заставил

⁵ Three non-nuclear principles. Statement by prime minister Eisaku Sato at the Budget Committee in the House of Representative // MOFA Japan. 11.12.1967. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/un/disarmament/nnp/> (дата обращения 27.02.2023).

⁶ 非核三原則と核密約論議 [Три неядерных принципа и секретные ядерные соглашения] // Палата советников парламента Японии. URL: https://www.sangiin.go.jp/japanese/annai/chousa/rippou_chousa/backnumber/2010pdf/20101001101.pdf (дата обращения 25.02.2023).

⁷ При этом большая часть поставок нефти осуществлялась через «Семь сестер» – так с подачи бизнесмена Энрико Маттеи был назван консорциум из крупных англосаксонских нефтяных компаний: три крупнейшие Shell, Anglo-Persian Oil Company, Standard oil of California и другие.

Японию переосмыслить свою политику в регионе⁸. Токио занимает проарабскую позицию (в том числе в ООН), противоположную американской, с целью обеспечения стабильных поставок энергоресурсов. С 1975 г. Токио расширяет сферу охвата ОПР и начинает оказывать экономическую поддержку странам Ближнего Востока⁹. Кроме того, японская сторона в конце 1970-х – начале 1980-х гг. по-своему старается поддерживать мирные инициативы в регионе, стать посредником в урегулировании ближневосточного конфликта при поддержке Организации освобождения Палестины (ООП), однако местами сталкивается с «дилеммой» на фоне вынужденно двойственного подхода, где на одной чаше весов тесный союз с США, а на другой – энергетическая безопасность страны.

Самым непростым периодом для Японии стала холодная война – прежде всего в контексте ее отношений с Соединенными Штатами. С исчезновением с политической карты мира Советского союза японо-американский альянс, казалось бы, утратил свою *causa essendi*. Нельзя не учитывать и уход из жизни в 1989 г. императора Хирохито, взошедшего на трон в 1926 г., и единственного монарха, известного подавляющему большинству японцев, а также символа послевоенной трансформации Японии. Более того, на этом этапе Токио ждал кризис в Персидском заливе (1990–1991 гг.), который впоследствии был назван крупнейшим «дипломатическим провалом» из-за катастрофической недооценки усилий Японии по помощи Кувейту. Таким образом, все указывало на то, что Япония, как субъект международных отношений, нуждается в переменах. Однако вопрос был, в каких именно.

Прослеживая внешнюю политику Японии в послевоенный период, можно сделать вывод, что ее основой был японо-американский союз безопасности и укрепление международного авторитета на базе пацифистской риторики и экономических возможностей. При этом Токио готов был отклониться от проамериканского курса, если на кону стояли национальные интересы – как это было в случае с Ближним Востоком.

⁸ Кроме того, к этому времени подходил к концу процесс деколонизации стран Ближнего Востока, пусть это и не означало окончание внешнего вмешательства и освобождение от зависимости. Однако арабские страны быстро осознали, что могут использовать нефть как инструмент давления на своих «патронов», тем самым пытаясь лавировать для достижения собственных выгод.

⁹ History of official development assistance // MOFA Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/summary/1994/1.html#1> (дата обращения 01.02.2025).

Кроме того, на первый взгляд кажется, что взаимодействие Японии с внешним миром было в основном детерминировано внешним давлением (外圧 <*gaiatsu*>) со стороны США, которое, в свою очередь, было обусловлено парадигмой оккупационного прошлого и затем американо-советского противостояния. Тем не менее, «односторонняя» характеристика японского внешнеполитического процесса (как, возможно, и любого другого) представляется ошибочной: в то время, как международная обстановка очерчивает контуры внешней политики, ее основу все же составляют внутренние факторы. В частности, во внешнеполитическом уравнении существуют такие переменные, как государственные деятели, ответственные за принятие решений; группы, интересы которых они представляют; взаимоотношения между законодательной и исполнительной ветвями власти; общий бюрократический фон и т. д.

Особенности процесса принятия внешнеполитических решений в Японии

До 1980 г. участие в формировании внешней политики Японии принимало ограниченное число ведомств и министерств: Министерство иностранных дел, Управление национальной обороны Японии (с 2007 г. Министерство обороны), Министерство международной торговли и промышленности (с 2001 г. Министерство экономики, торговли и промышленности), Министерство финансов, Министерство сельского хозяйства, лесных угодий и рыбного промысла (до 1978 г. Министерство сельского и лесного хозяйства), а также Агентство экономического планирования. Когда в 1980-х гг. произошла «интернационализация» японской экономики, к внешнеполитическому процессу одними из первых подключились Министерство почты и телекоммуникаций (в 2001 г. вошло в Министерство внутренних дел и коммуникаций), Министерство транспорта (с 2001 г. вошло в Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии) и т. д. [Ahn 1998, p. 42] Формально головным ведомством в сфере внешней политики выступает Министерство иностранных дел, внутри которого наблюдается секционализм. Как пишет японский исследователь И. Кавабэ, самой влиятельной «школой» в послевоенный период была американская, «участники» которой проходили полноценное обучение языку и культуре в Соединенных Штатах. И. Кавабэ называет этих «проамериканских бюрократов» стержнем японо-американского альянса [Кавабэ 2002, с. 42–43].

Глава МИД¹⁰, в свою очередь, выполняет роль главного советника премьер-министра по дипломатическим вопросам. Из-за характерных для политической культуры Японии частых (в основном ежегодных) перестановок в кабинете, министр не успевает набраться опыта и выработать долгосрочную внешнеполитическую стратегию¹¹.

Кроме того, неслучайно профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол А.Н. Панов отмечает, что весь процесс от разработки до принятия того или иного внешнеполитического решения идет «снизу вверх» (稟議 <ринги>). Это также соотносится с практикой бюрократов низшего звена следовать выработанной годами политики министерства, с твердой опорой на имеющиеся прецеденты. С одной стороны это обеспечивает стабильность японской дипломатии, а с другой – затрудняет адаптацию к динамично меняющейся глобальной среде.

В действительности МИД не обладает монополией на принятие решений, и в зависимости от контекста на первый план могут выходить профильные ведомства. Нередко это приводит к конфликту интересов и межведомственным распрям, например в вопросах внешнеэкономической деятельности [Стрельцов 2010, с. 249]. Более того, это также поднимает вопрос о координации между полуавтономными ведомствами и эффективности работы правительства в целом.

Здесь же стоит подчеркнуть и механизмы власти в Японии. Один из них – это «железный треугольник» или тесная «спайка» между политиками, бюрократами и бизнесом. Свое внешнее оформление она получила во времена «системы 1955-го года». Как отмечает исследователь К. Шмидт, субъекты за пределами этой «пирамиды» ограничены в инструментах воздействия на политическую систему и процесс принятия решений. При этом внутреннее соотношение сил непостоянно и может меняться [Schmidt 2005, p. 50].

Отдельно стоит отметить роль премьер-министра, который во внешнеполитической сфере формально обладает широкими полномочиями, но с многочисленными неформальными ограничениями. В основном глава правительства занимается поддержанием

¹⁰ Необходимо подчеркнуть, что министр иностранных дел и его парламентские заместители (фукудайджин) являются политиками, но не чиновниками.

¹¹ Лишь немногим удалось «поломать» эту тенденцию – Охирэ Масаёси (1962–1964 гг. и 1972–1974 гг.), Абэ Синтаро (1982–1986 гг.), Коно Ёхэй (1994–1996 гг. и 1999–2001 гг.). Кисида Фумио (2012–2017 гг.) и Хаяси Ёсимаса (2021–2024 гг.).

«хрупкого баланса» между идеологически диверсифицированными фракциями в правящей партии и многочисленными группами, представляющими различные интересы. Таким образом, деятельность премьер-министра как лидера в большинстве случаев носит реактивный, а не инициативный характер. Впрочем, в вопросах внешней политики, где обычно меньше «заинтересованных сторон»¹², у японского премьер-министра шире возможности для маневра. Тем не менее таких амбициозных лидеров послевоенная история Японии знала не так много: ими были, к примеру, С. Ёсида (подписание первого договора с США и формулирование своей доктрины), Д. Коидзуми («война с терроризмом» и реализация полувоенных операций Сил самообороны на Ближнем Востоке в 2000-х гг.), т. д.

В 2001 г. в рамках реформы центрального правительства (中央省庁再編 [*тю:о:сё:тё:сайхэн*])¹³ была учреждена Канцелярия кабинета министров (内閣府 [*найкакүфу*]), которая стала центральным органом исполнительной власти Японии и связующим звеном между министерствами (были даже учреждены должности министров по специальным поручениям (特命担当大臣 <*токурэйтанто:дайджин*>) для работы по тем вопросам, которые, по мнению премьер-министра, требуют межведомственной координации). Кроме того, реформа позволила Секретариату кабинета министров (内閣官房 <*найкакүкамбо*>) брать на себя ведущую роль в подготовке и координации «важной политики» (重要政策 <*дзю:ё:сэйсаку*>).

В качестве показательного примера «слаженности» работы политического и бюрократического аппаратов можно привести принятие «антитеррористического пакета» кабинетом Д. Коидзуми на фоне теракта 9/11 в США всего за 25 дней. Тогда офису премьер-министра (官邸 <*кантэй*>) удалось полностью взять под контроль ситуацию. Безусловно, нельзя отрицать и личностный фактор самого Д. Коидзуми [Zakowski, Bochorodycz, Socha 2018, pp. 38–39].

В 2013 г. по инициативе премьер-министра С. Абэ был создан Совет национальной безопасности (国家安全保障会議 <*коккаан-дзэнхосё:кайги*>)¹⁴. Как бы то ни было, реформы лишь косвенно

¹² Во внутренней политике, в частности, стоит вопрос о распределении общественных благ. Более того, дипломатические инициативы не влияли на настроения электората в избирательных округах политиков.

¹³ 中央省庁等改革基本法 [Закон о реформе центрального правительства] // Электронная законодательная база. URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=410AC0000000103> (дата обращения 02.03.2024).

¹⁴ 中央省庁等改革基本法 [Закон о реформе центрального правительства] // Электронная законодательная база. URL: <https://elaws.e-gov.go.jp/document?lawid=410AC0000000103> (дата обращения 02.02.2024).

улучшили положение премьер-министра, помогая ему обойти некоторые этапы внутрипартийного процесса принятия решений, в то время как глава правительства по-прежнему вынужден балансировать между различными «игроками», обладающими правом вето [Zakowski, Bochorodycz, Socha 2018, pp. 40–41].

Позиция Японии по Ближнему Востоку

Япония и Ближний Восток ввиду объективной отдаленности друг от друга практически не взаимодействовали¹⁵, и так продолжалось вплоть до XX в. После победы Японии в русско-японской войне 1904–1905 гг. о ней заговорили не только в Азии, но и на Ближнем Востоке – ее триумф стал символом победы «угнетенных народов Востока» над Западом. Даже в ближневосточных колониях шла речь о мессианской роли Японии как «спасительнице ислама» перед лицом западного империализма. Более того, военный успех, который также увязывали с достижениями японской реставрации (модернизации) императора Мэйдзи, стал вдохновителем Конституционной революции в Иране (1906 г.) [Naag-Higuchi 1996, p. 78] и Младотурецкой революции в Турции (1908 г.), где младотурки провозглашали превращение Турции в «ближневосточную Японию» [Worringer 2004, p. 215]. Даже если образ Японии как освободителя был преувеличен, нельзя отрицать тот факт, что у страны не было колоний на Ближнем Востоке¹⁶, и это можно назвать ее «преимуществом»¹⁷.

¹⁵ Есть основания полагать, что в VIII в. Япония и Ближний Восток вели торговлю по Шелковому пути – в частности в японском городе Нара, тогда «конечным пунктом» на востоке торгового пути, были найдены свидетельства культурного взаимообмена (так, в сокровищнице Сёсоин до сих пор хранятся раритеты из Персии и Афганистана). Источник: Управление Императорского двора Японии.

¹⁶ На Ближнем Востоке существовали различные колонии, мандатные территории и протектораты, управляемые европейскими державами. После распада Османской империи бывшие ее территории были разделены между Великобританией (Палестина, Трансиордания, Ирак, Кувейт) и Францией (Сирия, Ливан). Кроме того, под британским контролем до 1960–1970-х гг. находились Египет, Судан и Персидский залив (Оман, Бахрейн, Катар, ОАЭ).

¹⁷ Boer J., de. Before oil: Japan and the question of Israel/Palestine, 1917–1956 // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. 2006. URL: <https://apjff.org/-John-de-Boer/2159/article.html> (дата обращения 19.03.2023).

В послевоенный период Япония, войдя в орбиту влияния США и достигнув экономического подъема, начала воспринимать себя как часть развитого и либерального Запада. В то же время страна в этот период больше внимания старалась уделять своим азиатским соседям, поэтому в отношении Ближнего Востока активной политики не проводила.

В 1973 г. грянул первый «нефтяной кризис» – государства-нефтеэкспортеры сократили объемы добычи нефти и ограничили поставки в страны, которые оказывали поддержку Израилю в войне Судного дня, в том числе Японию. Страна столкнулась с системным кризисом: набирала обороты инфляция («взбесившиеся цены» 狂乱物価 <кё:ранбукка> в интерпретации тогдашнего министра финансов Т. Фукуда), в сложном положении оказалась тяжелая промышленность. Осознав угрозу своей энергетической и, соответственно, экономической безопасности, Япония с начала 1970-х гг. начала налаживать более тесные связи с арабскими государствами региона под лозунгом «ресурсной» дипломатии.

Таким образом, данный «шок» определил политико-стратегическую направленность ближневосточной политики Японии и придал ей относительно проарабский (и происламский) характер, отдалив от США.

Стоит отметить, что американская ближневосточная внешняя политика в определенной мере зависима от фактора американо-израильских отношений, которые развиваются активно с 60-х гг. XX в. на базе общих стратегических интересов [Истомин 2014, с. 186]. Именно выбор в пользу Израиля во время Первого нефтяного кризиса «оттолкнул» Токио от Вашингтона. Тогда во время встречи с госсекретарем США Г. Киссинджером премьер-министр Японии К. Танака обратился с просьбой к США покрыть дефицит энергоресурсов, на что получил отказ [Iokibe, Minohara 2017, p. 178].

При этом параллельно у США есть исторические союзники на арабском Востоке – например Саудовская Аравия, Турция, Египет, Иордания. Столкновение интересов делает американскую политику в регионе непоследовательной, приводит к конфликтам (как с Ираном, Сирией, Ираком), а также в целом ухудшает имидж американцев в арабских странах.

Стоит заметить, администрация президента США Д. Трампа предприняла попытку переломить эту тенденцию: в сентябре 2020 г. были заключены Авраамские соглашения, положившие начало нормализации отношений Израиля с арабскими странами. Однако договоренности, как и ожидалось, не приблизили разре-

шение палестинского вопроса, который по-прежнему довлеет над всем миром¹⁸.

Впрочем, как и США, Япония в своей ближневосточной политике вынуждена искать баланс – одновременно как союзник Вашингтона и как страна, отказавшаяся от ведения войны. В первом случае это связано с уже упомянутой политической дилеммой, а во втором – с ограниченностью доступного Токио инструментария для выстраивания связей в турбулентном регионе. Несмотря на то, что доступ к энергоресурсам имеет критическую важность для энергетической безопасности Японии, возможность установления патрон-клиентских отношений со странами региона (по аналогии с американским подходом) ею даже не рассматривалась. Приоритетным и практически единственным методом взаимодействия для страны оставался экономический – ожидалось, что финансовая помощь и инвестиции смогут обеспечить дружественные и взаимозависимые отношения со странами-нефтеэкспортерами, а также помогут в достижении политико-стратегических целей, в частности минимизации региональной нестабильности, которая могла бы поставить под угрозу доступ к энергоресурсам.

Впрочем, искать баланс куда сложнее, чем отдавать предпочтение одному направлению – так, независимая дипломатия в отношении Ирана (独自外交 <докудзи гайко:>) стала настоящим испытанием. До Исламской революции 1979 г. Иран занимал одно из ведущих мест по добыче нефти, а для Японии это был шанс диверсифицировать поставки из стран Персидского залива, «настрое-ния» которых зависят от динамики арабо-израильского конфликта. В первой половине 1970-х гг. доля Ирана в японском импорте нефти составляла до 40%¹⁹. В 1973 г. на юге Ирана был запущен проект строительства нефтехимического завода (Iran-Japan Petrochemical Company, IJPC), не имеющий аналогов в мире. Проект выдержал ряд испытаний – политических (непосредственно Исламская революция в Иране 1979 г. и давление со стороны США на фоне кризиса с американскими заложниками в посольстве в Тегеране) и

¹⁸ *Feierstein G., Guzansky Y.* Two years on, what is the state of the Abraham Accords // Middle East Institute. September 14, 2022. URL: <https://www.mei.edu/publications/two-years-what-state-abraham-accords> (дата обращения 26.07.2024).

¹⁹ 原油の輸入量と中東依存度の推移. エネルギー白書2023 [Динамика объемов импорта нефти и зависимости от Ближнего Востока. Белая книга по энергетике 2023] // Министерство экономики, торговли и промышленности Японии. URL: <https://www.enecho.meti.go.jp/about/whitepaper/2023/html/2-1-3.html> (дата обращения 07.03.2025).

даже военных (ирано-иракская война 1980–1988 гг.). Несмотря на то что к концу 1980-х гг. под проектом ИРС подвели черту, он стал символом не только японо-иранских отношений, но и независимой политики Японии в целом [Epaуat 1994, pp. 395–398].

После уроков кризиса в Персидском заливе 1990–1991 гг., когда освобожденным Кувейтом был фактически проигнорирован вклад Японии²⁰, Токио обращает внимание на военный инструментарий – что является, по сути, радикальной сменой подхода – и японские Силы самообороны принимают косвенное участие в операциях США в Афганистане (2001 г.) и Ираке (2003–2006 гг.). Таким образом, именно происходящие на Ближнем Востоке события стали тем импульсом, заставившим Японию постепенно пересматривать не только свою внешнюю, но и оборонную политику в целом. Безусловно, большую роль сыграло *зайацу* со стороны США, для которых хотелось быть «благонадежным союзником».

В настоящее время меняется внутри не только Япония, но и ее партнеры в регионе. Так, Саудовская Аравия и ранее выражала заинтересованность в японских технологиях во всех сферах энергетического сектора (японо-саудовская Международная компания по производству метанола (ИМС) и т. д.), теперь же Япония принимает участие в саудовском проекте «Видение 2030» («Совместное видение Японии и Саудовской Аравии 2030») по диверсификации экономики²¹, а также работает над «превращением нефтедобывающих стран Ближнего Востока в глобальный центр зеленой энергетики»²².

Впрочем, как уже было отмечено, очень многое зависит от внутривосточных импульсов, а также желания (и возможностей) японских лидеров «продать» ближневосточный вектор в своей

²⁰ В феврале 1991 г. в ходе финальной операции «Сабля пустыни» многонациональные силы во главе с США освободили Кувейт. 11 марта посольство Кувейта в США опубликовало обращение в ведущих американских изданиях с целью выразить благодарность Соединенным Штатам и другим участникам международной коалиции за помощь в освобождении. При этом Япония, профинансировавшая на 20% (13 млрд долл.) операции коалиционных сил «Щит пустыни» и «Буря в пустыне», упомянута не была.

²¹ Compass of new partnership. Saudi Japan Vision 2030 // MOFA Japan. March, 2017. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000237093.pdf> (дата обращения 04.01.2025).

²² Joint Statement on KSA-Japan Lighthouse Initiative for Clean Energy Cooperation // METI Japan. July 17, 2023. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2023/0717_001.html (дата обращения 17.09.2023).

внешней политике при наличии пространства для манёвра. Как отмечает Ю. Мияги, в среде японской бюрократии есть расхождения по поводу приоритетов страны в отношениях с Ближним Востоком: в то время как МИД исходит проектом из союза с США как фундаментального направления внешней политики, Министерство экономики настаивает на независимой позиции страны в вопросах энергетики. Впрочем, централизация власти в руках премьер-министра и его кабинета отчасти решила эти «разногласия» и, по сути, способствовала современной активизации политики страны в регионе параллельно с возможностью оперативного реагирования на кризисы [Miyagi 2012, p. 294–295], как уже было продемонстрировано в примере с Д. Коидзуми.

Таким образом, политику Японии на Ближнем Востоке можно разделить на следующие этапы.

Первый этап, с 1967 г. и до «нефтяного шока» 1973 г., когда Япония в рамках ООН выступала за разрешение арабо-израильского конфликта, настаивая на устранении палестинской проблемы (а именно признание их права на самоопределение)²³. Однако влияние на японскую внешнюю политику ближневосточный конфликт впервые оказал в мае 1972 г., когда леворадикальная организация *Нихонсэкигун* («Красная армия Японии») совершила террористическую атаку на аэропорт Тель-Авива. За эту атаку японское правительство приносило извинение сначала Израилю, а впоследствии – и арабским странам. Параллельно растёт и зависимость Японии от импорта нефти с Ближнего Востока: в 1960 г. ее доля составляла 38%, в 1973 г. уже 78% [Oshima, Suzuki, Matsuno 1982, p. 87].

Второй этап, после нефтяного шока 1973 г. и до конца 1980-х гг., ознаменовал переход Японии на более активный и независимый вектор внешней политики, в том числе и на Ближнем Востоке. В ходе нефтяного кризиса Токио не удалось добиться от Вашингтона гарантий по замещению поставок, и он выразил поддержку арабским странам в войне. Стоит заметить, что дефициту доверия между союзниками ранее поспособствовали «шоки» президента США

²³ Резолюция от 22 ноября 1967 г. по итогам Шестидневной войны, в которой Совет безопасности ООН потребовал вывода израильских вооруженных сил с территорий, занятых во время конфликта; Резолюция от 4 ноября 1970 г., в которой признавалось, что уважение прав палестинцев является неотъемлемым элементом установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке; Резолюции от 6 декабря 1971 г. и 13 декабря 1972 г., где было отмечено, что народ Палестины имеет право на равные права и самоопределение.

Р. Никсона в начале 1970-х гг. Впоследствии этот же опыт побудил японских политиков в 1981 г. признать Организацию Освобождения палестины (ООП) и установить двусторонние контакты на уровне премьер-министров [Özçelik 2008, p. 133].

Япония также осознала недостатки ограниченного взаимодействия со странами региона. В 1974 г. был учрежден Японский институт экономики Ближнего Востока (JIME), нацеленный на изучение и углубление понимания политической и социально-экономической жизни стран региона. Кроме того, в борьбе с «асимметричной взаимозависимостью», Токио увеличил инвестиции, а также объем Официальной помощи развитию (ОПР) странам региона (только с 1970 по 1975 гг. их доля в общем объеме помощи выросла с 3,6 до 10,6%)²⁴. Крупнейшим японским вложением не только на Ближнем Востоке, но и в мире в целом, стал проект строительства нефтехимического комплекса в ИРПС в Иране. Однако Исламская революция 1979 г. и дальнейшая эскалация ирано-американских отношений показали, что в острые моменты Токио вынужден следовать американским интересам [Allan, Sugihara 2005, p. 85].

Третий этап, с кризиса в Персидском заливе 1990–1991 гг. и до 2006 г., когда японский военный контингент завершил свою миссию в Ираке в рамках развернутой США и союзниками в 2003 г. военной операции. Так, в ходе кризиса в Заливе, ставшего для Японии «дипломатическим поражением», страна осознала недостатки дипломатии «чековой книжки», а также необходимость активной политической роли в международных делах. Другим краеугольным камнем японской политики в регионе стала борьба с терроризмом на фоне событий 9/11²⁵ – это привело к радикальным мерам политики Токио в области безопасности, так как было снято ограничение на участие Сил самообороны страны в миссиях ООН по поддержанию мира. В 2001 г. японские военнослужащие оказывали тыловую поддержку коалиционным войскам в Афганистане, а в 2003 г. – в нестабильном Ираке.

Четвертый этап, начавшийся с приходом первого кабинета премьер-министра С. Абэ в 2006 г. и выработкой новой внешне-политической стратегии по отношению к Ближнему Востоку на основе создания в регионе, как это сформулировал глава японского МИД Т. Асо, «дуги свободы и процветания» за счет экономических

²⁴ Данные МИД Японии, опубликованные в 2004 г.

²⁵ Chapter 2. Sectoral analysis of the international situation and Japan's foreign policy. 1: Terrorism. 1997 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1998/II-c.html> (дата обращения 31.07.2023).

и дипломатических усилий Японии. Кроме того, С. Абэ продолжил курс своего предшественника на посту Д. Коидзуми на пересмотр пацифистской конституции и дальнейшего расширения сферы применения Сил самообороны Японии за пределами страны. Кульминационным моментом обозначенного периода можно считать 2015 г., когда С. Абэ было объявлено о новой ближневосточной политике, чему предшествовало беспрецедентное количество визитов в страны региона. В дальнейшем Японии, среди прочего, удаётся вывести на новый уровень сотрудничество с Саудовской Аравией (решение об участии страны в проекте Королевства «Видение: 2030», 2017 г.), сыграть посредническую роль между Ираном и США²⁶ (2019 г.), а также укрепить технологическое партнерство с рядом стран региона в сфере зеленой энергетики²⁷.

Также можно выделить *пятый этап*, оформившейся с принятием в 2020 г. «Зеленой стратегии роста», которая подразумевала достижение Японии углеродной нейтральности к 2050 г. Японская инициатива стала частью общего тренда на декарбонизацию (энергетический переход), к которому подключились ряд стран Залива (ОАЭ, КСА, Египет). В то же время мир переживал последствия пандемии, которая уже в краткосрочной перспективе оказала влияние на энергетический рынок.

Кроме того, 7 октября 2023 г. произошла эскалация палестино-израильского конфликта, и на сегодняшний день конфликт расширился, затронув Иран, Ливан и Сирию, однако его влияние, в том числе на энергетические рынки, еще предстоит оценить. Япония оказывает гуманитарную помощь вовлеченным странам и продвигает мирные инициативы в регионе, в том числе на международных площадках²⁸.

В это же время на Ближнем Востоке нарастает тенденция японо-китайского соперничества – так, инициативе Пекина «Пояс и путь» Токио противопоставляет концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

²⁶ Information gathering activities by the SDF in the Middle East // Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/en/d_architecture/m_east/index.html (дата обращения 10.12.2024).

²⁷ 中東訪問等についての内外記者会見 [Пресс-конференция премьер-министра по итогам ближневосточного турне]. 18.07.2023. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/statement/2023/0718kaiken.html (дата обращения 10.12.2024).

²⁸ Situation in the Gaza Strip // MOFA Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/me_a/me1/palestine/page22e_000472.html (дата обращения 16.01.2025).

Выводы

С подписанием Сан-Францисского мирного договора 1951 г. Япония стала полноценным субъектом международных отношений. Одновременно был заключен альянс с Соединенными Штатами, который заложил основу внешней политики послевоенной Японии, которая так или иначе теперь вынуждена была действовать с оглядкой на Вашингтон.

Тем не менее не все было детерминировано давлением со стороны союзника или *гайацу*. Союз с США был для Японии возможностью восстановления и последующего наращивания экономического могущества, в то время как безопасность (этот вопрос, надо сказать, в годы холодной войны стоял достаточно остро) «обеспечивала» ядерная держава. Параллельно Япония могла продвигать аполитичную, пацифистскую и антиядерную риторику, опираясь на свои конституционные ограничения, улучшая тем самым свое реноме.

Благодаря «экономическому чуду» у Токио появились «мирные» инструменты влияния – в частности Официальная помощь развитию (ОПР), в предоставлении которой страна вскоре стала абсолютным лидером.

Безусловно, в выборе других внешнеполитических ориентиров Япония во многом опиралась на США и открыто считала себя частью «западного мира». В случае с Ближним Востоком Япония позиционировала себя одновременно как страна Востока и «проводник западных ценностей». Это также отражает общую направленность японской политики в регионе: поиск баланса между своими экономическими (энергетическими) интересами, диктуемыми сырьевой зависимостью, а также политическими, обусловленные следованием линии США в регионе.

При этом любая внешняя политика является отражением внутренних процессов, связанных с принятием решений. Сложная системная конъюнктура, оформившаяся вместе с приходом к власти Либерально-демократической партии Японии (но в том или ином виде существовавшая и до нее, как часть исторической политической культуры), была как сильной стороной Японии, так и ее слабостью. С одной стороны – это стабильность и предсказуемость, с другой – это вечная борьба интересов и господство неформальных «правил игры». Более того, отсутствие сильного объединяющего звена (каким, по идее, должен быть премьер-министр и его администрация) внешняя политика становится «неповоротливой».

Литература

- Истомин 2014 – *Истомин И.А.* Влияние религиозных групп на международную деятельность государства // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 1 (34). С. 184–191.
- Кавабэ 2002 – 河辺 一郎. 日本外交と外務省—問われなかった「聖域」[*Кавабэ И.* Японская дипломатия и Министерство иностранных дел: «святилище», которое никогда не подвергалось сомнению]. 高文研, [Токио: Ко:бункэн] 2002. 256 p.
- Наканиси 2003 – 中西 寛. 敗戦国の外交戦略—吉田茂の外交とその継承者 [*Наканиси Х.* Дипломатическая стратегия побежденной нации – дипломатия Сигэру Ёсида и его преемников] // 防衛研究所 [Институт оборонных исследований Японии], 2003. P. 124–126. URL: http://www.nids.mod.go.jp/event/proceedings/forum/pdf/2003/forum_j2003_09.pdf (дата обращения 03.08.2024).
- Стрельцов 2010 – *Стрельцов Д.В.* Внешнеполитический процесс в современной Японии // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 245–256.
- Ahn 1998 – *Ahn C.S.* Interministry coordination in Japan's foreign policy making // Pacific Affairs. 1998. Vol. 71. No. 1. P. 41–60.
- Allan, Sugihara 2005 – Japan and the contemporary Middle East / ed. by J.A. Allan, K. Sugihara. L.: Routledge, 2005. 208 p.
- Enayat 1994 – *Enayat S.E.* Japan, Iran and the oil business: a case study of the Iran Japan petrochemical company. Thesis of Dissertation. University of Stirling, 1994. 601 p.
- Haag-Higuchi 1996 – *Haag-Higuchi R.* A topos and its dissolution: Japan in some 20th-century Iranian texts // Iranian Studies. 1996. Vol. 29. No. 1/2. P. 71–83.
- Hoshiro 2022 – *Hoshiro H.* Deconstructing the “Yoshida Doctrine” // Japanese Journal of Political Science. 2022. Vol. 23. No. 2. P. 105–128.
- Miyagi 2012 – *Miyagi Y.* Japan's Middle East policy: 'still mercantile realism' // International Relations of the Asia-Pacific. 2012. Vol. 12. No. 2. P. 287–315.
- Oshima, Suzuki, Matsuno 1982 – *Oshima K., Matsuno T., Suzuki T.* Energy issues and policies in Japan // Annual Review of Environment and Resources. 1982. Vol. 7. P. 87–108.
- Özçelik 2008 – *Özçelik S.* The Japanese foreign policy of the Middle East between 1904–1998: Resource, trade and aid diplomacy // Humanity & Social Sciences Journal. 2008. Vol. 3. No. 2. P. 129–142.
- Schmidt 2005 – *Schmidt C.* Japan's circle of power: legitimacy and integration of a national elite // Asien. 2005. No. 96. P. 46–67.
- Sinha 1974 – *Sinha R.P.* Japan and the oil crisis // The World Today. 1974. Vol. 30. No. 8. P. 335–344.
- Sugihara 1993 – Japan in the contemporary Middle East / ed. by K. Sugihara et al. L.: Psychology Press, 1993. 208 p.
- Togo 2005 – *Togo K.* Japan's foreign policy: 1945–2003: The quest for a proactive policy. Leiden; Boston: Brill, 2005. 486 p.

- Worringer 2004 – Worringer R. “Sick man of Europe” or “Japan of the Near East”? Constructing Ottoman modernity in the Hamidian and Young Turk eras // *International Journal of Middle East Studies*. 2004. Vol. 36. No. 2. P. 207–230.
- Zakowski, Bochorodycz, Socha 2018 – *Żakowski K., Bochorodycz B., Socha M.* Japan's foreign policy making: Central government reforms, decision-making processes, and diplomacy. Cham: Springer, 2018. 256 p.

References

- Ahn, C.S. (1998), “Interministry coordination in Japan's foreign policy making”, *Pacific Affairs*, vol. 71, no. 1, pp. 41–60.
- Allan, J.A. and Sugihara, K., eds. (2005), *Japan and the contemporary Middle East*, Routledge, London, UK.
- Enayat, S.E. (1994), *Japan, Iran and the oil business: A case study of the Iran-Japan petrochemical company*, Thesis or Dissertation, University of Stirling, UK.
- Haag-Higuchi, R. (1996), “A topos and its dissolution: Japan in some 20th – century Iranian texts”, *Iranian Studies*, vol. 29, no. 1/2, pp. 71–83.
- Hoshiro, H. (2022), “Deconstructing the ‘Yoshida Doctrine’”, *Japanese Journal of Political Science*, vol. 23, no. 2, pp. 105–128.
- Istomin, I.A. (2014), “Religious groups and their influence on interstate relations (The case of U.S.-Israel relations)”, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 3, no. 1, pp. 184–191.
- Kawabe, I. (2002), 河辺 一郎. 日本外交と外務省一問われなかった “聖域” [Japanese diplomacy and the Ministry of Foreign Affairs: a “shrine” that has never been questioned], Kōbunken, Tokyo, Japan.
- Miyagi, Y. (2012), “Japan's Middle East policy: ‘Still Mercantile Realism’”, *International Relations of the Asia-Pacific*, vol. 12, no. 2, pp. 287–315.
- Nakanishi, H. (2003), “敗戦国の外交戦略—吉田茂の外交とその継承者” [Diplomatic strategy of a defeated nation: Diplomacy of Shigeru Yoshida and his successors], in *The National Institute for Defense Studies*, pp. 124–126, available at: http://www.nids.mod.go.jp/event/proceedings/forum/pdf/2003/forum_j2003_09.pdf (Accessed 3 Aug. 2024).
- Oshima, K., Matsuno, T., and Suzuki, T. (1982), “Energy issues and policies in Japan”, *Annual Review of Environment and Resources*, vol. 7, pp. 87–108.
- Özçelik, S. (2008). “The Japanese foreign policy of the Middle East between 1904–1998: Resource, trade and aid diplomacy”, *Humanity & Social Sciences Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 129–142.
- Schmidt, C. (2005), “Japan's circle of power: legitimacy and integration of a national elite”, *Asien*, no. 96, pp. 46–67.
- Sinha, R.P. (1974), “Japan and the oil crisis”, *The World Today*, vol. 30, no. 8, pp. 335–344.
- Streltsov, D.V. (2010), “Foreign policy process in contemporary Japan”, *MGIMO Review of International Relations*, vol. 10, no. 1, pp. 245–256.

- Sugihara, K., ed. (1993), *Japan in the contemporary Middle East*, Psychology Press, London, UK.
- Togo, K. (2005). *Japan's foreign policy, 1945–2003: The quest for a proactive policy*, Brill, Leiden, Netherlands.
- Worringer, R. (2004), “ ‘Sick man of Europe’ or ‘Japan of the Near East’?: Constructing Ottoman modernity in the Hamidian and Young Turk eras”, *International Journal of Middle East Studies*, vol. 36, no. 2, pp. 207–230.
- Żakowski, K., Bochorodycz, B. and Socha, M. (2018), *Japan's foreign policy making: Central government reforms, decision-making processes, and Diplomacy*, Springer, Cham, Switzerland.

Информация об авторе

Анна С. Бушueva, аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; bushueva.a.s@my.mgimo.ru

Information about the author

Anna S. Bushueva, postgraduate student, MGIMO University, Moscow, Russia; 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; bushueva.a.s@my.mgimo.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.8:004(73+569.4)

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-74-92

Цифровая дипломатия администрации Барака Обамы в отношении Израиля

Анна А. Головина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, golovina_a.a@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу практических аспектов цифровой дипломатии США к Израилю в период с 2009 по 2016 гг. Указанный период примечателен началом развития американской цифровой дипломатии как правительственного инструмента реализации «мягкой силы». В статье изучается реализация американской цифровой дипломатии как механизма воздействия на зарубежную аудиторию в отношении государства-союзника – Израиля, с которым у США при администрации Барака Обамы складывались напряженные отношения.

Используя институциональный подход и метод изучения документов, автор рассматривает институты, реализующие американскую цифровую дипломатию, а также инициативы и программы, осуществляемые Соединенными Штатами в Израиле и на Палестинских территориях. Особое внимание в статье уделяется Твиттер-дипломатии США к Израилю. Благодаря контент-анализу были рассмотрены твиты аккаунтов американского президента и госсекретарей США, госдепартамента и посольства США в Израиле, а также премьер-министра Израиля.

Ключевые слова: США, Израиль, Барак Обама, цифровая дипломатия, Твиттер-дипломатия, Твиттер

Для цитирования: Головина А.А. Цифровая дипломатия администрации Барака Обамы в отношении Израиля // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 74–92. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-74-92

Barack Obama Administration's digital diplomacy toward Israel

Anna A. Golovina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, golovina_a.a@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the practical aspects of the U.S. digital diplomacy towards Israel in the period from 2009 to 2016. This extent of time is notable for the beginning of the development of the U.S. digital diplomacy as a government tool for the “soft power” implementation. The article examines the realization of the U.S. digital diplomacy as a mechanism to influence foreign audiences in relation to an allied state – Israel, with which the United States had tense relations during the Presidency of Barack Obama.

With an institutional approach and a document research method, the author explores the institutions implementing the U.S. digital diplomacy, as well as the initiatives and programs of the United States in Israel and the Palestinian territories. The article pays special attention to the U.S. twiplomacy towards Israel. Through the content analysis, the paper reviews the Tweet accounts of the U.S. President and the U.S. Secretaries of State, the State Department and the U.S. Embassy in Israel, as well as of the Israeli Prime Minister.

Keywords: USA, Israel, Barack Obama, digital diplomacy, twiplomacy, Twitter

For citation: Golovina, A.A. (2025), “Barack Obama Administration's digital diplomacy toward Israel”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 74–92, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-74-92

Введение

Цифровая дипломатия как один из инструментов «мягкой», «умной» и «острой силы» использует социальные сети для влияния на зарубежную аудиторию. Отечественный и зарубежный научно-исследовательский дискурс демонстрирует, что подобный инструмент дипломатии применяется с целью либо изменить политику недружественных государств посредством их общественного мнения, либо составить конкуренцию государствам – соперникам в «борьбе за умы и сердца». Исследователи уделяют пристальное внимание изучению цифровой дипломатии США по отношению к Китаю, России или Ирану. Отдельная группа исследований посвящена цифровой дипломатии Израиля и ее влиянию на соседние арабские государства.

Вместе с тем тематика изучения цифровой дипломатии США во взаимоотношениях с Израилем не находила отражения в научно-академическом и экспертном дискурсе, хотя американо-израильские отношения нередко переживали периоды напряженности.

Цель статьи – рассмотреть осуществлялась ли Соединенными Штатами цифровая дипломатия по отношению к государству-союзнику Израилю по ключевым вопросам, вызывающим напряжение в американо-израильских отношениях в период президентства Барака Обамы.

Американская цифровая дипломатия: 2009–2016

Период президентства Барака Обамы интересен тем, что цифровая дипломатия как правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей появилась в системе международных отношений в 2009–2010 гг. Перед Госдепартаментом США стояла задача восстановить имидж Соединенных Штатов в мире после политики администрации Дж. Буша-младшего. Опираясь на инновации в области электронной дипломатии, созданные еще администрацией Дж. Буша-мл, Госсекретарь США Хиллари Клинтон сделала ставку на интернет-технологии [Зиновьева 2013, с. 214].

Выход цифровой дипломатии на новый политический уровень начинается с новой программы американской внешней политики, предложенной Х. Клинтон, – «Государственное управление в XXI в.» (“21st century statecraft”). Инициатива Госдепа предполагала дополнение традиционной дипломатии возможностями, которые дают цифровые медиа – способность взаимодействовать напрямую с зарубежной аудиторией, слушать ее и лучше понимать новую аудиторию, ее взгляды и ценности¹.

1 сентября 2010 г. Бюро управления информационными ресурсами Госдепартамента США опубликовало план на 2011–2013 гг., согласно которому первой высокой целью является цифровая дипломатия, т. е. обеспечение расширенного сотрудничества и обмена информацией с внутренней и внешней аудиторией посредством применения социальных сетей и информационных ресурсов².

¹ 21st century statecraft // US Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/statecraft/overview/index.htm> (дата обращения 22.04.2023).

² IT strategic plan: Fiscal years 2011–2013 – digital diplomacy // US Department of State. 01.09.2010. URL: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/rls/148572.htm> (дата обращения 22.04.2023).

Социальные сети стали способствовать появлению более оперативных, открытых и интерактивных методов коммуникации, позволяющих дипломатам обходить традиционные средства массовой информации и напрямую формировать общественное мнение [Kaflliveyjuyeh, Porter 2024, p. 336].

В США на институциональном уровне цифровая дипломатия реализуется Госдепартаментом, Бюро международных информационных программ (Bureau of International Information Programs) Госдепартамента и Агентством международного развития (USAID).

Одна из инициатив Бюро по международным информационным программам Госдепартамента США в рамках реализации цифровой дипломатии – это технологические лагеря (TechCamps). Идея таких лагерей заключается в передаче знаний в области IT политикам, дипломатам и разным НПО, которые используют соцсети для мобилизации населения.

В рамках реализации цифровой дипломатии Госдепартамент США массово создал около 230 страниц в Фейсбук*, 80 – в Твиттер, 55 каналов на Ютьюб и 40 страниц на Фликер. Все высокопоставленные лица США создали свои аккаунты в соцсетях. Реальным механизмом дипломатии становятся социальные сети Фейсбук* и Твиттер (в 2023 г. переименован в X) [Полякова 2015, с. 111].

Что касается Ближнего Востока, то после американских программ повсеместного распространения Интернета и «арабской весны» [Цифра 2024, с. 11] в регионе наблюдается значительный уровень использования социальных сетей и особенно высокая степень присутствия и активного участия аудитории на таких популярных платформах, как Твиттер, Фейсбук* и Инстаграм**. По состоянию на 2024 г. уровень проникновения социальных сетей в Израиле составляет 74,9% [Kaflliveyjuyeh, Porter 2024, p. 334].

Американо-израильские отношения в период президентства Б. Обамы

Период президентства Барака Обамы примечателен напряженными отношениями США со своим главным союзником – Израилем. Свое президентство Барак Обама начал с «перезагрузки»

*Facebook признан экстремистской организацией и запрещен в России.

** Инстаграм признан экстремистской организацией и запрещен в России.

отношений США с мусульманским миром³. Для достижения поставленной цели Вашингтон выбрал мирное урегулирование палестино-израильского конфликта в качестве приоритетного направления своей ближневосточной политики. Администрация Барака Обамы считала, что прийти к примирению сторон можно путем давления на Израиль с тем, чтобы вынудить его пойти на кардинальные уступки палестинским арабам в «коренных» вопросах [Карасова 2019, с. 30–31]. Подобная тактика расходилась с политикой правого националистического правительства в Израиле и провоцировала все большую личную взаимную антипатию обоих глав государств – Обамы и Нетаньяху.

Одним из острых вопросов в американо-израильских отношениях стало строительство израильских поселений на оккупированных территориях и в Восточном Иерусалиме. Кризис в двусторонних отношениях достиг пика, когда в мае 2011 г. Барак Обама представил новые параметры по урегулированию – «план Б». В отличие от других президентов США, Барак Обама пошел на встречу многим требованиям палестинцев. «План Б» предлагал отступление Израиля к границам 1967 г., прекращение строительства поселений на Западном Берегу реки Иордан, делигитимацию поселенческой деятельности и провозглашение Иерусалима столицей двух государств.

Провоцирующим напряжение в американо-израильских отношениях также стал иранский вопрос. Барак Обама был сторонником разрешения иранской ядерной проблемы посредством дипломатии и подписания ядерной сделки с Ираном (СВПД), которая, по его словам, является уникальным шансом ограничить распространение ядерного оружия в опасном регионе, при этом сохраняя возможность прибегнуть к более жестким мерам, если Тегеран не выполнит свои обещания. В 2015 г. Тель-Авив резко осудил соглашение по Ирану, охарактеризовав его как «плохую сделку». Израильское правительство опасалось, что это соглашение легитимизирует состояние «ядерного порога» Ирана [Карасова 2019, с. 178]. В соответствующем контексте американо-израильских отношений осуществлялась американская цифровая дипломатия.

³ Remarks by the President on a new beginning. Cairo: Cairo University // The White House. President Barack Obama. 2009. June 04. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-cairo-university-6-04-09> (дата обращения 12.09.2023).

Цифровая дипломатия США в Израиле: 2009–2017

Госдеп США реализовал в Израиле технологический лагерь (TechCamp). Лидеры гражданского общества проходили практическое обучение тому, как использовать бесплатные, недорогие и простые в применении цифровые инструменты. TechCamp в Тель-Авиве проводился в сотрудничестве с Appleseeds Academy – израильской неправительственной организацией, которая продвигает социальные перемены с помощью технологий⁴.

В рамках Американского офиса по делам Палестины (U.S. Office of Palestinian Affairs) Госдепартамента США были созданы центры America House в Иерусалиме, Рамалле, Хевроне и в Секторе Газа, которые способствовали взаимодействию – как личному, так и виртуальному – между местной аудиторией и Соединенными Штатами. Эти центры предлагали программы и мероприятия по широкому спектру тем – от бесплатного доступа в Интернет до объективных новостных публикаций, передовых технологий и программ о свободе культурного самовыражения⁵.

Американскую цифровую дипломатию реализовывает посольство США в Израиле, при котором функционирует американский центр – America Hub Israel (ранее известный как American Center Jerusalem). Центр сотрудничает с израильской общественностью, молодежью и НПО, реализуя различные программы, в том числе программы, связанные с инновациями и виртуальной реальностью⁶.

Агентством международного развития (USAID) реализовались программы и на палестинских территориях – в Секторе Газа и на Западном Берегу реки Иордан, посвященные мирному урегулированию конфликта с Израилем. Гранты USAID по управлению конфликтами и смягчению их последствий (USAID's Conflict Management and Mitigation (CMM) помогали израильтянам и па-

⁴ U.S. Ambassador to Israel Daniel Shapiro and secretary Clinton's senior advisor for innovation Alec Ross opened the TechCamp Tel Aviv on Monday, April 30th // Flickr. URL: <https://www.flickr.com/photos/techcamp/7128586899> (дата обращения 15.03.2023).

⁵ American spaces. Compelling programs and activities on a wide range of themes and topics // U.S. Office of Palestinian Affairs. URL: <https://palestinianaffairs.state.gov/education/american-spaces/> (дата обращения 18.08.2023).

⁶ America Hub Israel // US Embassy in Israel. URL: <https://il.usembassy.gov/education-culture/american-spaces/americanhubisrael/> (дата обращения 13.06.2023).

лестинцам решать вопросы, представляющие общий интерес, в том числе посредством информационных технологий⁷.

Примечательно, что в 2011 г. Госдепартамент США открыл собственное виртуальное посольство в Иране, используя цифровые инструменты, чтобы преодолеть ограничения традиционной дипломатии, а именно отсутствие двусторонних связей с Ираном.

Американскому примеру последовали Израиль и Палестина, используя цифровые инструменты для налаживания контакта с аудиторией недружественного государства. Израиль в 2013 г. открыл виртуальное посольство на базе аккаунта в соцсети Твиттер, с помощью которого он вел диалог с народами Саудовской Аравии, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов, Омана, Кувейта и Бахрейна⁸.

Палестина в 2018 г. открыла новое виртуальное посольство, базирующееся на Фейсбук*, целью которого было взаимодействие с гражданами Израиля. Это посольство, известное как «Палестина на иврите», находится под управлением Комитета по взаимодействию с израильским обществом Организации освобождения Палестины (ООП) и имеет четкую цель – способствовать взаимопониманию между обоими народами и продвигать решение израильской проблемы на основе двух государств⁹.

В 2014 г. произошло обострение между Израилем и Хамас в Секторе Газа, которое вылилось в военную операцию «Нерушимая скала» Израиля в Секторе Газа. Во время этих событий самым активным посольством в социальных сетях было посольство США в Израиле. У американского посольства было около девятнадцати тысяч подписчиков, у большинства посольств менее тысячи подписчиков. В то время как большинство посольств опубликовали менее 500 твитов, США опубликовали более 10 000 твитов¹⁰.

⁷ Fact sheet: Conflict management and mitigation program // ReliefWeb. URL: <https://reliefweb.int/report/occupied-palestinian-territory/fact-sheet-conflict-management-and-mitigation-program> (дата обращения 13.06.2023).

⁸ Israel opens a “Virtual Embassy” to Gulf States // Haaretz. 21.07.2013. URL: <https://www.haaretz.com/2013-07-21/ty-article/.premium/israel-opens-gulf-virtual-embassy/0000017f-e140-df7c-a5ff-e37a523a0000> (дата обращения 13.06.2023).

⁹ Manor I., Holmes M. Palestine in Hebrew: a new approach to Palestinian digital diplomacy // Academia. URL: https://www.academia.edu/37275526/Palestine_in_Hebrew_Overcoming_the_Limitations_of_Traditional_Diplomacy?auto=download (дата обращения 20.04.2024).

¹⁰ Manor I. The Social Network of foreign embassies in Israel // Exploring digital diplomacy. 30.07.2014. URL: <https://digdipblog.com/2014/07/30/the-social-network-of-foreign-embassies-in-israel/comment-page-1/> (дата обращения 20.04.2024).

Американская Твиттер-дипломатия по отношению к Израилю

С момента своего создания в 2006 г. Твиттер играет важную роль в выполнении дипломатических функций, обеспечивая широкий охват аудитории, общение с местными и иностранными гражданами и создание механизмов реагирования на кризисные ситуации [Chhabra 2020, p. 4].

Примечательно, что Твиттер никогда не был крупнейшей социальной сетью, однако именно он стал наиболее предпочтительной платформой для внешнеполитических деятелей. Твиттер позволил дипломатам взаимодействовать с элитарной аудиторией, включая журналистов, ученых, политиков и других дипломатов¹¹. Поэтому именно эта платформа стала инструментом цифровой дипломатии и появилось новое направление – Твиттер-дипломатия (twiplomacy).

Аккаунты Президента США, Госсекретаря, Госдепартамента США и Посольства США в социальных сетях служат важными источниками информации о внешней и внутренней политике.

Рассматривая аккаунт Барака Обамы в Твиттер, можно отметить, что посты, посвященные Израилю, немногочисленны, формальны, неэмоциональны, в основном содержат ссылки на выступления американского президента и сухо подтверждают приверженность дружбе с Израилем (рис. 1).

Рис. 1. Твиты Барака Обамы, посвященные Израилю

¹¹ Bjola C., Manor I., Fishman B. The Twitter prisoner dilemma and the future of digital diplomacy // E-International Relations. 16.12.2023. URL: <https://www.e-ir.info/2023/12/16/the-twitter-prisoner-dilemma-and-the-future-of-digital-diplomacy/> (дата обращения 25.06.2024).

Несмотря на акцент в ближневосточной политике на палестино-израильском урегулировании, палестинской темы нет ни в одном твите Б. Обамы.

Иранской сделке, напротив, посвящено много твитов, в которых американский президент с разных углов объясняет свою позицию и преимущества сделки с Ираном (рис. 2).

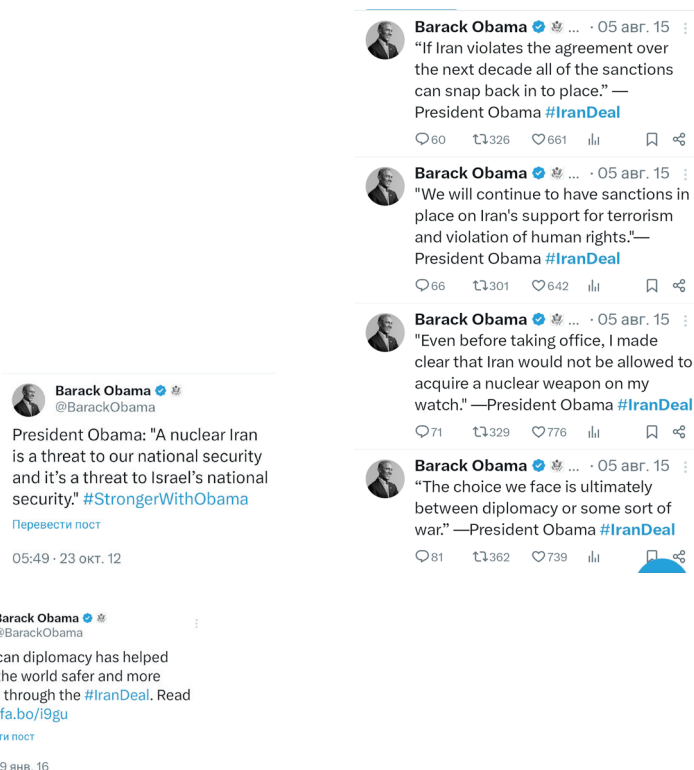

Рис. 2. Твиты американского президента Б. Обамы, посвященные ядерной сделке с Ираном

Аккаунт Госсекретаря также не содержит твитов, посвященных Израилю или Палестине. Твиттер Х. Клинтон только подтверждает позицию американского президента по иранской ядерной сделке (рис. 3).

Рис. 3. Твиты Госсекретаря США Х. Клинтон, посвященные ядерной сделке с Ираном

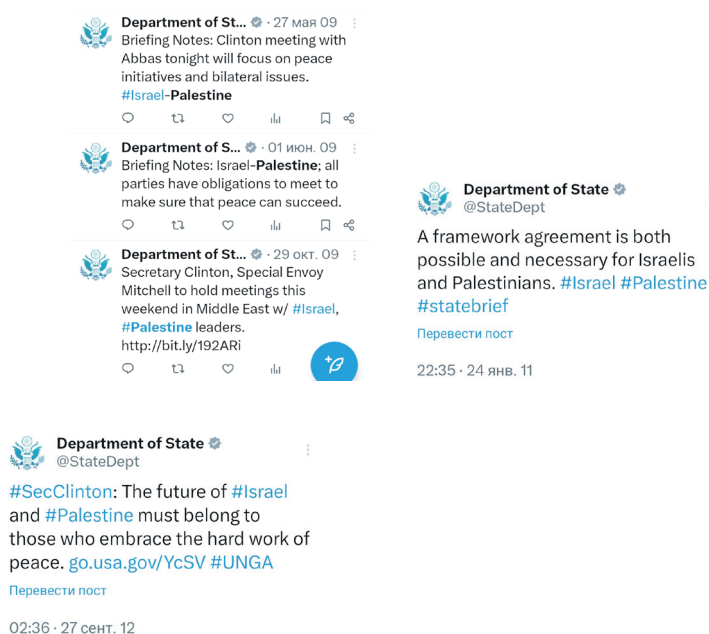

Рис. 4. Твиты официального аккаунта Госдепартамента США, посвященные палестино-израильскому урегулированию

В отличие от официальных аккаунтов президента и Госсекретаря, аккаунт Госдепартамента США в Твиттере более полно отражает американскую ближневосточную политику.

Твиты, в частности, содержат американские инициативы по палестино-израильскому урегулированию (рис. 4).

В рамках осуществления цифровой дипломатии Госдепартамент США опубликовал твит, со ссылкой на Госсекретаря Х. Клинтон, который содержит призыв к людям, оказать содействие в продвижении мирного процесса (рис. 5).

Рис. 5. Твит Госдепартамента с призывом Х. Клинтон к людям

Твиты аккаунта Госдепартамента также затрагивают вопрос израильских поселений, который стал острым в американо-израильских отношениях при президенте Бараке Обаме (рис. 5).

Рис. 6. Твиты Госдепартамента, посвященные попыткам США решить вопрос с израильскими поселениями

Аккаунт Госдепартамента отражает и политику США в период второго президентского срока Б. Обамы, публикуя твит со ссылкой на Госсекретаря Дж. Керри и также демонстрируя попытки решить вопрос израильских поселений (рис. 7).

Рис. 7. Твит аккаунта Госдепартамента США со ссылкой на слова Дж. Керри по вопросу израильских поселений

Много твитов в аккаунте Госдепартамента США посвящено не менее острому вопросу в американо-израильских отношениях при Б. Обаме – иранской сделке (рис. 8).

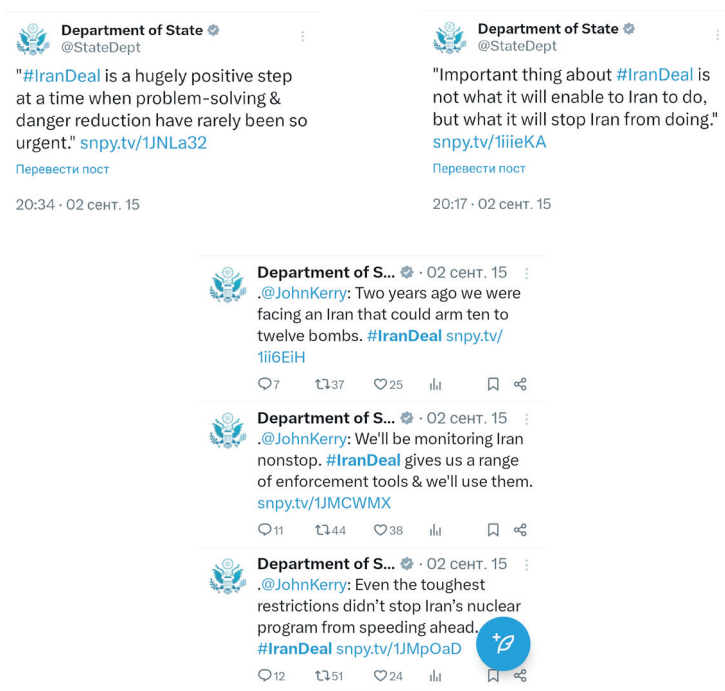

Рис. 8. Твиты Госдепартамента, посвященные ядерной сделке с Ираном

Рассматриваемый аккаунт Госсекретаря Дж. Керри, так же, как и аккаунты Б. Обамы и Х. Клинтон, содержит незначительное количество твитов, посвященных вопросам американо-израильских отношений, а также твит, который рассказывает о палестино-израильском урегулировании со ссылкой на форум Saban, проходящий по инициативе влиятельного американо-израильского магната в области масс-медиа Хаима Сабана – главного спонсора Демократической партии США (рис. 9).

Рис. 9. Твит Джона Керри, посвященный отношениям Израиля и Палестины со ссылкой на форум Saban

Традиционно несколько твитов в аккаунте Госсекретаря США были посвящены иранской ядерной сделке (рис. 10), подтверждающей поддержку политики Барака Обамы по этому вопросу.

Рис. 10. Твиты Дж. Керри, посвященные вопросу ядерной сделки с Ираном

Аккаунт еще одного института, реализующего цифровую дипломатию США, – посольства США в Израиле – менее репрезентативен, чем аккаунт Госдепартамента, но тем не менее тоже содержит твиты, посвященные всем острым вопросам в американо-израильских отношениях в период президентства Барака Обамы (рис. 11).

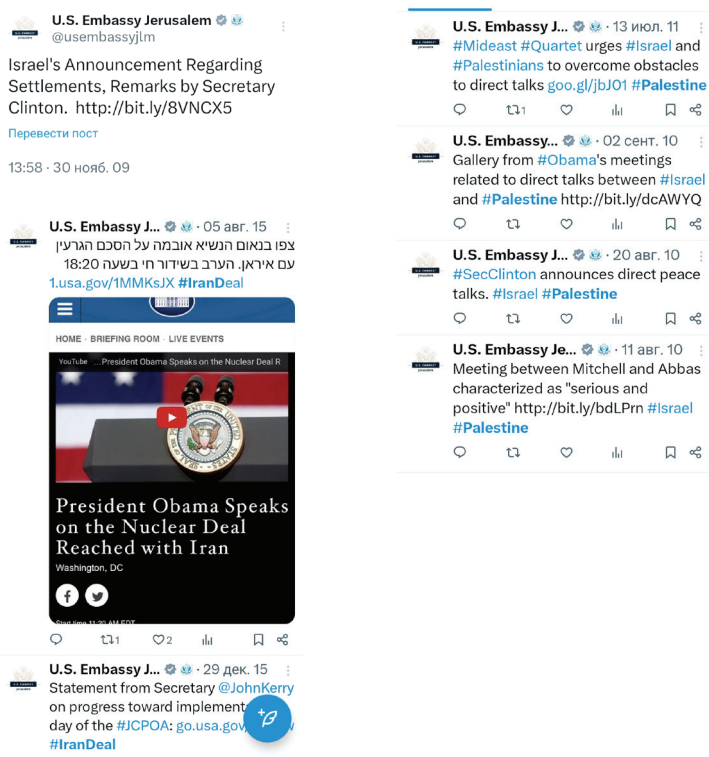

Рис. 11. Твиты аккаунта посольства США в Израиле по острым вопросам американо-израильских отношений

Если посмотреть на обратную реакцию, то аккаунт премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху, так же, как и аккаунт американского президента Барака Обамы, содержит сухие информационные твиты, без лишних эмоций и слов (рис. 12).

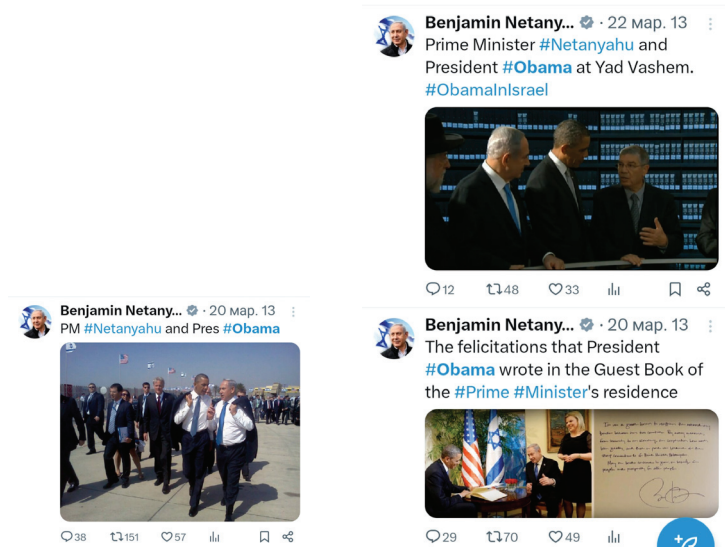

Рис. 12. Твиты премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху в период президентства Барака Обамы

Израильский премьер-министр использовал Твиттер для информирования о своей позиции. В своем твите, опубликованном сразу после подписания ядерной сделки с Ираном, Б. Нетаньяху пытается продемонстрировать ошибочность позиции США с применением ярких метафор (рис. 13).

Рис. 13. Твит израильского премьер-министра с реакцией на подписание ядерной сделки с Ираном 14 июля 2015 г.

В конце президентского срока Барака Обамы была принята антиизраильская резолюция в ООН, реакция на которую появилась в Твиттере израильского премьер-министра со ссылкой на его встречу в главной организации израильского лобби в США – АЙПАК (рис. 14).

Рис. 14. Твит премьер-министра Израиля с негативной реакцией на действия администрации Обамы и принятие антиизраильской резолюции в ООН

Выводы

Начавшая свое развитие в период президентства Барака Обамы цифровая дипломатия США осуществлялась как на институциональном уровне, так и в виде программ и инициатив по развитию цифрового пространства в Израиле и на Палестинских территориях. Посредством этого Соединенные Штаты не только доносили свою позицию, воздействуя на аудиторию, но и способствовали укреплению взаимопонимания и сотрудничества. Кроме того, США стали первым государством, которое открыло виртуальное посольство, и примером для подражания для Израиля и Палестины.

Несмотря на наличие конфликтных точек во взаимоотношениях США и Израиля в период президентства Б. Обамы, американская Твиттер-дипломатия отличалась нейтральностью. Ак-

каунты американского президента и Госсекретарей не отражали каких-либо попыток воздействия на союзника по напряженным вопросам и содержали только сухую информацию и традиционную приверженность дружбе. Единственным рупором внешней политики США был Госдепартамент, а также посольство США в Израиле, чьи аккаунты содержали твиты по всем острым проблемам двусторонних отношений, разъясняя американскую внешнюю политику.

Подобный курс Твиттер-дипломатии США объясняется тем, что, во-первых, в период президентства Барака Обамы цифровая дипломатия была инструментом «мягкой силы» и ставила перед собой цель привлечь, информировать и убедить зарубежную аудиторию без оказания давления, манипуляций и применения «острой силы» [Цветкова 2020, с. 39], которая появилась позже.

Во-вторых, в указанный период формы и методы осуществления цифровой дипломатии соотносились с традиционными, поэтому в твитах высокопоставленных лиц отсутствуют эмоции и личное отношение, которые появились позже со сменой администрации в США.

В-третьих, администрация Барака Обамы была вынуждена лавировать между промусульманским направлением внешней политики президента и израильским лобби внутри США, которое оказывает существенное влияние в том числе и на процесс выборов в стране. Этим объясняется отсутствие твитов, касающихся отношений с Израилем и палестино-израильского урегулирования.

Тем не менее Твиттер был важным дипломатическим инструментом. Именно на этой платформе в 2015 г. было объявлено о подписании сделки с Ираном. Более того, наличие во всех аккаунтах американских высокопоставленных лиц твитов, посвященных ядерной сделке с Ираном, также подтверждает тот факт, что, действуя в рамках концепции вовлечения (engagement), администрация США использовала соцсети для того, чтобы объяснить своей внутренней аудитории, Израилю и всему миру свою позицию и уменьшить критику в свой адрес по этому вопросу.

Литература

- Зиновьева 2013 – *Зиновьева Е.* Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России // Индекс безопасности. 2013. Т. 19. № 1 (104). URL: <https://www.hse.ru/data/2013/02/07/1308051476/72881295.pdf> (дата обращения 12.03.2023).

- Карасова 2019 – *Карасова Т.А.* Особенности израильско-американских отношений в период правления правительств Б. Нетаньяху и администраций Б. Обамы и Д. Трампа (2009–2019) / отв. ред. И.Д. Звягельская; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2019. 428 с.
- Полякова 2015 – *Полякова А.А.* Публичная дипломатия США в Израиле в президентства Б. Обамы // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2015. № 6 (149). С. 109–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-ssha-v-izraile-v-prezidentstvo-b-obamy-1> (дата обращения 25.06.2023).
- Цифра 2024 – «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / под ред. Е.С. Зиновьевой. М.: МГИМО, 2024. 68 с.
- Цветкова 2020 – *Цветкова Н.А.* Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения, 2020 // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. URL: <https://politicalscience.rsuh.ru/jour/article/download/286/281> (дата обращения 25.06.2024).
- Chhabra 2020 – *Chhabra R.* Twitter diplomacy: A brief analysis // ORF Issue Brief. 2020. Jan. No. 335. URL: <https://www.orfonline.org/research/twitter-diplomacy-a-brief-analysis-60462> (дата обращения 20.06.2024).
- Kafliveyjuyeh, Porter 2024 – *Kafliveyjuyeh S., Porter L.* Diplomatic webs: the influential figures shaping U.S. policy in Israel, Qatar, and Iraq // Online Media and Global Communication. 2024. No. 3 (3). P. 333–369. URL: https://www.researchgate.net/publication/384148823_Diplomatic_webs_the_influential_figures_shaping_US_policy_in_Israel_Qatar_and_Iraq (дата обращения 12.05.2024).

References

- Chhabra, R. (2020), “Twitter diplomacy: A brief analysis in Observer Research Foundation”, *ORF Issue Brief*, no. 335, available at: <https://www.orfonline.org/research/twitter-diplomacy-a-brief-analysis-60462> (Accessed 20 June 2024).
- Kafliveyjuyeh, S. and Porter, L. (2024), “Diplomatic webs: the influential figures shaping U.S. policy in Israel, Qatar, and Iraq, in Online Media Glob”, *Online Media and Global Communication*, no. 3 (3), pp. 333–369, available at: https://www.researchgate.net/publication/384148823_Diplomatic_webs_the_influential_figures_shaping_US_policy_in_Israel_Qatar_and_Iraq (Accessed 12 May 2024).
- Karasova, T.A. (2019), *Osobennosti izrail'sko-amerikanskikh otnoshenii v period pravleniya pravitel'sto B. Netan'yakhu i administratsii B. Obamy i D. Trampa (2009–2019)* [Features of the Israeli-American relations during the tenure of the governments of B. Netanyahu and the administrations of B. Obama and D. Trump (2009–2019)], IV RAN, Moscow, Russia.
- Polyakova, A.A. (2015), “The US Public Diplomacy in Israel during the Presidency of Barack Obama”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Political Science. History. International*

- Relations*” Series, vol. 149, no. 6, pp. 109–123, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/publichnaya-diplomatiya-ssha-v-izraile-v-prezidentstvo-b-obamy-1> (Accessed 25 June 2023).
- Tsvetkova, N.A. (2020), “The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 37–47, available at: <https://politicalscience.rsuh.ru/jour/article/download/286/281> (Accessed 25 June 2024).
- Zinovyeva, E. (2013), “Digital diplomacy, international security and opportunities for Russia”, *Security Index*, vol. 19, no. 1 (104), available at: <https://www.hse.ru/data/2013/02/07/1308051476/72881295.pdf> (Accessed 12 March 2023).
- Zinovyeva, E.S., ed. (2024), *“Tsifra” i iskusstvennyi intellekt na sluzhbe diplomatii: analiticheskii doklad* [“The digit” and artificial intelligence in the service of diplomacy], MGIMO, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анна А. Головина, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; golovina_a.a@mail.ru

Information about author

Anna A. Golovina, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; golovina_a.a@mail.ru

«Блэксифор» как модель кооперации военно-морских сил стран Черноморского региона

Денис И. Поляков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pol16denis@gmail.com*

Аннотация. Стратегический вакуум после распада Советского Союза стал причиной появления альтернативных инициатив по поддержанию стабильности и мира в Черноморском регионе. В статье рассматривается уникальная модель сотрудничества «Блэксифор», учрежденная соглашением о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия, и операция «Черноморская гармония», направленная на сдерживание терроризма и асимметричных угроз в регионе. Прежде всего акцент делается на истории создания модели, ее цели, задачах и той роли, которую играла «Блэксифор» в системе региональной безопасности и межнациональном взаимодействии. Предпринята попытка объяснить практические механизмы военно-морской кооперации, а также причин сворачивания инициативы и роли Турецкой Республики. Делается вывод, что модель стала исключительным примером того, как можно объединить военно-морские силы стран одного региона с различными геополитическими позициями и внешнеполитическими ориентирами для построения атмосферы взаимного доверия и сотрудничества. Однако, после пятого расширения НАТО развитие «Блэксифор» не находило поддержки у Румынии, Болгарии и Грузии, которые были заинтересованы в присутствии военно-морских сил Альянса в Черном море, чему продолжали препятствовать Российская Федерация и Турция.

Ключевые слова: «Блэксифор», «Черноморская гармония», Турция, НАТО, операция

Для цитирования: Поляков Д.И. «Блэксифор» как модель кооперации военно-морских сил стран Черноморского региона // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 93–101. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-93-101

“Blackseafor” as a model of the Black Sea region countries’ naval cooperation

Denis I. Polyakov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, pol16denis@gmail.com*

Abstract. The strategic vacuum after the collapse of the Soviet Union gave rise to some alternative initiatives to maintain stability and peace in the Black Sea region. The article examines the unique “Blackseafor” cooperation model established by the agreement on the foundation of the Black Sea Naval Task Force; the paper also discusses the Black Sea Harmony Operation, aimed at deterring terrorism and asymmetric threats in the region. First of all, the emphasis is placed on the history of the cooperation model, its purpose, objectives and the role played by the “Blackseafor” in the system of regional security and inter-ethnic interaction. An attempt is made to explain the practical mechanisms of the naval cooperation, as well as of the reasons for curtailing the initiative and the role of the Republic of Turkey. It is concluded that the model was an exceptional example of how the navies of the same region countries with different geopolitical positions and foreign policy orientations can be brought together to create an atmosphere of mutual trust and cooperation. However, after the NATO’s fifth enlargement, the development of the “Blackseafor” was not supported by Romania, Bulgaria and Georgia, which were interested in the presence of the Alliance’s naval forces in the Black Sea, though the Russian Federation and Turkey continued obstructing that involvement.

Keywords: “Blackseafor”, Black Sea Harmony Operation, Turkey, NATO, operation

For citation: Polyakov, D.I. (2025), “ ‘Blackseafor’ as a model of the Black Sea region countries’ naval cooperation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 93–101, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-93-101

Введение

Стабильность Черноморского региона как буфера между Западом и Востоком является выраженной стратегической целью не только государств Причерноморья, но и многих международных организаций. Неопределенность и политический вакуум, характеризующие первые годы после распада Советского Союза, к рубежу XX–XXI вв. заполнялись альтернативными формами региональной кооперации и интеграцией евроатлантических институтов. Предме-

том исследования выступает черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия «Блэксифор». Цель работы – проанализировать данную модель военно-морского сотрудничества государств Причерноморья, выявить исторические предпосылки кооперации и особенности деятельности группы.

Создание модели кооперации

Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия «Блэксифор» (англ. “Blackseafor”) была создана 2 апреля 2001 г. Итоговые соглашения подписали в Стамбуле представители всех стран Черноморского бассейна. Таким образом, странами-участницами модели стали Болгария, Румыния, Грузия, Российская Федерация, Турция и Украина¹.

Инициатором создания группы с 1998 г. выступала Турецкая Республика. Впервые предложение о военно-морском взаимодействии было озвучено на втором совещании начальников военно-морских сил Черного моря, которое состоялось в Варне, Болгария. Оперативная группа была создана с целью укрепления мира и стабильности в Черноморском регионе. Основным инструментом для достижения этой цели стало расширение сотрудничества и добрососедских отношений между странами, имеющими выход к морю. В числе основных задач обозначались проведение совместных учений поисково-спасательного характера и гуманитарных операций, мероприятий по разминированию, защите окружающей среды и т. д.² Первая совместная операция оперативной группы проводилась с 27 сентября по 16 октября 2001 г. (рис. 1).

Российская Федерация официально присоединилась к группе 30 октября 2002 г., после того как Государственная Дума РФ ратифицировала соответствующее Соглашение о ее создании³. В самом Соглашении указано, что деятельность группы не направлена против какого-либо третьего государства и не представляет собой военный союз. Структура группы представляет собой исключительно

¹ “Blackseafor” // Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gov.tr/blackseafor.en.mfa> (дата обращения 04.08.2024).

² Ibid.

³ О ратификации Государственной Думой Федерального собрания России Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1651753/ (дата обращения 04.08.2024).

военно-морские компоненты, состоящие из 4–6 кораблей стран-участниц Соглашения по одному от каждой стороны, включая один корабль командования и управления. Рабочим языком группы стал английский⁴. Командующий группой занимает должность в течение одного года и выбирается от каждой страны-участницы в алфавитном порядке.

В ходе ратификации Соглашения отмечалось, что данная кооперация отвечает долгосрочным интересам России и создает новые возможности для контроля за иностранной военно-морской деятельностью в Черном море и укрепления стабильности⁵. Прежде всего значение данной модели сотрудничества было в том, что все шесть прибрежных государств одного региона нашли консенсус в вопросах создания многонационального отряда под единым командованием. Официальный представитель Министерства иностранных дел России А.В. Яковенко называл это «принципиально новой моделью многонационального военно-морского взаимодействия»⁶.

Первые политические консультации на уровне представителей министров иностранных дел прошли в Анкаре. 19 января 2004 г. на заседании, где участвовали все прибрежные страны Черного моря, было отмечено, что регион должен быть защищен от внешних вызовов и угроз. Например с 2001 г. остро стояли вопросы терроризма, организованной преступности, распространения оружия массового уничтожения и его незаконный оборот.

Вплоть до 2008 г. кооперация дорабатывалась и усложнялась, однако уже после российско-грузинского конфликта стало понятно, что дальнейшие инициативы Турции и России тормозились

⁴ Соглашение о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901838481> (дата обращения 04.08.2024).

⁵ О ходе ратификации Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия (ЧВМГ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 30.10.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1734695/ (дата обращения 04.08.2024).

⁶ Ответ официального представителя МИД России А.В. Яковенко на вопрос российских СМИ в связи с ратификацией Государственной Думой Федерального Собрания России Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 01.11.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1651769/ (дата обращения 04.08.2024).

Болгарией, Румынией и Грузией, которые ожидали усиления ВМС НАТО [Губанов 2014].

8 апреля 2011 г. в Стамбуле прошли мероприятия по случаю 10-летия подписания Соглашения. Примечательно, что события 2008 года не привели к полному сворачиванию инициативы, и даже через три года после российско-грузинского конфликта российская делегация отмечала, что «Блэксифор» способствует укреплению отношений между странами региона и обеспечивает устойчивость в Черном море⁷. К событию также была подготовлена торжественная эмблема (рис. 2).

Рис. 1. Маршрут совместной операции 2001 г.

Эксперты были не так оптимистичны на счет роли организации и ее перспектив после 2008 г. Например, российский аналитик А.В. Глазова отмечала, что «Блэксифор» перестала развиваться и постепенно растеряла свой политический потенциал⁸. Причины

⁷ По случаю 10-й годовщины подписания межгосударственного Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия «Блэксифор» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 09.04.2011. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1698098/ (дата обращения 04.08.2024).

⁸ Глазова А.В. Зона особых интересов России // РИСИ. 17.12.2012. URL: <https://riss.ru/news/smi/zona-osobykh-interesov-rossii/> (дата обращения 04.08.2024).

этого кроются прежде всего в разнонаправленной деятельности государств, участвующих в проекте, и отличными внешнеполитическими приоритетами.

Если российско-грузинский конфликт не привел к распаду «Блэксифор», то после геополитических изменений 2014 г. оперативная группа фактически прекратила свое существование.

Рис. 2. Эмблема «Блэксифор» к 10-летию создания группы

Турецкий фактор

В начале 2000-х у Турецкой Республики в Черноморском регионе можно выделить две ключевые проблемы: 1) поддержание добрососедских отношений с Россией; 2) утверждение лидерства в регионе по отношению к НАТО.

Проведенная Североатлантическим Альянсом в 2005 г. операция «Активные усилия» (англ. *Active Endeavour*) по наблюдению за морским пространством от Средиземного до Черного морей натолкнулась на сильное сопротивление Анкары, которая утверждала, что НАТО уже имеет достаточное присутствие в регионе. Для обеспечения безопасности на Черном море Турция инициировала свои собственные схемы регионального военно-морского сотрудничества. Первым важным шагом в этом стала организация «Блэксифор», а следующим – операция «Черноморская гармония» (англ. *Black Sea Harmony Operation*), организованная 1 марта 2004 г. Турецкое правительство пригласило к инициативе все прибрежные государства, включая Россию, которая стала участницей операции с 2006 г.

Что особенно проблематично для Анкары – влияние США на внешнюю политику Турции. Это относится к опыту страны

в отношении политики безопасности США на Ближнем Востоке. В результате американской интервенции в Ираке в 1991 г. иракские курды основали автономную область на севере страны, что создало угрозу национальной безопасности. В 2003 г. Анкара отказала американским подразделениям в использовании военных баз в связи со второй войной в Ираке. Турция рассматривает политику США на Ближнем Востоке как источник нестабильности не только для себя, но и для Южного Кавказа.

В августе 2008 г., после начала российско-грузинского конфликта, Анкара не разрешила госпитальным судам ВМС США войти в Черное море, в связи с чем двусторонние отношения Турции с Соединенными Штатами переживали сильное напряжение. Анкара и Вашингтон видели друг в друге угрозу своим региональным интересам, будь то на Ближнем Востоке, в восточном Средиземноморье или в Черноморском регионе.

Не в последнюю очередь из-за этого Турция идет своим путем среди государств НАТО, что очевидно в Черноморском регионе. После присоединения Крыма к России в 2014 г. Турция не поддерживала западные санкции против Москвы, но, тем не менее, начала военное сотрудничество с Украиной. Ее целью было не только восполнить пробелы в собственных производственных мощностях, но и увеличить военный потенциал Украины. Согласно турецкому идеалу регионального порядка, Украина играет важную роль в сдерживании притязаний России на гегемонию. На этом фоне развивается сотрудничество в области торговли и вооружений, которое приносит пользу обеим сторонам.

Операция «Черноморская гармония»

Операция «Черноморская гармония» тесно связана с НАТО и дополняет ее операцию «Активные усилия», направляя силы на сдерживание терроризма и асимметричных угроз в Черном море [Крымков 2007]. Эта операция носит многонациональный характер с участием Российской Федерации и Украины [Гаделия 2021]. Страны присоединились к инициативе 27 декабря 2006 г. и 25 апреля 2007 г. соответственно. В марте 2008 г. к этой операции присоединилась также Румыния. Изначально операция «Черноморская гармония» проводилась в турецких территориальных водах и открытых водах Черного моря. В целях обеспечения безопасности и предотвращения угроз турецкий флот регулярно осуществлял патрулирование и разведку по всему Черному морю. Штаб операции был размещен в Эрегли, на турецком побережье.

После расширения операции до многонационального уровня, другие черноморские государства получили возможность направлять в Эргели своих офицеров связи.

Операцию можно считать практическим инструментом «Блэксифор», направленную на отработку механизмов противодействия асимметричным угрозам, однако без применения силовых методов. Также в отличие от «Блэксифор» ВМС стран-участниц остаются под национальным командованием и работают непрерывно.

Заключение

Турецкие военно-морские инициативы в Черном море стали исключительными примерами того, как можно объединить силы стран одного региона с различными геополитическими позициями и внешнеполитическими ориентирами для построения атмосферы взаимного доверия и сотрудничества.

Модель «Блэксифор» реализовывалась в период стратегической пустоты, когда Советский Союз распался, а альтернативные структуры еще не приобрели необходимый политический вес в регионе. Турецкая Республика, пытаясь заполнить этот вакуум, проводила вполне самостоятельную политику и ограничивала вход Североатлантического альянса и, в первую очередь, влияние США.

После пятого расширения НАТО в 2004 г. Болгария и Румыния стали участницами Альянса, которые все больше интегрировали организацию в решение региональных вопросов. Так, например, последующее развитие «Блэксифор» не находило поддержки у Румынии, Болгарии и Грузии, которые были заинтересованы в расширении присутствия Альянса в Черном море. Модель начала буксовать и осталась менее востребованным решением для небольших региональных стран, чем вход военно-морских сил НАТО. В это же время, лидеры региона – Россия и Турция – этому входу продолжали препятствовать.

Определенно осуществление программы было выгодно турецкой стороне не только в рамках обмена опытом с Российской Федерацией. Отстаивая формат «Блэксифор», Турция являлась лидером кооперации по обеспечению безопасности в Черном море, преграждая свободный доступ военно-морскими силами НАТО. Однако российско-грузинский конфликт 2008 г., расширение Североатлантического альянса, смена политических ориентиров в постсоветских странах шаг за шагом снижали эффективность модели и тормозили развитие инициативы, что привело к ее фактическому сворачиванию к 2014 г.

Литература

- Гаделия 2021 – Гаделия Д.Г., Ермолаев И.А., Стуруа М.Д. Антитеррористическая деятельность в Причерноморском регионе // Постсоветские исследования. 2021. № 4 (6). Р. 501–509.
- Губанов 2014 – Губанов А.С. Політика безпеки Туреччини в Чорному морі: військово-морський аспект регіональної співпраці та конкуренції // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. 2014. Т. 27 (66). № 1–2. С. 308–319.
- Крымов 2007 – Крымов О. Операция ВМС Турции «Черноморская гармония» // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 1. С. 49–53.

References

- Gadeliya, D.G., Ermolaev, I.A. and Sturua, M.D. (2021), “Counterterrorism practice in the Black Sea region”, *Postsovetskie issledovaniya*, vol. 6, no. 4, pp. 501–509.
- Gubanov, A.S. (2014), “Security policy of Turkey in the Black Sea: naval aspects of regional cooperation and competition”, *Vcheni zapiski Tavriis'kogo natsional'nogo universitetu im. V.I. Vernads'kogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya*, vol. 66, no. 27, no. 1–2, pp. 308–319.
- Крымов, О. (2007), “Turkish Navy operation ‘Black Sea Harmony’”, *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, no. 1, pp. 49–53.

Информация об авторе

Денис И. Поляков, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; pol16denis@gmail.com

Information about the author

Denis I. Polyakov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; pol16denis@gmail.com

Ближний Восток в условиях продовольственного кризиса (на примерах Иордании, Йемена, ОАЭ)

Алина А. Пряникова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, alinapryanikova06@gmail.com*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности влияния глобального продовольственного кризиса на регион Ближнего Востока на примерах трех ближневосточных государств: Иордании, Йемена и Объединенных Арабских Эмиратов. Автором анализируется не только общее положение региона с точки зрения обеспеченности продовольствием с начала продовольственного кризиса (в 2022 г.), но и положение отдельных государств. Особое внимание уделяется изучению динамики и некоторых особенностей возникновения и развития продовольственного кризиса в рассматриваемых государствах до настоящего времени. В статье применен метод конкретных ситуаций, который использовался для разбора ключевых проблем, присущих Иордании, Йемену и Объединенным Арабским Эмиратам в области обеспечения продовольственной безопасности, предлагаются потенциальные решения этих проблем. Автором также предпринимается попытка сделать прогноз относительно дальнейших путей развития ситуации в рассматриваемых государствах на основе решений, уже принятых и реализованных ближневосточными странами. В заключении дается вывод о степени влияния глобального продовольственного кризиса на Иорданию, Йемен и Объединенные Арабские Эмираты, а также о краткосрочных перспективах, которые ожидают государства в контексте рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, Ближний Восток, продовольственный кризис, Иордания, Йемен, ОАЭ

Для цитирования: Пряникова А.А. Ближний Восток в условиях продовольственного кризиса (на примерах Иордании, Йемена, ОАЭ) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 102–113. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-102-113

The Middle East in the context of the food crisis (on the example of Jordan, Yemen, the UAE)

Alina A. Pryanikova

Saint-Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia, alinapryanikova06@gmail.com

Abstract. The article examines the specifics of the impact of the global food crisis on the Middle East region using the examples of the three Middle Eastern states: Jordan, Yemen and the United Arab Emirates. The author considers the general situation in the region in terms of food availability since the beginning of the food crisis (in 2022), as well as the situation in the countries that are the subject of this research. Special attention is paid to the study of the dynamics and the certain features of the emergence and development of the food crisis in the countries under consideration up to the present time. The article analyzes the key challenges facing Jordan, Yemen and the UAE in the field of food security in a case study format and proposes potential solutions to those problems. The author also attempts to make a forecast of the further development of the situation in the countries in question on the basis of the solutions already adopted and implemented by the Middle Eastern countries (not only those considered in the article, but also the neighboring ones). There is a conclusion about the degree of impact of the global food crisis on Jordan, Yemen and the United Arab Emirates, as well as about the short-term prospects that await the states in the context of the discussed issue.

Keywords: food security, Middle East, food crisis, Jordan, Yemen, UAE

For citation: Pryanikova, A.A. (2025), "The Middle East in the context of the food crisis (on the example of Jordan, Yemen, the UAE)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 102–113, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-102-113

Введение

Продовольственная безопасность остается одной из остро стоящих проблем на Ближнем Востоке – регионе, который характеризуется непростыми климатическими условиями, политической нестабильностью и социально-экономической неоднородностью. Вспыхнувший в 2022 г. глобальный продовольственный кризис усугубил и без того тревожную ситуацию в ряде ближневосточных государств, поскольку объединил и сконцентрировал в себе три ключевые причины нехватки продовольствия: изменения климата, экономическую нестабильность как последствие пандемии COVID-19 и политические потрясения (перебои в поставках

продовольствия в связи с российско-украинским конфликтом). Будучи зависимыми от экспорта продовольствия и не имея достаточных агропромышленных ресурсов для бесперебойного обеспечения населения пищей, ряд ближневосточных стран столкнулись с серьезными проявлениями продовольственного кризиса.

По данным доклада Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО ООН) «Ближний Восток и Северная Африка. Региональный обзор продовольственной безопасности и питания» 2023 г., число недоедающих людей в арабском мире в 2022 г. составило 59,8 млн человек, или 12,9% населения, что намного выше среднемирового показателя в 9,2%¹. Больше всего голодающих было в государствах с низким уровнем дохода и наименее развитых арабских странах, где почти каждый третий человек страдал от недоедания. Ожидается, что их число будет расти из-за продолжающихся конфликтов и экономических потрясений.

Вопросы влияния продовольственного кризиса на регион Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) авторы чаще рассматривают с политической точки зрения. Так, А. Козелец, Й. Пекуч, К. Даниек и Л. Лути акцентируют внимание именно на вызовы, с которыми страны БВСА могут столкнуться в контексте российско-украинского конфликта [Kozielec, Piecuch, Daniek, Luty 2024]. А.Н. Сёмин и Е.В. Килимник также обращают внимание, прежде всего, на российско-украинский конфликт как фактор развития продовольственного кризиса и рассматривают поставки продовольствия в ближневосточные и североафриканские государства в системе мировой торговли [Сёмин, Килимник 2024]. Коллектив авторов монографии «Арабский Восток в лабиринте социально-экономических проблем» изучает роль внешней торговли в продовольственном обеспечении арабских стран [Филоник 2022]. Однако в работе не уделяется внимания климатическому и социальному факторам. Более того, за рамками исследования оказываются ближневосточные государства, не входящие в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что Ближний Восток является крайне разнородным в плане продовольственной безопасности регионом мира. Острота рассматриваемой проблемы

¹ Near East and North Africa – Regional Overview of Food Security and Nutrition – 2023. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/37ccc4cb-b402-4be1-9e92-92fcff8ffbcf/content> (дата обращения 23.10.2024).

(не только в региональном, но и в глобальном плане), а также ее взаимосвязь с ключевой Целью устойчивого развития (ЦУР) № 2, объясняют актуальность данного исследования.

Исследователи потаются рассмотреть проблему продовольственной безопасности в некоторых странах Ближнего Востока комплексно, анализируя все внешние факторы.

Целью работы является оценка степени влияния глобального продовольственного кризиса на ближневосточные государства (Йемен, Иорданию и ОАЭ) и определение краткосрочной динамики его развития в них.

Основой методологии исследования выступили: анализ источников, сравнительный анализ.

Иордания

Государства Ближнего Востока, согласно Global Food Security Index, делятся на три группы по степени обеспечения продовольственной безопасности². Иордания входит во вторую группу (66,2 балла из 100), т. е. находится в состоянии средней удовлетворенности продовольственной безопасностью.

Иордания сталкивается с проблемами, вызванными региональной нестабильностью, в частности кризисом сирийских и палестинских беженцев, который оказывает огромное давление на продовольственные ресурсы страны. Так, по данным Всемирного доклада о продовольственных кризисах – 2023 около 3,32 млн сирийских беженцев и лиц, ищущих убежища, находились в Иордании, Ливане и Ираке. Около 3 млн палестинских беженцев проживали в Иордании, Газе, на Западном берегу, в Сирии и Ливане. В 2022 г. колоссальное число беженцев, страдающих от острой продовольственной нестабильности, было зафиксировано среди сирийских беженцев в Иордании – 82%³. Иордания занимает второе место в мире по числу беженцев на душу населения. По состоянию на январь 2024 г. в Управлении Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) было зарегистрировано

² Jordan. Global Food Security Index 2022. URL: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/explore-countries/jordan> (дата обращения 24.10.2024).

³ Global report on food crises. Rome: FSIN, 2023. P. 25. URL: <https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC2023-compressed.pdf> (дата обращения 24.10.2024).

около 730 000 беженцев, 81% из которых проживали в общинах, а 19% – в лагерях беженцев Заатари и Азрак⁴.

Если сравнить оценки состояния острого отсутствия продовольственной безопасности среди сирийских беженцев в Иордании в период 2021–2022 гг., статистика будет следующей: в 2021 г. 22% сирийцев находилось в состоянии острой нехватки продовольствия, в 2022 г. – уже 82%. Всего лишь за год количество нуждающихся увеличилось на 60%, что естественным образом связано с началом продовольственного кризиса.

Российско-украинский конфликт также негативно повлиял на продовольственную безопасность Иордании. В 2021 г. на долю РФ и Украины приходилось более 30% от общего объема импорта пшеницы и пшеничной муки в Иорданию. С началом продовольственного кризиса в 2022 г. этот показатель начал снижаться, а обеспеченность страны пшеницей – ухудшаться⁵. Иордания уязвима к глобальному росту цен из-за своей зависимости от продовольственных товаров, продаваемых на международном рынке. Иордания не зависела от России в отношении подсолнечного масла и зерновых (за исключением пшеницы), поскольку большая часть этих продуктов поставлялась из Украины⁶. С началом конфликта объемы поставок в Иорданию значительно сократились.

Более того, Иордания – вторая по дефициту воды страна в мире. Ежегодные возобновляемые водные ресурсы Иордании составляют менее 100 м³ на человека, что значительно ниже порога в 500 м³ на человека, определяющего острую нехватку воды⁷. Такой дефицит оказывает свое негативное влияние и на агропромышленный комплекс страны.

Сельское хозяйство является жизненно важным для экономики Иордании, однако в период кризиса этот сектор осложнили нехватка воды и деградация почв. Правительство совместно с

⁴ Jordan. World Food Programme. URL: <https://www.wfp.org/countries/jordan> (дата обращения 24.10.2024).

⁵ Near East and North Africa – Regional Overview of Food Security and Nutrition – 2023. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/37ccc4cb-b402-4be1-9e92-92fcff8ffbcf/content> (дата обращения 24.10.2024).

⁶ Overview of The Jordanian Food System: Outcomes, drivers & activities. 2023. P. 20. URL: https://foresight4food.net/wp-content/uploads/2024/02/an_overview_of_the_jordanian_food_system_outcomes-wageningen_university_and_research_640975.pdf (дата обращения 24.10.2024).

⁷ Water, sanitation and hygiene. URL: <https://www.unicef.org/jordan/water-sanitation-and-hygiene> (дата обращения 31.10.2024).

международными организациями реализовало ряд инициатив. Например, Всемирная продовольственная программа ООН (ВПП ООН) реализует мероприятия по сохранению почвы и воды, управлению пастбищами и лесами, а также выращиванию саженцев, ориентированных на местные виды. Кроме того, ВПП ООН сотрудничает с иорданским Национальным центром по безопасности и управлению кризисными ситуациями, проводя обучение по системам раннего оповещения и управлению рисками стихийных бедствий. Программы, направленные на повышение производительности сельского хозяйства, такие как Национальная сельскохозяйственная стратегия, сосредоточены на управлении водными ресурсами и использовании технологий для повышения урожайности⁸.

С 2022 г. в Иордании реализуется сельскохозяйственная программа Всемирного банка «Моя земля» (ARDI), помогающая укрепить продовольственные системы путем внедрения более эффективных методов ведения сельского хозяйства. Она нацелена предоставить финансирование примерно 30 000 фермерских хозяйств. Проект предполагает создание около 12 000 рабочих мест, особенно для женщин и молодежи.

В целом можно говорить о том, что главной уязвимой частью населения Иордании стали сирийские беженцы. Страна при этом реализует ряд программ для устойчивого продовольствия и развития своего агропромышленного комплекса (АПК) и обеспечивает себя продовольствием, несмотря на влияние внешних факторов.

Йемен

Йемен сталкивается с серьезнейшими проявлениями голода: страна находится в третьем блоке государств по уровню обеспечения продовольственной безопасности по данным Global Food Security Index (40,1 балл)⁹. Она занимает 111-е место из 113 анализируемых государств.

Согласно Глобальному индексу мира 2022 г., Йемен второй год подряд занимает второе место в мире после Афганистана и является наименее мирной страной в регионе Ближнего Востока

⁸ Jordan. World Food Programme. URL: <https://www.wfp.org/countries/jordan> (дата обращения 24.10.2024).

⁹ Yemen. Global Food Security Index. 2022. URL: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/explore-countries/yemen> (дата обращения 31.10.2024).

и Северной Африки (БВСА)¹⁰. Очевидно, что в период вооруженных конфликтов продовольственная безопасность уступает место безопасности человеческой и ее обеспечение сталкивается с трудностями.

Кроме того, в период с января по май 2022 г., т. е. в период обострения продовольственного кризиса, 55% населения Йемена находились в состоянии острой нехватки продовольствия¹¹. Ситуация обусловлена затяжным вооруженным конфликтом и последовавшим за ним экономическим коллапсом, который в 2022 г. усугубился из-за российско-украинского конфликта.

Мировая политическая обстановка значительным образом сказалась на поставках продовольствия в Йемен в период кризиса. Страна импортирует более 85% продуктов питания, что делает ее крайне уязвимой к колебаниям на мировом рынке, ограничениям на импорт и валютным колебаниям¹². В 2022 г. и без того высокие внутренние цены на продовольствие выросли из-за продолжающегося обесценивания местной валюты и высоких мировых цен на сырьевые товары, частично поддерживаемых неопределенностью в отношении перспектив экспорта из Украины.

Даже в период кризиса и несмотря на климатически неблагоприятные условия, сельское хозяйство остается ключевым сектором производства продовольствия в Йемене. В 2022 г. из 76% производителей сельскохозяйственных культур, столкнувшихся с трудностями во время производства, большинство ссылались на недостаток оросительной или дождевой воды. Из тех, кто занимался посевами, 37% сообщили о сокращении посевных площадей, а 55% ожидали снижения урожая по сравнению с обычным годом.

Кризисная ситуация в Йемене не улучшается с течением времени. В период с октября 2023 г. по февраль 2024 г. рост отсутствия продовольственной безопасности был вызван обострением экономического кризиса, продолжением локального конфликта, сокращением и нерегулярным поступлением гуманитарной продовольственной помощи и негативными последствиями циклона

¹⁰ Global Report on Food Crises. 2023. URL: <https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC2023-compressed.pdf> (дата обращения 31.10.2024).

¹¹ Ibid.

¹² *Gadain H.* Leaving no one behind in Yemen: Steps towards better production, nutrition, environment and life // FAO. 2022. 16.10. URL: <https://www.fao.org/countryprofiles/news-archive/detail-news/en/c/1609099> (дата обращения 25.10.2024).

Тедж, который обрушился на юго-восточные прибрежные районы Йемена в последние недели октября 2023 г. В совокупности эти потрясения свели на нет некоторые успехи, достигнутые благодаря улучшению ситуации в сфере безопасности¹³.

Значительных улучшений не наблюдается и в 2024 г. В мае 2024 г. доля домохозяйств с недостаточным потреблением продовольствия достигла 58% по всей стране, исторические максимумы составили 60% в Южном Йемене под управлением международно-признанного правительства и 57% в Северном Йемене под управлением властей, базирующихся в Сане. В мае была проведена единовременная раздача продовольствия наиболее уязвимым слоям населения в восьми приоритетных районах Хаджа и Ходейда. Мониторинг, проведенный после, показал, что продовольственная безопасность домохозяйств-бенефициаров в этих районах впоследствии значительно улучшилась. В том же месяце стоимость минимальной продовольственной корзины достигла рекордного уровня в районах под управлением международно-признанного правительства, увеличившись на 13% по сравнению с прошлым годом. Девальвация валюты и высокие цены на топливо являются ключевыми факторами, обусловившими этот рост¹⁴.

Программы ВПП ООН оказывают поддержку населению Йемена, доставляя необходимые продукты питания в семьи, находящиеся в ситуации острой нехватки продовольствия, однако значительного улучшения кризисной ситуации в Йемене не наблюдается. В Глобальном индексе голода – 2024 Йемен занимает 126-е место из 127 стран¹⁵.

Объединенные Арабские Эмираты

ОАЭ представляет собой противоположный Иордании и Йемену пример: помимо того, что эта монархия является одной из богатейших на Ближнем Востоке, она также является лидером по обеспечению продовольственной безопасности в регионе БВСА

¹³ Yemen (partial analysis). IPC. URL: https://www.ipcinfo.org/fileadmin/user_upload/ipcinfo/docs/IPC_Yemen_Food_Security_Update_Oct2023_Feb2024_Report_English.pdf (дата обращения 31.10.2024).

¹⁴ WFP Yemen Food Security Update. 2024. June. URL: <https://reliefweb.int/report/yemen/wfp-yemen-food-security-update-june-2024> (дата обращения 31.10.2024).

¹⁵ Global Hunger Index 2024: Yemen. URL: <https://www.globalhungerindex.org/pdf/en/2024/Yemen.pdf> (дата обращения 31.10.2024).

(75,2 балла) согласно данным Global Food Security Index¹⁶. Именно поэтому научный интерес представляет выяснение того, повлияли ли глобальный продовольственный кризис на ситуацию в ОАЭ и если да, то в какой степени.

К 2022 г., т. е. к началу продовольственного кризиса, Объединенные Арабские Эмираты занимали последнее место по распространенности умеренного или серьезного отсутствия продовольственной безопасности (около 10%)¹⁷. Процент людей в ОАЭ, не имеющих возможности позволить себе здоровое питание, в 2021 г. был близок к 0%¹⁸. В целом к началу продовольственного кризиса процент недоедающего населения в ОАЭ был меньше 2,5 (во всем регионе БВСА такие показатели только у Кувейта и Алжира)¹⁹. Отсюда мы можем сделать вывод, что с продовольственным кризисом страна столкнулась, не имея серьезных продовольственных проблем внутри.

Примерно 85% продовольствия в ОАЭ импортируется, и можно было предположить, что с началом продовольственного кризиса и блокировкой украинских и российских портов для экспорта продовольствия ситуация с обеспечением продуктами питания в стране ухудшится. Вопреки данной гипотезе, кризис скорее стал стимулом для развития АПК Арабских Эмиратов, внутреннее производство начало расти. Страна находится в наименее рискованной позиции среди 56 государств БВСА, когда речь заходит о сбоях в логистических цепочках, растущей инфляции и долге, а также об отсутствии продовольственной безопасности.

Для преодоления рисков, связанных с глобальным продовольственным кризисом, ОАЭ активно внедряют инновационные агротехнологии. Такие инициативы помогают решить не только проблему зависимости от импорта, но и другую, не менее важную, климатическую. ОАЭ сталкиваются с экстремальными погодными условиями, включая высокие температуры и ограниченность пахотных земель. Это снижает производительность сельского хозяйства и затрудняет усилия по увеличению производства местных продуктов питания.

¹⁶ United Arab Emirates. Global Food Security Index 2022. URL: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/explore-countries/united-arab-emirates> (дата обращения 29.10.2024).

¹⁷ Near East and North Africa – Regional Overview of Food Security and Nutrition – 2023. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/37ccc4cb-b402-4be1-9e92-92fcff8ffbcf/content> (дата обращения 29.10.2024).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

Например, для снижения остроты влияния кризиса на АПК, ОАЭ инвестируют в передовые сельскохозяйственные технологии, включая вертикальное земледелие и гидропонику, чтобы увеличить производство местных продуктов питания. Такие компании, как AgTech и Crop One, создали вертикальные фермы, которые используют меньше воды и пространства²⁰.

Еще одной инициативой является Pure Harvest Smart Farms. В искусственно созданных фермах используется сельское хозяйство с контролируемой средой для устойчивого выращивания свежих продуктов²¹.

Нельзя не отметить вступление ОАЭ в БРИКС. Помимо ряда выгод, предполагается и сотрудничество в области продовольственной безопасности. В Экспертном заключении по итогам сессии ПМЭФ-2024 «Расширение БРИКС. Новые возможности делового сотрудничества» отмечается, что «Для развития национальных экономик, а также достижения целей глобального развития, включая обеспечение продовольственной безопасности, необходимо интенсифицировать диалог между странами-участниками объединения»²².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ОАЭ в наименьшей степени из всех ближневосточных стран подвержены шокам продовольственного кризиса. Страна справляется с нестабильностью путем инноваций в области АПК, взаимодействия с другими государствами и четко проработанной стратегии продовольственной безопасности.

Заключение

В статье мы рассмотрели три ближневосточных государства – Иорданию, Йемен и ОАЭ, находящихся в различных группах по уровню продовольственной безопасности. Видно, что уровень экономического развития оказывает значительное влияние на

²⁰ Innovation and investment in agritech. URL: <https://www.investindubai.gov.ae/en/insights-and-resources/news-insights/food-agriculture-guide/innovation-investment-agritech> (дата обращения 29.10.2024).

²¹ Pure Harvest smart farms. URL: <https://www.pureharvestfarms.com/> (дата обращения 29.10.2024).

²² Воронин Т.В. Расширение БРИКС как драйвер экономического развития стран-участниц. Росконгресс. 2024. URL: <https://roscongress.org/materials/rasshirenie-briks-kak-drayver-ekonomicheskogo-razvitiya-stran-uchastnits/> (дата обращения 29.10.2024).

уровень продовольственной безопасности. Кроме того, внутренние вооруженные конфликты и политическая нестабильность (как в Йемене), беженцы из соседних государств (как в Иордании) также усугубляют проблему нехватки продуктов питания.

Можно говорить о том, что глобальный продовольственный кризис тем сильнее повлиял на государство, чем менее оно благополучно финансово и политически. Так, в ОАЭ кризис практически незаметен.

Говоря о краткосрочных перспективах решения продовольственных вопросов, можно выделить следующие варианты развития событий по странам:

Иордания, вероятно, продолжит сталкиваться с притоком беженцев, что, в свою очередь, будет являться дополнительной нагрузкой на продовольственные системы внутри страны. Однако при более активной реализации правительственных продовольственных проектов можно ожидать улучшений в данной сфере. Более того, при снижении остроты проявлений глобального продовольственного кризиса, активном развитии АПК, взаимодействии с межправительственными организациями, у Иордании есть возможность примкнуть к государствам «первого типа» по уровню удовлетворенности продовольственной безопасностью.

В Йемене возобновление боевых действий может нарушить гуманитарные усилия, усугубив кризис продовольственной безопасности. Такой сценарий может привести к увеличению числа перемещенных лиц и еще большей нагрузке на и без того ограниченные ресурсы. Потенциально эффективным решением представляется работа по восстановлению местного сельского хозяйства, привлечение внимания к устойчивым методам ведения хозяйства. Однако с учетом политической нестабильности в стране, отсутствием квалифицированных кадров, правительственной поддержки АПК и климатических шоков данный сценарий представляется маловероятным.

ОАЭ, в свою очередь, могут ускорить инвестиции в сельскохозяйственные технологии, такие как вертикальное земледелие и гидропоника, чтобы увеличить производство местных продуктов питания. Это может повысить продовольственную безопасность и снизить зависимость от импорта. Кроме того, перспективным сценарием представляется диверсификация источников импорта продовольствия, чтобы снизить риски, связанные с перебоями в глобальной цепи поставок.

Литература

- Сёмин, Килимник 2024 – Сёмин А.Н., Килимник Е.В. Поставки продовольствия в страны Северной Африки и Ближнего Востока и их влияние на продовольственную безопасность в мире // Агропродовольственная политика России. 2023. № 2. С. 51–56.
- Филоник 2022 – Арабский Восток в лабиринте социально-экономических проблем / отв. ред. А.О. Филоник. М.: ИВ РАН, 2022. 226 с.
- Kozielec, Piecuch, Daniek, Luty 2024 – Kozielec A., Piecuch J., Daniek K., Luty L. Challenges to food security in the Middle East and North Africa in the context of the Russia-Ukraine conflict // Agriculture. 2024. Iss. 14. P. 155–177.

References

- Filonik, A.O., ed. (2022), *Arabskii Vostok v labirinte sotsial'no-ekonomicheskikh problem* [The Arab East in the maze of socio-economic challenges], IV RAN, Moscow, Russia.
- Kozielec, A., Piecuch, J., Daniek, K. and Luty, L. (2024), "Challenges to food security in the Middle East and North Africa in the context of the Russia-Ukraine conflict", *Agriculture*, iss. 14, pp. 155–177.
- Syomin, A.N. and Kilimnik, E.V. (2023), "Food shipments to North Africa and the Middle East and their impact on global food security", *Agro-Food Policy in Russia*, vol. 2, pp. 51–56.

Информация об авторе

Алина А. Пряникова, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; alinapryanikova06@gmail.com

Information about the author

Alina A. Pryanikova, postgraduate student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; alinapryanikova06@gmail.com

Применение Сил специальных операций США в сдерживании конкурирующих держав

Демокрит М. Заманапулов

*Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова
РАН (ИСКРАН), Москва, Россия, dz750@mail.ru*

Аннотация. Современное состояние мировых дел характеризуется новым витком противоборства между великими державами, что стало следствием стремления ряда стран построить многополярный мир, который бы на более широкой основе учитывал их интересы. Естественно, что такой ход событий не отвечает интересам Соединенных Штатов, стремящихся сохранить за собой статус единственной сверхдержавы.

Развитие экономики, доступ к новейшим информационным и технологическим разработкам позволил России, Китаю и Ирану создать конкурентоспособные технологии ведения войны и инициировать процесс перераспределения власти и могущества на пространстве Евразийского континента. В связи с этим вооруженные силы США, в общем, и Силы специальных операций (далее – ССО), в частности, начали переориентироваться с операций по борьбе с террористами к мероприятиям по противодействию конкурирующим державам. ССО США играют все более важную роль в глобальной конкуренции с Китаем, Россией и Ираном, особенно в области нерегулярных боевых действий.

Цель настоящего исследования заключается в анализе возможных путей применения подразделений ССО в вопросе сдерживания конкурентов США.

Ключевые слова: США, Китай, Иран, Россия, конкуренты, специальные операции, сдерживание, ССО, соперничество

Для цитирования: Заманапулов Д.М. Применение Сил специальных операций США в сдерживании конкурирующих держав // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 114–131. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-114-131

The use of the US Special Operations Forces to deter competing powers

Demokrit M. Zamanapulov

*Institute for US and Canadian Studies, Moscow, Russia,
dz750@mail.ru*

Abstract. The current state of world affairs is characterized by a new round of confrontation between the great Powers, which resulted from the desire of a number of countries to build a multipolar world that would take their interests into account on a broader basis. Naturally, such a course of events does not meet the interests of the United States, which seeks to retain its status as the sole superpower.

Economic development and the access to the latest information and technological innovations allowed Russia, China and Iran to create competitive warfare technologies and initiate the process of redistributing power and might across the Eurasian continent. In this regard, the U.S. armed forces in general, and the Special Operations Forces (SOF), in particular, started reorienting themselves from the operations to combat terrorists to the measures of countering the competing powers. The US SOF is playing an increasingly important role in the global competition with China, Russia and Iran, especially in the field of irregular warfare. In this regard, the purpose of the study is to analyze the possible ways for the United States to use the SOF units to deter its competitors.

Keywords: USA, China, Russia, competitors, special operations, deterrence, SOF, rivalry

For citation: Zamanapulov, D.M. (2025), "The use of the US Special Operations Forces to deter competing powers", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science, History, International Relations" Series*, no. 2, pp. 114–131, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-114-131

Введение

Растущая конкуренция между США и такими странами, как Россия, Китай и Иран, определяется резкими противоречиями, существующими между ними. Во-первых, данные государства имеют разные политические системы, которые предельно отличаются друг от друга. Во-вторых, их национальные интересы находятся в противоречии друг с другом. В-третьих Россия, Китай и Иран бросают вызов международной системе, которая была сформирована США после окончания холодной войны и стремятся создать многополярный мир.

Все эти аспекты создают конфликтный потенциал, который по всей видимости будет определять облик XXI в., и безусловно окажут значительное влияние на процесс трансформации вооруженных сил и способов их применения в новых условиях.

Возрастающие экономические и военные возможности Китая в глобальном масштабе, присутствие российских ЧВК в Африке и Латинской Америке, проведение СВО на Украине, эффективные прокси-войны Ирана в Ливане, Ираке и Южном Йемене, серьезно дестабилизировали позиции США в этих регионах и требуют от Вашингтона разработки и реализации новой стратегии, способной нивелировать эти угрозы. Учитывая вышеизложенное, задачей настоящего исследования является рассмотрение практики применения ССО США в сдерживании конкурирующих держав как в прошлом, так и на современном этапе. При этом, использование сравнительного и системного методов позволит определить возможные варианты этого сдерживания.

Среда и методология противоборства между конкурирующими державами на современном этапе

Тот факт, что двое из трех соперников США обладают ядерной триадой, позволяет прийти к выводу, что противостояние между ними развернется в так называемых «серых зонах» при помощи гибридных методов и средств продвижения своих интересов.

Учитывая специфику этой конфликтной среды, противоборство ниже порога открытых военных действий, скорее всего, будет определяющим средством продвижения национальных интересов в борьбе между США и их конкурентами. Оно включает в себя применение многочисленных методов воздействия, которые то или иное правительство может использовать для смещения баланса сил в свою пользу. В целом, эта методология полностью идентична инструментам, используемым ССО, и выражена в проведении психологических операций, поддержке государственных и негосударственных союзников США, «реализации прямых действий, осуществление разведывательных мероприятий и диверсий» [Robinson 2018, p. 5]. Специалист Центра стратегических и международных исследований С. Джонс отмечал, что для такого вида действий государств в науке нет устоявшегося определения. В частности он писал, что для охвата некоторых аспектов этой деятельности в публикациях используют следующие определения: «политическая или гибридная

война, деятельность в серой зоне, асимметричный конфликт, косвенный подход»¹.

Нужно сказать, что развитие инструментов ведения нетрадиционной войны стало своего рода ответом технологически отстающих от США стран на подавляющую мощь американских вооруженных сил, которая была показана ими в ходе операций «Несокрушимая свобода» и «Свобода Ирака» в 2001–2003 гг. Исходя из этого, интересно замечание генерал-лейтенанта армии США К. Тово, который при анализе превосходства противников США в нетрадиционных войнах указывал: «наши соперники сделали то, что сделал бы любой хороший противник. Они искали наши слабости и вкладывали значительные средства в асимметричные методы и гибридную войну. И возможно, наши противники делают это лучше, чем мы»². Аналогичного мнения придерживался и М. Викерс, заслуженный специалист в области тайных операций, в свое время отвечавший за техническую сторону операции «Циклон», направленную на организацию партизанской войны против СССР в Афганистане в 1980-е гг. Так он подчеркивал, что сегодня США сталкиваются, пожалуй, с «самой опасной ситуацией со времен окончания холодной войны»³. Обладая широким взглядом на современные реалии, М. Викерс и К. Тово рассматривали новую стратегию соперников США не как отдельную тактику, а как часть более глубоких социальных тенденций. Например, информационные операции против США и их союзников эффективны только благодаря активному использованию американской армией цифровых технологий во всех аспектах своей деятельности. М. Викерс также считал, что эти тенденции напрямую влияют на ситуацию с безопасностью, поддерживать которую должны ССО: «возобновление соперничества великих держав – наша самая большая угроза. На самом высоком уровне мы действительно сталкиваемся с чем-то новым – самой большой экономикой, с которой мы когда-либо имели дело, ничего подобного в XX в. не было. Технологически противник становится более конкурентоспособным.

¹ Jones S. Statement before the House Committee on Armed Services, Subcommittee on Intelligence and Special Operations: “The role of special operations in great power competition”. Wednesday, February 8, 2023. P. 3 // CSIS. URL: <https://www.congress.gov/118/meeting/house/115334/witnesses/HHRG-118-AS26-Wstate-JonesS-20230208.pdf> (дата обращения 20.01.2025).

² Nichols T., Brands H. Special Operations Forces and great power competition in the 21st century. URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2020/08/Special-Operations-Forces-and-Great-Power-Competition-in-the-21st-Century.pdf?x85095> (дата обращения 20.01.2025).

³ Ibid.

Настоящая угроза исходит от тех, кто намеревается превзойти нас во всех этих областях»⁴. Тем самым американская стратегическая мысль отдает должное теоретическим и практическим разработкам Китая, России и Ирана в данной сфере.

К примеру, китайская концепция нерегулярной войны («*неограниченная война*») включает в себя 24 типа войн, большинство из которых не предполагает прямого применения военной силы и заключается в использовании «дипломатических, террористических и идеологических методов»⁵. В Иране для обозначения этой деятельности используется термин «*мягкая война*», которая включает в себя пропаганду и информационные операции⁶.

Тем самым на современном этапе противоборства между сильнейшими державами преобладание гибридных методов продвижения своих национальных интересов объясняется нежеланием акторов развязывать полномасштабную войну.

Логика неэффективности применения ядерного оружия постоянно присутствует в современных отношениях между США, Россией и Китаем. Как отмечал американский исследователь С. Джонс, «война США с Китаем может сократить валовый внутренний продукт (ВВП) Китая на 35%, а ВВП США – от 5 до 10%»⁷. Соединенные Штаты, Россия и Китай столкнутся с огромным числом погибших среди военных и гражданских лиц и рискуют крупномасштабным уничтожением своих стран. В случае, если война распространится на территории их союзников, как это было во время Первой и Второй мировых войн, экономические показатели и потери могут быть еще больше. Тем самым ядерная война значительно повысит военные, экономические и экологические издержки. Хотя война между Соединенными Штатами и Китаем из-за Тайваня, между США и Россией из-за Украины не является невозможной, ее разрушительный характер заставлял и, вероятно, будет заставлять Москву, Пекин и Вашингтон проявлять осторожность. Вместо полномасштабной войны Соединенные Штаты и их основные конкуренты, скорее всего, будут вести нерегулярные боевые действия в качестве основного метода продвижения своих

⁴ Ibid.

⁵ Фенли Г. Гибридная война в исследованиях ученых Китайской Народной республики // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 1 (23). С. 140–152.

⁶ Bugala P. Iran's new way of war in Syria. 2017. Feb. P. 2. URL: https://www.understandingwar.org/sites/default/files/Iran%20New%20Way%20of%20War%20in%20Syria_FEB%202017.pdf (дата обращения 22.01.2025).

⁷ Jones S. Op. cit. P. 4.

интересов. В рамках данного подхода эти страны используют многочисленные прокси-силы, подготовленные их силовыми ведомствами для борьбы друг с другом.

Можно привести следующие примеры такой деятельности.

- *Китай*. Части Народно-освободительной армии (НОАК), Министерство государственной безопасности (МГБ), Министерство общественной безопасности (МОБ), Министерство промышленности и информационных технологий (МПИТ), Министерство иностранных дел (МИД) и другие государственные и негосударственные организации оказывают помощь хакерам в вопросе ведения кибервойн и информационных операций.

- *Россия*. Структуры Главного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ (ГУ), Службы внешней разведки (СВР), Федеральной службы безопасности (ФСБ), российские ССО и другие государственные и негосударственные организации оказывают поддержку российским ЧВК в их деятельности в Африке и Латинской Америке.

- *Иран*. Корпус стражей исламской революции (КСИР), силы «Аль-Кудс», Министерство разведки (*MOIS*) и ряд других организаций оказывают помощь в Ливане «Хезбалле», в Ираке – Силам народной мобилизации, в Йемене – группировке хуситов «Ансар Аллах».

Использование этой «скрытной» стратегии позволяет Китаю динамично проводить линию на перераспределение власти в Индо-Тихоокеанском регионе и в мире в целом в свою пользу. Как подчеркивал Си Цзиньпин, Китай должен «принять асимметричную стратегию, догнать и перегнать США и страны Запада»⁸. Китайские действия включают в себя наступательные кибероперации, информационные и дезинформационные кампании, экономическое превосходство (в том числе через инициативу «Один пояс – один путь»), а также шпионаж против государственных и негосударственных учреждений и корпораций США и других западных стран.

Гибридные методы ведения противоборства дают России, обладающей развитым компонентом ССО, возможность реализовывать свою политику в Африке, через ЧВК оказывать поддержку своим союзникам в Латинской Америке и эффективно использовать их на Украине в рамках СВО.

⁸ *Ходаренок М.М.* Догнать и перегнать Америку: что из себя представляет армия Китая Си Цзиньпин призвал к ускорению модернизации вооруженных сил Китая // Газета.RU. 23.10.20. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/10/23/13330555.shtml> (дата обращения 22.01.2025).

Иран, в свою очередь, ведет достаточно эффективную нерегулярную кампанию против Соединенных Штатов и партнеров на Ближнем Востоке, используя возможности лояльных Тегерану прокси-сил. Как заключило разведывательное сообщество США, «гибридный подход Ирана к войне с использованием как обычных, так и нетрадиционных средств будет представлять угрозу интересам США в регионе в обозримом будущем. Силы “Аль-Кудс” останутся основой военной мощи Ирана»⁹.

Таким образом, сегодня в американском оборонном сообществе стоит вопрос, как вооруженные силы США и ССО могут справиться с этими вызовами? Заместитель помощника министра обороны по специальным операциям и конфликтам низкой интенсивности в период первого президентства Д. Трампа М. Митчел считал, что отставание США в области нетрадиционных войн сложилось из-за того, что «ССО участвовали в контртеррористических и контрповстанческих операциях, состоящих в основном из рейдов, высокоточных ударов с воздуха и подобных операций прямого действия. Тем временем противники США получили преимущество, используя совсем другие средства – не сражаясь открыто, они нападают на американскую демократию, воруют важнейшие технологии, подрывают альянсы и влияют на партнеров США»¹⁰.

ССО США как инструмент сдерживания

Американские эксперты считают, что национальным ССО в новых реалиях придется действовать в условиях постоянного изменения стратегической среды, и понимание ее сути является «необходимой предпосылкой для эффективного противоборства с конкурирующими державами»¹¹. Как заметил американский исследователь С. Джонс, несмотря на нерегулярную угрозу со стороны Китая, России и Ирана, сегодня американские ССО сталкиваются

⁹ Annual threat assessment of the U.S. Intelligence Community. McLean, VA: Office of the Director of National Intelligence, 2022. P. 14. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2022-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения 22.01.2025).

¹⁰ Nichols T., Brands H. Special Operations Forces and great power competition in the 21st Century. URL: <https://www.aei.org/wp-content/uploads/2020/08/Special-Operations-Forces-and-Great-Power-Competition-in-the-21st-Century.pdf?x85095> (дата обращения 22.01.2025).

¹¹ Ibid.

с рядом серьезных препятствий. Во-первых, в США все еще слишком склонны готовиться к обычной войне. Большинство военных игр, проводимых Пентагоном и сторонними организациями, касаются войны с применением обычных вооружений, в том числе с Китаем из-за Тайваня. Сценарии стратегического планирования США или планы региональных операций также в значительной степени ориентированы на обычную войну. Долгосрочные «исследования и разработки Министерства обороны США, бюджетное планирование, обучение и структура сил также сосредоточены на обычных войнах»¹². Наряду с этим профессиональное военное образование в таких учебных заведениях, как Военный колледж армии США, Командно-штабной колледж армии США и Университет национальной обороны, сильно ориентировано на обычную войну. Во-вторых, слишком много людей, в том числе и в Министерстве обороны США, сосредотачиваются на «возможностях ССО в области прямых действий, а не на таких видах деятельности, как внутренняя оборона союзных государств и нетрадиционные боевые действия, которые лежат в основе нерегулярных боевых действий»¹³.

Это говорит о том, что сегодня в американском оборонном сообществе существуют разные взгляды на стратегию применения ССО в вопросе сдерживания конкурентов, однако все эксперты согласны в том, что ССО имеют решающее значение для национальной безопасности США в ближайшем будущем. Они играли и будут играть важную роль в противодействии террористическим группам и реагировании на инциденты с захватом заложников. Но сегодня их основная задача, по мнению американского экспертного сообщества, заключается в конкуренции с такими странами, как Китай, Россия и Иран, особенно в области нерегулярных военных действий.

По состоянию на 2024 г. система ССО состояла из представителей специальных подразделений Армии, ВМС, ВВС и Корпуса морской пехоты США в количестве 70 000 военнослужащих и гражданского персонала, расквартированных по всему миру¹⁴. Эффективность их применения на современном этапе будет зависеть от качества личного состава, повышенной боеготовности, мо-

¹² Jones S. Op. cit. P. 6.

¹³ Ibid.

¹⁴ USSOCOM. URL: <https://www.socom.mil/> (дата обращения 22.01.2025). См. также: Корсаков Г.Б. Силы специальных операций вооруженных сил США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 5 (569). С. 104.

дернизации возможностей ССО и готовности к взаимодействию с другими структурами министерства обороны, межведомственными службами США и иностранными союзниками и партнерами.

По мнению аналитиков «РЭНД»^{*} Т. Сэйна и У. Велсера, ССО США, являясь главным инструментом противоборства с почти равными по силе державами, должны усилить свои возможности в проведении следующих видов операций.

1. Оборона государств-союзников, в том числе усилия по наращиванию военного потенциала партнеров США. Это может включать в себя обучение и оснащение партнеров в Европе, граничащих с Россией (таких как Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Польша), и в Индо-Тихоокеанском регионе, которым грозит возможное китайское вторжение (например, Тайвань). Исходя из этого, международное сотрудничество ССО США, реализуемое в «рамках программы взаимодействия международных сил специальных операций, выходит на первый план»¹⁵. Несмотря на то что данные силы по-прежнему активно занимаются противодействием террористическим сетям, их возможности постепенно ориентируются на противоборство с крупными державами, обладающими потенциалом ведения нерегулярной войны. Американские стратеги считают, что нигде эта угроза не является более распространенной, чем на восточной границе НАТО с Россией, где сообщество ССО западных стран остается в состоянии повышенной готовности после начала СВО России на Украине в феврале 2022 г. Жесткое течение информационного и кибер-противоборства в зоне украинского конфликта продолжает стимулировать разработки американских ССО в отношении того, как «лучше всего действовать в условиях активных информационных и кибератак на системы управления войсками»¹⁶.

Командование специальных операций США (далее – КСО) курирует несколько проектов, направленных на расширение таких возможностей в рамках международной системы сотрудничества, через его все более мощную «Глобальную сеть», в которую входят члены НАТО (Эстония, Латвия, Литва, Польша) и страны, не

^{*} Организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации

¹⁵ White A. International Special Operations Forces. URL: <https://www.defensemedianetwork.com/stories/international-special-operations-forces-2020-2021/> (дата обращения 22.01.2025).

¹⁶ Szayna T., Welsner W. Developing and Assessing Options for the Global SOF Network. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR340.html (дата обращения 22.01.2025).

входящие в альянс (Грузия до последнего времени и Украина)¹⁷. Благодаря международному присутствию ССО США, охватывающему более 80 стран, влияние КСО на сообщество специальных сил стран-партнеров продолжает набирать динамику по мере дальнейшего расширения глобальной сети ССО. Сотрудничество в рамках глобальной сети ССО включает в себя тесное взаимодействие КСО США с штабом специальных операций НАТО (*NSHQ*) и Командованием специальных операций США на театре военных действий в Европе (далее – *SOCEUR*), которому поручено укреплять коллективный потенциал ССО стран-партнеров и их функциональную совместимость. Например, штаб специальных операций НАТО во взаимодействии с *SOCEUR* и Командованием специальных операций Польши (*POL SOCC*) продолжают активно «участвовать в формировании и развитии ССО Украины, которые проводят операции по борьбе с российскими вооруженными силами»¹⁸. Следует сказать, что желание усилить ССО Украины в рамках международной сети ССО демонстрируют такие страны, как Великобритания, Литва, Латвия, Эстония, Румыния, Дания, а также Канада.

Показательно, что компоненты ССО США в Центральной и Западной Европе отреагировали на российскую СВО на Украине планами по объединению ресурсов для создания единого фронта противодействия Москве. Наряду с этим, учения, в которых участвовали представители ССО из США, Болгарии, Республики Северная Македония, Румынии и Украины, были призваны «помочь в отработке системы совместного командования и координации международных ССО с обычными силами НАТО»¹⁹. Учения также подчеркнули важность совместных операций, реализуемых ССО в поддержку действий обычных подразделений вооруженных сил стран-партнеров США и наоборот. Например, сценарии учений включали в себя скоординированные миссии по пополнению запа-

¹⁷ *Sirbiladze I.* NATO-Georgia and NATO-Ukraine relations amid the new strategic context. URL: <https://think.visegradfund.org/wp-content/uploads/Everything-but-Article-5.-NATO-Georgia-and-NATO-Ukraine-Relations-amid-the-New-Strategic-Context.pdf> (дата обращения: 22.01.2025).

¹⁸ *Atlamazoglou S.* Ukrainian special-operations forces doubled in size while training with the US, top US special-ops commander says. URL: <https://www.businessinsider.com/ukrainian-special-ops-forces-double-in-size-during-us-training-2022-6> (дата обращения: 22.01.2025).

¹⁹ *Polituk P.* Ukraine holds military drills with U.S. forces, NATO allies // Reuters. 20.09.2021. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/ukraine-holds-military-drills-with-us-forces-nato-allies-2021-09-20/> (дата обращения: 22.01.2025).

сов, проводившихся обычными подразделениями для продления операционных возможностей небольших групп ССО, ведущих специальную разведку для наведения авиации на цели.

Примечательно, что перед началом СВО на Украине ССО США осуществляли на ее территории две программы по противодействию России²⁰. Первая была направлена против элементов российской информационной системы, вторая касалась подготовки украинских боевиков в области сбора разведывательной информации на территории ДНР и ЛНР²¹. С началом СВО, 10-я группа спецназа ССО США создала на территории Польши и Германии два операционных центра, помогающих ВСУ получать навыки в применении новейшего американского и европейского вооружения²². Характерно, что в указанные программы входят представители подразделений специального назначения из 20 стран²³.

2. Ведение нетрадиционной войны, которая должна включать в себя операции по консультированию и поддержке прокси-сил. В рамках данного подхода ССО США сыграли ключевую роль в действиях оппозиции в период войны в Сирии, где они оказывали поддержку в подготовке вооруженного крыла так называемых Сирийских демократических сил и других курдских военных структур [Евсеенко 2019, с. 17]. По некоторым оценкам, в данном регионе ССО США курировали прокси-армию в количестве 50 тыс. человек, которые участвовали в боях с армией Б. Асада. Аналогичную работу по подготовке проамериканских прокси-сил ССО осуществляют в Ираке, Йемене, Сомали и Мали. В целом, Большой Ближний Восток является вторым после Европы важнейшим регионом для ССО США, где обкатываются их программы.

Наряду с этим, помимо России, Китая и Ирана, ССО США вовлечены в процесс противоборства с Северной Кореей. Периодические запуски Пхеньяном баллистических ракет повысили значимость деятельности командования ССО США на корейском полуострове. В случае конфликта, в рамках существующих дого-

²⁰ *Morgan W.* Pentagon looks to restart top-secret programs in Ukraine // The Washington Post. 10.02.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2023/02/10/us-special-operations-ukraine-surrogate-program/> (дата обращения: 22.01.2025).

²¹ Ibid.

²² *Schmitt E., Barnes J., Cooper H.* Commando Network coordinates flow of weapons in Ukraine, officials say // The New York Times. 25.06.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/06/25/us/politics/commandos-russia-ukraine.html> (дата обращения 22.01.2025).

²³ Ibid.

воренностей между Соединенными Штатами и Южной Кореей, их специальные силы объединятся под эгидой Объединенной оперативной группы по нетрадиционным военным действиям, которая и будет осуществлять весь спектр специальных и гибридных методов ведения войны. В рамках сдерживания Северной Кореи американские спецназовцы также осуществляют комплекс мер по отслеживанию местонахождения оружия массового уничтожения (далее – ОМУ).

3. Информационные операции, или операции военной информационной поддержки (*Military information support operations – MISO*), которые включают в себя деятельность по влиянию на иностранную аудиторию через информационные и телевизионные сети.

В целом анализ вышеперечисленных методов позволяет сделать вывод, что специальные операции в стратегической борьбе с конкурирующими державами, главным образом, будут направлены на *сдерживание* оппонентов.

Суть сдерживания «заключается во внушении противнику сомнений или страха перед возможными последствиями применения силы» [Полегаев, Алферов 2015, с. 3]. Объединенный комитет начальников штабов США определяет сдерживание как «операции, проводимые для того, чтобы убедить противников не предпринимать действий, которые угрожают жизненно важным интересам США, посредством решающего влияния на систему принятия ими решений. Последнее достигается посредством заслуживающих доверия угроз лишить выгоды или наложить чрезмерные затраты на применение противником силы, в то же время поощряя его сдержанность путем убеждения, что это приведет к приемлемому результату»²⁴.

Исторически сложилось так, что ССО не рассматривались как силы сдерживания отчасти потому, что сдерживание воспринималось как механизм, призванный предотвратить ядерное столкновение. Однако на данной стадии концепция сдерживания в США по крайней мере на уровне теории дополняется, поскольку американским вооруженным силам предстоит работать в совершенно новых условиях, требующих гибкости и способности быстро менять свои концепции. В этой связи ССО США будут использоваться в качестве механизма неядерного сдерживания конкурентов Вашингтона в глобальном масштабе.

²⁴ Deterrence Operations Joint Operating Concept, 2006. P. 8. URL: https://www.bits.de/NRANEU/docs/joc_deterrence.pdf (дата обращения 22.01.2025).

Сегодня подразделения ССО США на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Восточной Европе проводят работу по созданию достаточного военного потенциала у своих союзников, для того чтобы удерживать третьи страны от возможного нападения. Благодаря таким видам деятельности ССО США, как сотрудничество в сфере обеспечения безопасности иностранных государств, совместным программам по борьбе с наркотрафиком, а также другим интегрированным мероприятиям, вооруженные силы США создают условия, которые, по их мнению, оказывают сдерживающее воздействие на геополитических соперников Соединенных Штатов в том или ином регионе.

Данные программы включают в себя поставки союзникам США вооружений и обеспечение обучения по его использованию. Вместе с тем американские ССО готовят армии наиболее уязвимых к нападению стран к ведению нетрадиционных боевых действий на занятой противником территории. По понятным причинам большая часть данной программы засекречена, однако не будет далеким от истины предположить, что такая подготовка включает в себя проведение диверсионных мероприятий, организацию засад, минно-подрывное дело, навыки выживания и т. д.

Следующим важным элементом сдерживания является готовность применения силы для защиты своих интересов. Государства – потенциальные агрессоры, по мнению США, должны быть уверены в том, что в случае нападения на их союзников, они гарантированно столкнутся с сопротивлением, что сделает возможные выгоды незначительными, а то и вовсе недостижимыми. Одной из важнейших функций ССО является нанесение противнику как можно большего ущерба. Сегодня глобальные операции ССО, проводимые в одностороннем порядке или с участием сил партнеров, призваны укрепить веру соперников США в готовности Вашингтона применять силу в целях обеспечения своей безопасности. Проведение совместных учений, специальных операций, основанных на сценариях, которые включают крупномасштабные боевые действия на суше, на море и в воздухе, являются публичными демонстрациями интеграции между обычными силами и ССО. Международные учения под руководством США предназначены для подготовки как боевых, так и небоевых элементов поддержки для проведения мероприятий, переходящих от обычных операций в полномасштабные боевые действия, в том числе и с применением неконвенционального оружия. Данные мероприятия должны отработать алгоритмы взаимодействия различных элементов международной боевой мощи США и внушить соперникам уверенность в готовности Вашингтона прибегнуть к силе. В рамках таких

учений ССО часто демонстрируют переход от обычных учебных мероприятий к боевым операциям в форме внутренней обороны иностранных государств, операций по борьбе с повстанцами или поддержания сил безопасности.

Таким образом, постоянное передовое присутствие ССО США является дополнительным фактором сдерживания конкурентов. Операции по оказанию помощи силам безопасности союзников США повышают доверие к партнерским и союзным мероприятиям по сдерживанию. Эта программа позволяет менее боеспособным или менее развитым вооруженным силам союзников получить доступ к передовому опыту и новейшим вооружениям. Вместе с тем эти миссии объединяют силы ССО США с подразделениями сил иностранных партнеров для обучения, а затем развертывания на территории третьих стран.

По мнению американских стратегов, ССО позволяют сдерживать агрессию в ситуации, когда они задействованы в качестве вспомогательных сил повышения потенциала союзников США. Несмотря на то, что некоторые программы ССО США были малоэффективными, как это было в случае с подготовкой афганской и иракской правительственных армий, в целом, они остаются эффективным инструментом повышения военного потенциала союзников.

Еще одним элементом сдерживания является наличие надежных систем коммуникации между противниками, потому что только четкое понимание возможностей противника может способствовать взаимной сдержанности. Коммуникация необходима, чтобы убедить соперников не предпринимать действий, угрожающих жизненно важным интересам США. Традиционно провозглашение красных линий, переговоры между противниками по закрытым каналам связи и подписание соглашений о контроле над вооружениями, служили средством для четкой фиксации допустимой степени применения силы. Обмен сообщениями (публичные заявления, предназначенные для прямой передачи информации о последствиях какого-либо шага, сделанного противником, или определенные действия для передачи ему сигнала о том, что его действия неприемлемы), является типичными в такого рода коммуникациях. Последнее имеет решающее значение для поддержания взаимного партнерства в области глобальной безопасности, в связи с чем США должны постоянно доказывать свою приверженность применению силы, вплоть до использования ядерного оружия, для подтверждения своей готовности защищать союзников. Открытое передовое развертывание ССО США совместно с силами союзников и партнеров в кризисных регионах и их готовность вступить

в боевые действия в видении американских стратегов, является четким сигналом конкурентам США о серьезности намерений Вашингтона. Постоянное передовое присутствие ССО, по мнению американского руководства, ограничивает угрозу, исходящую от стратегических конкурентов, за счет того, что потенциальные противники не захотят вступать в конфликт с США и при анализе своих дальнейших действий будут рассматривать возможность деэскалации. Приверженность использованию силы в случае необходимости четко доводится до сведения как союзников, так и конкурентов США.

Вместе с тем в условиях, когда основное противоборство проходит в так называемых «серых зонах», характеризующихся активными мероприятиями по дезинформации противника, развертывание ССО в зоне конфликта, способных осуществлять разведывательные действия с целью достоверного информирования правительства США, имеет неоценимое значение. Эта информация может быть использована для обмена сообщениями и сигналами для достижения решающего влияния на систему принятия решений стран-соперников США. Например, там, где оппонент может предпринять скрытые действия в попытке получить позиционное преимущество, надлежащим образом размещенные ССО США могут подорвать эти планы путем передачи достоверной информации, которая предоставит военно-политическому руководству США дополнительные варианты для принятия решения. Технологические возможности американского разведывательного сообщества (АНБ) и его союзников позволяют эффективно отслеживать и фиксировать опасные процессы в региональном и глобальном масштабе, однако они не способны отследить нематериальные факторы. Такие подразделения, как 10-я группа спецназа ССО, способны дать необходимую информацию о моральном состоянии противника и союзника, системах их управления и готовности вести боевые действия непосредственно с места событий. Оперативная работа на месте боевых действий способна передать весь спектр взаимоотношений на поле боя, что является необходимым условием для успешного планирования операций и достижения положительного результата.

Следовательно наличие групп ССО в кризисном регионе способно транслировать заслуживающую доверия коммуникацию, которая «позволяет навязать противнику торг, сдержать, а затем и принудить его отказаться от своих агрессивных планов» [Шеллинг 2007, с. 73]. Интеграция элемента ССО во внешнеполитический арсенал сдерживания дает еще один способ сообщить о намерениях Соединенных Штатов. В этом ключе ССО могут передавать сооб-

щения командующим соперничающих вооруженных сил, которые нелегко или нецелесообразно транслировать через обычное военное руководство или дипломатические каналы, о том, что намерения США серьезны.

Заключение

Таким образом, США попытаются сохранить свое стратегическое преимущество за счет укрепления институциональных или программных отношений между партнерами и союзниками. ССО стран-партнеров, обученные Соединенными Штатами, будут ориентированы справляться с кризисами, будь то нападения со стороны нерегулярных структур или противоборство с регулярными вооруженными силами. Существующая практика показывает, что использование ССО США становится эффективнее в ситуации, когда партнерские структуры имеют необходимое стандартизированное оборудование и прошли соответствующую подготовку. В то время как бойцы ССО США делятся с союзниками передовым опытом в области нетрадиционной войны, поставка новейшей военной техники партнерам дает их вооруженным силам дополнительные инструменты для сдерживания. Последнее требует сложного взаимодействия между представителями ССО, ЦРУ, военных атташе, работающих в той или иной дружественной стране.

Наряду с этим стратегия применения ССО в противодействии с конкурирующими державами по всей видимости будет основываться на понимании того, что подготовка персонала ССО занимает многие месяцы и даже годы. По этой причине формирование подразделений специального назначения является затратным и трудоемким процессом. Последнее значит, что ССО не могут создаваться быстро и в массовом порядке, что справедливо и по отношению к ССО союзников и партнеров США. Это означает, что инвестиции в специалистов и оборудование групп ССО, особенно в отношении страны, которая только устанавливает партнерские отношения с США, требуют многолетних усилий. Исходя из этого, компетентные силы специального назначения не могут быть созданы в атмосфере разразившегося кризиса. Анализ деятельности ССО показывает, что они действуют наиболее эффективно в случае, если их подготовка была проведена заблаговременно. Так, вооруженные силы Ливана сумели разгромить сети террористов в стране, а долголетнее взаимодействие ССО США с армиями Колумбии, Сальвадора и Таиланда позволяет им достаточно эффективно противостоять наркокартелям. Напротив, результативность взаимодействия американских

ССО с партнерскими силами падает в случае, если оно было установлено стихийно уже после начала конфликта. В частности, усилия американских специалистов по поддержке сил безопасности в Ираке, Афганистане и Йемене, а также на Украине не увенчались успехом. Специальные подразделения афганской национальной армии не сумели оказать серьезного сопротивления талибам, как и аналогичные службы иракской армии не справились с вызовом в лице ИГИЛ*. Украинские ССО не оказали значительного влияния на действия российских вооруженных сил.

Тем самым эффективная и устойчивая стратегия применения ССО в вопросе сдерживания конкурирующих держав предусматривает их своевременное развертывание в кризисном регионе, чтобы они обладали достаточным временем для налаживания условий функционирования механизма сдерживания (подготовку прокси сил, поддержку партнеров, ведение информационных операций и др.)

ССО в целом наиболее эффективны со стратегической точки зрения, когда они используются в длительной кампании для повышения эффективности действий основных сил, участвующих в конфликте. В традиционных войнах ССО при правильном их использовании улучшали характеристики обычных сил, повышая стратегическую эффективность. Например, во время Второй мировой войны специальные операции союзников, проводимые военными и военизированными формированиями лояльных сил в тылу врага, сыграли важную роль в подрыве обороны немцев.

В современных нерегулярных конфликтах американцы попытаются использовать свою систему ССО для повышения эффективности дружественных военных сил, прокси-сил и органов безопасности в вопросах сдерживания. Их привлечение будет способствовать стратегии истощения противника, улучшая действия союзных сил и организаций, чтобы подорвать боевую мощь соперника и его волю к сопротивлению.

Литература

- Евсеев 2019 – *Евсеев А.С.* США и курды: взаимоотношения в ходе гражданской войны в Сирии // *Россия и Америка в XXI веке.* 2019. № 1. С. 17–18.
- Полегаев, Алферов 2015 – *Полегаев В.И., Алферов В.В.* О неядерном сдерживании, его роли и месте в системе стратегического сдерживания // *Военная мысль.* 2015. № 7. С. 3–10.
- Шеллинг 2007 – *Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. 373 с.
- Robinson 2018 – *Robinson L. et al.* Modern political warfare: Current practices and possible responses. Santa Monica, CA: RAND*, 2018. 354 p.

References

- Evseenko, A.S. (2019), "The United States and the Kurds: the relationship during the Syrian civil war", *Rossiia i Amerika v XXI veke*, no. 1, pp. 17–18.
- Polegaev, V.I. and Alferov, V.V. (2015), "On non-nuclear deterrence, its role and place in the system of strategic deterrence", *Voennaya mysl'*, no. 7, pp. 3–10.
- Robinson, L. et al. (2018), *Modern political warfare: current practices and possible responses*, RAND*, Santa Monica, USA.
- Schelling, T. (2007), *Strategiya konflikta* [The strategy of conflict], IRISEN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Демокрит М. Заманпулов, кандидат исторических наук, Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН), Москва, Россия; 123995, Россия, Москва, Хлебный пер., д. 2/3; dz750@mail.ru

Information about the author

Demokrit M. Zamanpuloz, Cand. of Sci. (History), Institute for US and Canadian Studies, Moscow, Russia; 2/3, Khlebny Lane, Moscow, Russia, 123995; dz750@mail.ru

Влияние консюмеризма на политику фашистской Италии

Елена Н. Якутина

*Московский гуманитарный университет,
Москва, Россия, yakutinaelena@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется соотношение между фашистской политикой и нарастающим процессом консьюмеризации общества в период между двумя войнами в Италии. Рассматривается конфликт целей режима с его акцентом на мужественности, воинственности и самопожертвовании и миром потребления, ориентированном на комфорт, удовольствие и феминизацию рекламы. Государство активно участвовало в модернизации, где задержка с предоставлением избирательного права привела к гражданской войне, диктатуре и иностранной оккупации, и где со стороны режима была предпринята попытка воспитания нового итальянца, провозгласившая свою приверженность преобразованию сознания, ценностей и характера жителей страны. Произошла сакрализация некоторых политических институтов, которая стала смыкаться с культом потребления, возникла тенденция к коммерциализации социально-политической религии. В период элитарного консьюмеризма межвоенного периода были заложены основы рекламной индустрии, сформированы новые потребительские практики и ценности, которые позже стали неотъемлемой частью итальянского образа жизни. Рекламные изображения являются свидетельством того, что фашизм и интересы промышленности не всегда, но часто совпадали. В рамках анализа коммуникации, образных инноваций и образа жизни в фашистской Италии данные в статье дают представление о вневременной ценности и не всегда очевидной несвязности рекламы с диктатурой режима.

Ключевые слова: итальянский фашизм, история рекламы, политическая пропаганда

Для цитирования: Якутина Е.Н. Влияние консюмеризма на политику фашистской Италии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 132–146. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-132-146

Influence of consumerism on the policy of Fascist Italy

Elena N. Yakutina

*Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia,
yakutinaelena@gmail.com*

Abstract. The article explores the relationship between the fascist policy and the growing process of society consumerization in the period between the two wars in Italy. The paper examines the conflict between the aims of the regime that focused on masculinity, militancy and self-sacrifice, and the consumer world concentrated on comfort, pleasure and the feminization of advertising. The state actively contributed to the development of modernization, where the delay in granting suffrage led to a civil war, dictatorship and foreign occupation, and where there was an attempt on the part of the regime, that had proclaimed its commitment to transform the consciousness, values and character of the country's citizens, to raise a new Italian. There also was a sacralization of some political institutions, and that sacralization started being intertwined with the cult of consumption. Besides, there emerged the trend towards the commercialization of the socio-political religion. During the elitist consumerism of the interwar period, the foundations of the advertising industry were laid and the new consumer practices and values were formed, which later became an integral part of the Italian way of life. Advertising images are evidence that fascism and the industry interests often, but not always, coincided. As part of the analysis of communication, image innovation and lifestyle in Fascist Italy, the data in the article provide insight into the extra-temporal value and the not-always-obvious unrelatedness of advertising and the dictatorial regime.

Keywords: Italian fascism, advertising history, political propaganda

For citation: Yakutina, E.N. (2025), "Influence of consumerism on the policy of Fascist Italy", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 132–146, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-132-146

Введение

История итальянского консюмеризма начинается в межвоенный период, остается малоизученной и недостаточно освещенной в итальянских исследованиях, особенно по сравнению с периодом послевоенного экономического бума. Создатели брендов и их рекламные кампании в этот период не были анонимными, художественная ценность их работ признается высокой и влиятельной в формировании массового сознания. Реклама была неотъемлемой

частью коммерческой культуры того времени, и сегодня она приобретает почти этнографическую ценность, отражая социально-экономические условия и культурные ценности периода, когда массовое потребление только начинало становиться реальностью [Gundle 2008, p. 48].

Фашистская идеология пропагандировала ценности сельской жизни, простоты и самодостаточности. Потребление, с его упором на материальные блага и индивидуализм, воспринималось как угроза традиционным итальянским ценностям. Несмотря на пропаганду, потребление постепенно проникало в итальянское общество, хотя и не приобрело массового характера в силу бедности большей части населения и отсутствия массовых коммуникаций, которые придут в страну позже (радио, телевидение), равно как и в другие страны Западной Европы. Зарождалась потребительская культура, центром которой в начале периода стало растущее число крупных универмагов и кинотеатров.

Фашистский режим использовал потребление для поддержания своей власти. В рамках своего пропагандистского аппарата правительство спонсировало ярмарки, выставки и другие мероприятия, призванные продемонстрировать достижения итальянской индустрии и создать иллюзию процветания. Эти усилия были в значительной степени подкреплены военной промышленностью, а не подлинным экономическим ростом.

В период элитарного консьюмеризма межвоенного периода были заложены основы рекламной индустрии, сформированы новые потребительские практики и ценности, которые позже стали неотъемлемой частью итальянского образа жизни. Модель потребления была доступной лишь для небольшой части населения. Можно говорить о своеобразной «воображаемой вселенной» потребления того периода. Образ потребления в межвоенный период формировали рекламисты и плакатисты той эпохи, такие как Дудович, Деперо, Каппиелло, Боккасиле и другие. Художественная и влияющая ценность их рекламных произведений может быть оправдана, так как они не были органически связаны с банальностью и ограничениями образа жизни при диктатуре. Реклама и ее создатели не были полностью свободны от связи с потребительскими ценностями и подчинялись коммерческой модели существования общества того времени. В тот период реальность приобрела ярко выраженный политический оттенок под влиянием государства и политической сферы, которые активно участвовали в процессе модернизации общества.

Попытка «антропологической революции» и преобразования сознания и ценностей итальянского общества была предпринята

фашистским режимом не столько под влиянием развития промышленности и экономики, сколько исходя из идеологических соображений [Gentile 2002].

Исследователи отмечают, что существовал постоянный конфликт между целями режима с его акцентом на мужественности, воинственности и самопожертвовании и миром потребления, ориентированным на комфорт, удовольствие и женские образы в коммерческой рекламе [Falasca-Zamponi 1997; Gundle 2008]. Реклама же, в частности плакаты того времени, свидетельствует о том, что фашизм и интересы промышленности часто совпадали, хотя порой это были непростые и иногда конфликтные отношения. Реклама и средства массовой коммуникации рассматривались как инструменты формирования «нового человека» и утверждения новой системы ценностей в духе фашистской идеологии. Таким образом, в межвоенный период реклама становилась все более значимым явлением, способствующим формированию новых потребительских ценностей и стилей жизни в обществе, особенно в городской среде. При этом она развивалась под сильным влиянием государства и политических факторов и использовалась в том числе в пропагандистских целях.

Данное исследование строится на научном направлении о консенсусе, в рамках которого на материале сферы рекламы были изучены взаимоотношения итальянского фашистского режима и общества. Существует обширная литература в российской историографии о консенсусе и конформизме [Белоусов 2000; Лопухов 1977; Князева 2021; Князева 2018], среди работ итальянских авторов необходимо упомянуть Р. Де Феличе и его методологически важную работу о консенсусе [De Felice 2019].

Цель данной публикации – изучить сложные отношения между фашизмом и потреблением в рамках анализа коммуникации, образа жизни и инноваций в создании рекламных образов. Рассматриваются некоторые общие вопросы, касающиеся отношений между фашизмом и обществом. Задачей остается анализ конструкторов «транспорт», «досуг» и «тело» в коммуникациях в условиях фашизма в Италии.

Концепции фашизма и связь с коммерциализацией

Анализ отношений между фашистским государством и потреблением зависит от концепции самого фашизма. В недавней историографии 20-летнего фашистского периода большое внима-

ние уделяется сфере культуры и тоталитарным аспектам режима. Э. Джентиле подчеркивает наличие в фашизме «потребности в перманентной революции, политической власти и постоянной интенсификации контроля и вмешательства в общество, чтобы подчинить его единой партии» [Gentile 2002, p. 68]. Тоталитаризм был экспериментом, который закончился неудачей, утверждает он, но нашел широкое применение во второй половине существования режима. Работа Джентиле побудила исследователей уделять больше внимания усилиям самого режима по пониманию и формированию общества, и использовать для этого соответствующие методы.

Такой подход имеет ограничение, можно сказать, что взгляд Джентиле фокусируется в основном на специфических аспектах фашистского ритуала. С. Фаласка-Зампони предположила, что категория «сакрализации политики», которую Джентиле использовал для объяснения своей интерпретации фашизма как «политической религии» [Gentile 1994; Gentile 2001] не в полной мере учитывает «специфические характеристики итальянского фашизма и особого качества эстетизации политики, которую практиковали Муссолини и возглавляемый им режим» [Falasca-Zamponi 1997]. Развивая идею Джентиле о фашизме как тоталитарном режиме, она уделяет особое внимание тому аспекту, которым пренебрегал римский историк, а именно конфликту режима с культурой потребления. Для Фаласка-Зампони «тоталитарный дух» фашизма нашел свое выражение в его приверженности к борьбе с негативными аспектами потребления и в акценте на индивидуализме и материализме. Фашисты боялись умножения желаний и соблазнов, сопровождающих потребление, и отвечали на это ограничением материалистических ориентаций и акцентом на социальном, а не на индивидуальном. Так называемое «фашистское зрелище» было своего рода параллельной вселенной ритуалов и символов, призванных заменить идею «экономического счастья» духовной фашизацией коллективного типа.

Фаласка-Зампони подчеркивает факты, как фашизм оспаривал потребление и одновременно находился под его влиянием [Falasca-Zamponi 1997, pp. 126–128]. С. Гандл спорит с данной концепцией и видит проблему в том, что из-за привязанности к тоталитарной модели исследовательнице не удается построить целостную модель сложных отношений между фашизмом и потреблением: «Для режима, который выступал против потребления не только в материальном смысле, но и как болезни тела – понимаемого как место желания, – высокая видимость визуальных товаров вызывает недоумение» [Falasca-Zamponi 1997, p. 144].

А. Литтлтон в своей работе заявил, что «фашизм оставил значительные области итальянской жизни практически нетронутыми»

[Lyttelton 1987, p. 1]. В более позднее время Р. Босворт, Д. Форгас, С. Гандл также подвергли сомнению тоталитарную модель [Bosworth 2005; Forgas 2007]. С. Гандл рассматривает степень и способы влияния консюмеризма на фашизм, учитывая уровень экономического развития Италии. Режим сделал попытки интеграции населения в целом в национальный проект, взяв на вооружение некоторые из новых коммуникационных технологий и поддержал коммерческие инициативы в своих целях. Таким образом, фашизм преуспел в повышении осведомленности населения о реалиях современности и фактически внедрил ее в некоторых областях, заклеив ее своей торговой маркой. По той же причине коммерческие предприятия, поддерживавшие режим или стремившиеся к сближению с ним, согласовывали свою деятельность с целями режима.

Во второй половине XIX в. массовая политика была связана, главным образом по необходимости, с культурой зрелищ и визуального очарования для привлечения внимания и воодушевления сторонников [Gundle 2004]. Эмоции, цвета и знаменитости были более мощным оружием в арсенале консерваторов и радикалов, чем рациональные аргументы и печатное слово. Люди ждали от политических мероприятий и митингов музыки, световых эффектов и развлечения. Муссолини был заядлым последователем взглядов французского теоретика Гюстава Ле Бона и его теорий о манипулировании толпой, который подчеркивал, что лидеру важно апеллировать к эмоциям и использовать для этого образы. Язык, по его мнению, можно адаптировать к этой имиджевой политике, используя «неточные и магические термины» и фразы¹.

То, что Джентиле называет сакрализацией политики, представляется гораздо более сложным явлением, чем простое заимствование фашистами религиозных ритуалов и практик. Потребление и зрелища представляли собой мост между религией и политикой. У. Адамсон говорит, что «“религиозные” аспекты политики часто были современными и общими апроприациями потребительских реартикуляций религиозных призывов, более не эффективных в современном контексте» [Adamson 2007, pp. 8–9].

Фашизм, реклама и визуальное убеждение

Причиной этого явления стало все более активное генерирование городской современностью символов, что в итоге привело к их постоянному внедрению в социальные практики. Кроме того,

¹ *Le Bon G.* Psychologie des foules. P.: Alcan, 1895.

множество профессионалов, включая журналистов, рекламистов, декораторов, архитекторов и художников, были заняты созданием для искусственной публики потребительского ландшафта, богатого образными аспектами. Популярные газеты, реклама, выставки, кино и театр – все это было частью этого процесса. Коммерциализация вторглась в религиозную, художественную и политическую сферы, что вызвало серьезное противодействие со стороны тех, кто выступал за некую форму духовности в противовес материализму. Но были и элементы привлекательности, которые не вызывали презрения ни у самих художников, ни у политиков.

Газеты, журналы, издательское дело, универмаги, профессиональный спорт и досуг стремительно развивались, быстро росло городское население. Маринетти нашел способ использовать возможности, предоставляемые коммерциализацией. Как заметил критик У. Адамсон, «более чем кто-либо другой из интеллектуалов своего периода, Маринетти понимал, каким образом “товарная форма” перестроила человеческую идентичность и отношения между людьми» [Adamson 2007, p. 81].

Приход Муссолини к власти и рождение фашистского движения можно прочесть схожим образом. Фашизм создал себе пространство не только с помощью насилия и запугивания или эклектичных и двусмысленных призывов, но и манипулируя традиционными образами и мифами на массовом уровне [Passerini 1991, p. 5]. Коммуникация была центральным элементом. Публичный образ Муссолини был в высшей степени театральным и визуальным, до такой степени, что Малапарте заявил: «Хорошо видно, что Муссолини воспринимает себя и политиков только как кинематографических героев» [Malaparte 1999, p. 33]. Для Боттаи, одного из самых убежденных сторонников харизмы дуче в высших эшелонах власти, было вполне естественно, что политики в век масс должны использовать новые средства, предлагаемые рекламой и коммуникацией. Он писал о взаимосвязи между рекламой и пропагандой в массовом обществе в одной из дневниковых записей 1936 г.: «В массовой политике знание о лидерах можно получить только широкими мазками, средствами, способными поразить воображение и сердца миллионов. Необходимо навязать внешность, жесты, слова, с фотографическим, кинематографическим повторением. Повторять, повторять, повторять... Так же, как и в коммерческой рекламе»². Мысли Боттаи сравнивают с высказываниями Геббельса, которые были адресованы специалистам по массовой коммуни-

² Bottai G. Diario: 1935–1944 / a cura di G.B. Guerri. Milano: Rizzoli, 1982. P. 112.

кации. Боттаи демонстрирует, как фашистский и национал-социалистический режимы были на переднем крае манипулирования массами.

В 20-е и 30-е годы фашисты заимствовали идеи и приемы из коммерческой рекламы, чтобы манипулировать и управлять общественным мнением. Они также «переработали методы мобилизации, которые первоначально использовались политическими силами в XIX в., такие как воздействие на эмоции, цвета, внешние проявления, использование искусственного света» [Blanco White 1939, pp. 11–12]. В первые дни они также использовали рекламные трюки, чтобы попасть на первые страницы газет. Ф.К. Бартлетт заметил, что «фашистская пропаганда в Италии имела не только более или менее религиозный характер. Она во многом вдохновлялась сенсационными образами и оптическими эффектами, характерными для товарной культуры» [Bartlett 1940, pp. 39–40]. Культ Муссолини принимал различные формы в период правления режима. В литературе анализируется отношение прессы, в том числе иностранной, к нему как к знаменитости в 1920-е гг. [Biondi 1973], а также усилия пропагандистов режима по превращению его в божество светской религии [Gentile 1994]. При этом очень мало внимания уделяется тому, как культ стал характеристикой коммерческой культуры. Этот аспект рассматривался в основном в связи с ростом числа публикаций, посвященных отдельным аспектам биографии Муссолини. Это явление не было полностью отделено от пропагандистских усилий самого режима, хотя и не сводилось к ним полностью. Журналы и производители открыток были в числе тех, кто использовал популярность Муссолини в коммерческих целях, помещая его изображение на обложках и в бесконечной серии открыток.

В Центральном государственном архиве в Риме хранятся заявки, поданные художниками, графическими дизайнерами, фотографами, предпринимателями и другими лицами для целей коммерциализации имени или образа Муссолини. Среди запросов можно найти несколько от керамических фабрик о терракотовых бюстах и медальонах с дуче; кожаный бумажник с его изображением; крышку радиатора для автомобилей в виде профиля дуче; бокалы с Муссолини³.

Режим вторгся в центры городов со своими парадами и шоу, лозунгами и фразами; бюсты и фотографии Муссолини появились в витринах магазинов, журналы были заполнены новостями

³ ACS, Presidenza del Consiglio dei Ministri, 1937–1939, b. 20. f. 1, sotto-fascicoli vari.

о дуче. Многое из этого было срежиссировано сверху, но кое-что было просто продуктом движения, порожденного народными ожиданиями и энтузиазмом отдельных людей и компаний. Спрос на фигуры Дуче был обусловлен огромным количеством его поклонников. Все это привело к смешению и наложению политической и коммерческой культуры. Режим, нацеленный на формирование и влияние на одежду, досуг и домашнюю жизнь, неизбежно вторгался в те же сферы, в которых действовали потребительская культура и современные коммуникации. Босворт говорит о «сакрализации и коммерциализации политической жизни»⁴, которые происходили в то же самое время. П. Милза подчеркнул аспект «религиозного характера великих патриотических праздников, главным жрецом которых был Муссолини, <...> их игровой и праздничный аспект, еще один элемент, на который опирается власть для мобилизации масс и поддержания консенсуса»⁵. Фашизм стремился поразить воображение, возбудить эмоции и создать новое сознание.

Одним из основных способов достижения этой цели был анализ современных явлений и придание им характера массового движения. Среди инноваций, которые лучше всего ложились в русло такой политики, была авиация как реализация мечты о превосходстве Италии в воздухе, и которая была одним из основных инструментов пропаганды для режима. Второй трансатлантический перелет Бальбо был отмечен в плакатах, разработанных Дудовичем, Умберто Ди Лаццаро и Луиджи Мартинати, которые широко признаны одними из самых необычных плакатов, когда-либо созданных в Италии [Scudiero 2002].

Автомобильный транспорт в меньшей степени, чем авиация, предполагал технологический прогресс и дерзкий дух, поддерживаемый фашизмом. Режим активно поддерживал автомобильные гонки. В фашистской прессе появилась реклама мотоциклов «Мото Гуцци», и режим считал этот вид транспорта наиболее подходящим для местных фашистских чиновников [Pierson 1997, pp. 71–72]. Изображения дуче на мотоциклах, а также отмена всех налогов на них в 1933 г. способствовали росту их популярности. Введение прогрессивного налога на автомобили привела к выпуску более дешевых машин.

Фашизм стремился подорвать имидж автомобиля как символа статуса и вместо этого пытался связать автомобили и все другие машины с собственным проектом имперской экспансии и расши-

⁴ Bosworth R.J.B. Mussolini. L.: Arnold, 2002. P. 211.

⁵ Milza P. Mussolini. Roma: Garzanti libri, 2005. P. 599.

рения национальных прав и возможностей. Производитель автомобилей «Фиат» явно выбрал фашистские имена, включая «Балилла» (в честь фашистской организации бойскаутов) и «Ардита» (букв. – храбрец, бойцы штурмового подразделения вооруженных сил королевства Италии времен Первой мировой войны), для нескольких своих промежуточных фашистских моделей.

Досуг и потребление

В экономической сфере фашистское признание частной собственности и частной промышленности сопровождалось усилиями по содействию организации рынка и постановке целей национального развития. В некоторых областях государственное вмешательство было значительным, но в основном для того, чтобы компенсировать недостатки частного сектора. Национальные кампании в пользу таких продуктов как ланитальская шерсть, пиво и сахар, были типичны для экономики, в которой отдельные компании не были достаточно сильны, чтобы рекламировать их самостоятельно.

Красота многих плакатов того периода отражала ситуацию, в которой рациональная реклама американского типа еще не стала доминирующей. Хотя зарубежные инновации вызывали интерес и определенное подражание, такие художники, как Дудович, Бокка-силе и Сепо, оказались способны адаптироваться к меняющемуся контексту.

Фашизм умел прекрасно связывать себя с существующими событиями (яркий пример – фашистская «Бефана»⁶) и вводить новые в повседневную жизнь. В конце 1930-х гг. то же самое можно было сказать и о коммерческих организациях [Boorstin 1961]. Успех подобных инициатив показал творческую синергию современных медиа и их способность влиять на повседневную жизнь.

В середине 1930-х гг. радио и кино стали неотъемлемой частью городской жизни. Итальянская киноиндустрия, поддерживаемая режимом и пользующаяся его благосклонностью, увеличила производство. Различие кинофильмов в авторитарном и тоталитарном фашизме было очевидным. Муссолини, открывая кино-

⁶ Бефана – персонаж итальянской мифологии, приходит в крещенский сочельник, чтобы раздать детям подарки. Режим Муссолини придавал большое значение традиции, была введена так называемая «Фашистская Бефана», когда детям централизованно вручались подарки под лозунгом «Каждому ребенку игрушку, сладость и полезную вещь».

театр «Чинечитта» в 1937 г., заявил, что кино – «самое сильное оружие», но производство настоящих пропагандистских фильмов священо.

Несмотря на автаркию фашизма, в 1930-е гг. сформировалось множество новых ритуалов и практик, которые отражали способность потребительской культуры проникать в повседневную жизнь. Иностранные обычаи и практики легко приживались, поскольку они происходили из мифов и моделей современной индустриальной экономики [Paradia 2005, p. 52]. Как правило, сначала они появлялись в единичных публикациях, а затем распространялись более широко. Начиная с 1880-х гг. производители «Мартини» и «Кампари» заказывали плакаты, которые выражали гедонизм, удовольствие и праздник. Такие плакаты стали частью городского пейзажа до такой степени, что Дуче обращался к итальянцам на городских площадях, украшенных большими рекламными плакатами с «Мартини» и «Чинзано».

Фашистская политика низких зарплат, конечно, не способствовала росту индивидуального потребления. Однако, несмотря на активную полемику некоторых фашистов, в том числе Маргериты Сарфатти, против демократизации роскоши, представленной универмагами и крупномасштабной дистрибуцией, национализация практики потребления не вступала в противоречие с усилиями режима по унификации и направлению поведения итальянцев.

Выводы

Тоталитарный фашизм «превозносил организованную массу как главного героя современной жизни и фундаментальную силу тоталитарного государства», – писал Джентиле. – В этом смысле он отличался от «фашизма, <который> выставлял напоказ презрение к массе» [Gentile 2002, p. 238]. Чем больше фашизм стремился организовать и мотивировать население, тем больше он был вынужден использовать, а в некоторых случаях и конкурировать с современными средствами коммуникации и сферой досуга, которую создавали промышленные и торговые компании. В результате идеалы «организованного коллективного человека» и «солдата-гражданина» оставались в лучшем случае частичной или эпизодической реальностью. Консьюмеристская нация межвоенных лет, конечно, не была и не могла быть сдержана фашистским проектом, она была не менее автономна, чем он [Gundle 2008, p. 69]. Между пивом «Метцгер», которое убрало магическую тягу буквы «М», и «Мотта», «Мартини», которые этого не сделали, в конечном счете

не было большой разницы. «И нет причин, по которым даже самого убежденного фашиста не должен привлекать кусочек панеттоне или глоток вермута. “Фашистская революция” и “Муссолини” были в некотором смысле брендами, успешными на конкурентном рынке, даже если их привлекательность уменьшалась, когда рынок, как и политическая ситуация, менялись»⁷.

Большинство итальянцев жили в гибридном мире, состоящем из семьи, местных реалий, медиапрактик и фашизма. Тот факт, что режим стремился реформировать обычаи с навязчивой одержимостью, даже когда было очевидно, что «большинство итальянцев не желали позволять лепить себя по фашистскому образцу»⁸, не обязательно означает, что фашизм выступал против буржуазной формы современности и консюмеризма.

Литература

- Белусов 2000 – *Белусов Л.С.* Режим Муссолини и массы. М.: Изд-во МГУ, 2000. 368 с.
- Князева 2018 – *Князева С.Е.* Трудности понимания: Россия и Италия: социокультурный контекст // Вестник Европы: XXI век. 2018. Т. 50–51. Специальный номер: Италия и Ватикан. С. 191–208.
- Князева 2021 – *Князева С.Е.* Итальянский фашизм в контексте итальянской идентичности: социокультурные практики // Фашизм, неофашизм и их преступная практика: сборник статей памяти Елены Дмитриевны Строгановой. М., 2021. С. 192–201.
- Лопухов 1977 – *Лопухов Б.Р.* История фашистского режима в Италии. М.: Наука, 1977. 296 с.
- Adamson 2007 – *Adamson W.L.* Embattled avantgardes: Modernism's resistance to commodity culture in Europe. Berkely: University of California Press, 2007. 448 p.
- Bartlett 1940 – *Bartlett F.C.* Political propaganda. Cambridge: Cambridge University Press, 1940. 158 p.
- Biondi 1973 – *Biondi D.* La fabbrica del Duce. Firenze: Valecchi, 1973. 331 p.
- Blanco White 1939 – *Blanco White A.* The new propaganda. L.: Gollandcz, 1939. 383 p.
- Boorstin 1961 – *Boorstin D.* The image: a guide to pseudo-events in America. N.Y.: Atheneum, 1961. 324 p.
- Bosworth 2005 – *Bosworth R.J.B.* Mussolini's Italy : Life under the dictatorship: 1915–1945. L.: Allen Lane, 2005. 692 p.
- De Felice 2019 – *De Felice R.* Mussolini il duce. I: Gli anni del consenso 1929–1936. Torino: Einaudi, 2019. 949 p.

⁷ *Diamanti I.* Gran bazaar Mussolini // Repubblica. 2008. 26.08.

⁸ Ibid.

- Falasca-Zamponi 1997 – *Falasca-Zamponi S.* Fascist spectacle: The aesthetics of power in Mussolini's Italy. Berkeley: University of California Press, 1997. 303 p. (Studies on the history of society and culture; vol. 28)
- Forgas 2007 – *Forgas D., Gundle S.* Cultura di massa e società Italiana 1936–1954. Bologna: Il Mulino, 2007. 448 p.
- Gentile 1994 – *Gentile E.* Il culto del littorio: la sacralizzazione della politica nell'Italia fascista. Roma; Bari: Laterza, 1994. 154 p.
- Gentile 2001 – *Gentile E.* Le religioni della politica fra democrazie e totalitarismi. Roma; Bari: Laterza, 2001. 250 p.
- Gentile 2002 – *Gentile E.* L' "uomo nuovo" del fascismo. Riflessioni su un esperimento totalitario di rivoluzione antropologica // Gentile E. Fascismo: storia e interpretazione. Roma-Bari: Laterza, 2002. P. 235–264.
- Gundle 2004 – *Gundle S.* Le origini della spettacolarità nella politica di massa // Propaganda e comunicazione politica: storia e trasformazioni nell'età contemporanea / ed. by M. Ridolfi. Milano: Mondadori, 2004. P. 1–24.
- Gundle 2008 – *Gundle S.* Un Martini per il Duce: l'immaginario del consumismo nell'Italia degli anni Venti e Trenta // L'arte della pubblicità: il manifesto Italiano e le avanguardie 1920–1940 / ed. by A. Villari. Cinisello Balsamo: Silvana Editoriale, 2008. P. 46–69.
- Lyttelton 1987 – *Lyttelton A.* The seizure of power: Fascism in Italy, 1919–1929. Princeton: Princeton University Press, 1987. 556 p.
- Malaparte 1999 – *Malaparte C.* Muss. Il grande imbecille. Milano: Luni, 1999. 135 p.
- Papadia 2005 – *Papadia E.* La Rinascente. Bologna: Il Mulino, 2005. 176 p.
- Passerini 1991 – *Passerini L.* Mussolini immaginario: storia di una biografia, 1915–1939. Roma; Bari: Laterza, 1991. 290 p.
- Pierson 1997 – *Pierson M.N.* The perfect vehicle. L.: Granta, 1997. 240 p.
- Scudiero 2002 – *Scudiero M., Cirulli M., Cremoncini R.* Epic resonances, dynamic impulses and the needs of propaganda: The aviation posters, 1910–1943 // Planespotting: Italian aviation posters: 1910–1943. N.Y.: Publicity & Print Press, 2002. P. 9–10.

References

- Adamson, W.L. (2007), *Embattled avantgardes: Modernism's resistance to commodity culture in Europe*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Bartlett, F.C. (1940), *Political propaganda*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Belousov, L.S. (2000), *Rezhim Mussolini i massy* [Mussolini's regime and the populace], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Biondi, D. (1973), *La fabbrica del Duce*, Valecchi, Firenze, Italy.
- Blanco White, A. (1939), *The new propaganda*, Gollandcz, London, UK.
- Boorstin, D. (1961), *The image: a guide to pseudo-events in America*, Atheneum, New York, USA.

- Bosworth, R. (2005), *Mussolini's Italy. Life under the dictatorship: 1915–1945*, Allen Lane, London, UK.
- De Felice, R. (2019), *Mussolini il duce. I: Gli anni del consenso 1929–1936*, Einaudi, Torino, Italy.
- Falasca-Zamponi, S. (1997), *Fascist spectacle: The aesthetics of power in Mussolini's Italy*, University of California Press, Berkeley, USA. (*Studies on the history of society and culture*; vol. 28)
- Forgas, D. and Gundle, S. (2007), *Cultura di massa e societa Italyna: 1936–1954*, Il Mulino, Bologna, Italy.
- Gentile, E. (1994), *Il culto del littorio: la sacralizzazione della politica nell'Italia fascista*, Laterza, Roma, Bari, Italy.
- Gentile, E. (2001), *Le religioni della politica fra democratize e totalitarismi*, Laterza, Roma, Bari, Italy.
- Gentile, E. (2002), “L ‘uomo nuovo’ del fascismo. Riflessioni su un esperimento totalitario di rivoluzione antropologica”, in Gentile, E., *Fascismo: storia e interpretazione*, Laterza, Roma, Bari, Italy, pp. 235–264.
- Gundle, S. (2004), “Le origini della spettacolaria nella politica di massa”, in Ridolfi, M., ed., *Propaganda e comunicazione politica: storia e trasformazioni nell'eta contemporanea*, Mondadori, Milano, Italy, pp. 1–24.
- Gundle, S. (2008), “Un Martini per il Duce: l'immaginario del consumismo nell'Italy degli anni Venti e Trenta”, in Villari, A., ed., *L'arte della pubblicit : il manifesto Italyno e le avanguardie: 1920–1940*, Silvana Editoriale, Cinisello Balsamo, Italy, pp. 46–69.
- Knyazeva, S.E. (2018), “Difficulties of Understanding. Russia and Italy: Sociocultural context”, *Vestnik Evropy: XXI vek*, vol. 50–51, pp. 191–208.
- Knyazeva, S.E. (2021) “Italian Fascism in the context of Italian identity: Sociocultural practices”, in *Fashizm, neofashizm i ikh prestupnaya praktika: sbornik statei pamyati Eleny Dmitrievny Stroganovoi* [Fascism, Neo-Fascism and their criminal activities: The Elena Dmitrievna Stroganova memorial collection], Moscow, Russia, pp. 192–201.
- Lopukhov, B.R. (1977), *Istoriya fashistskogo rezhima v Italii* [History of the Fascist regime in Italy], Nauka, Moscow, USSR.
- Lyttelton, A. (1987), *The seizure of power. Fascism in Italy, 1919–1929*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Malaparte C. (1999), *Muss. Il grande imbecille*, Luni. Milano, Italy.
- Papadia, E. (2005), *La Rinascnte*, il Mulino, Bologna, Italy.
- Passerini, L. (1991), *Mussolini immaginario: storia di una biografia, 1915–1939*, Laterza, Roma, Bari, Italy.
- Pierson, M.N. (1997), *The perfect vehicle*, Granta, London, UK.
- Scudiero, M., Cirulli, M. and Cremoncini, R. (2002), “Epic resonances, dynamic impulses and the needs of propaganda: The aviation posters, 1910–1943”, in *Plane-spotting: Italian aviation posters: 1910–1943*, Publicity & Print Press, New York, USA, pp. 9–10.

Информация об авторе

Елена Н. Якутина, кандидат исторических наук, Московский гуманитарный университет, Москва, Россия; 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д. 5; yakutinaelena@gmail.com

Information about the author

Elena N. Yakutina, Cand. of Sci. (History), Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia; 5, Unosti St., Moscow, Russia, 111395; yakutinaelena@gmail.com

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 329.17(=411.16)(47+57):37.017

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-147-160

Культурная работа как инструмент воспитания участников сионистского движения в Советской России

Ирина Ю. Бережанская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rivka2806@gmail.com*

Аннотация. В рамках не затихающего палестино-израильского конфликта остро стоит так называемый еврейский вопрос как во всем мире, так и в нашей стране. Часто звучит термин «сионист» в негативном контексте. Кроме того, многие не разделяют евреев и сионистов, полагая, что это идентичные слова. Тем не менее существуют различия и нюансы при подходе к теме еврейского вопроса, а в частности культуры, традиций. В этой связи работа призвана уточнить ряд вопросов по теме и расширить ее историографию. При подготовке публикации были применены историко-генетический и историко-системный методы исследования. Новизна вопроса заключается в том, что трудов, посвященных культурной работе в сионистском движении, крайне мало, а введение в научный оборот документов, посвященных данному вопросу, расширит историографию сионистского движения. Отличительной чертой культурной работы сионистов в рамках воспитания участников движения было то, что она велась не только среди молодежи, но и среди взрослых сторонников течения. Изучение тенденций культурной работы с целью воспитания строителей будущего государства Израиль позволит вычленить основные направления этой деятельности, провести параллели между традиционным еврейским воспитанием и образованием и воспитанием и образованием в сионистской среде. Статья подготовлена на основе российских и зарубежных архивных документов, чье введение в научный оборот пополнит источниковую базу по истории сионистского движения в Советской России.

Ключевые слова: сионизм, архивные документы, культурная работа, воспитание, образование, еврейские языки, Палестина, Советская Россия

Для цитирования: Бережанская И.Ю. Культурная работа как инструмент воспитания участников сионистского движения в Советской России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 147–160. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-147-160

Cultural work as a tool for educating participants in the Zionist movement in Soviet Russia

Irina Yu. Berezhanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
rivka2806@gmail.com*

Abstract. Within the framework of the ongoing Palestinian-Israeli conflict, the so-called Jewish issue is acute both throughout the world and in Russia. The term “Zionist” is often used in a negative context. In addition, people do not distinguish between Jews and Zionists, believing that these are identical words. However, there are differences and nuances in addressing the Jewish topic, and in particular – Jewish culture and traditions. In this regard, the work is intended to clarify a number of issues on the subject and expand its historiography. When preparing the publication, historical-genetic and historical-systemic research methods were used. The novelty of the matter lies in the fact that there are very few research papers devoted to the cultural work in the Zionist movement, and the introduction into scientific circulation of the documents devoted to this issue will expand the historiography of the Zionist movement. A distinctive feature of the cultural work of the Zionists as part of the education of the participants in the movement was that it was carried out not only among young people, but also among the adult supporters of the movement. Studying the trends in the cultural work aimed at educating the builders of the future state of Israel will allow us to identify the main directions of this activity and draw parallels between a traditional Jewish upbringing and education and the upbringing and education in the Zionist environment. The article was prepared on the basis of Russian and foreign archival documents, whose introduction into scientific circulation will replenish the source base on the history of the Zionist movement in Soviet Russia.

Keywords: Zionism, archival documents, cultural work, upbringing, education, Jewish languages, Palestine, Soviet Russia

For citation: Berezhanskaya, I.Yu. (2025), “Cultural work as a tool for educating participants in the Zionist movement in Soviet Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 147–160, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-147-160

Введение

С появлением идеи сионизма, сформулированной Т. Герцлем в 1897 г., алия стала одним из основных факторов осуществления сионистских планов и идеалов. Считается, что до провозглашения Государства Израиль прошло пять потоков алии: в 1882–1903 гг. в Палестину прибыло около 25 тыс. человек, в основном, из Восточной Европы; в 1904–1914 гг. из России и Восточной Европы уехали более 40 тыс. репатриантов; в 1919–1923 гг. более 35 тыс. последователей сионистского движения переселились в Палестину из России; в 1924–1928 гг. выходцы, в основном, из Польши покинули Европу с целью начать новую жизнь в Эрец-Исраэль; в 1929–1939 гг. более 250 тыс. евреев, четверть которых бежала из нацистской Германии, переселились в Палестину. Все они внесли лепту в строительство будущего Государства Израиль: основывали первые поселения, организовывали партии, решали финансовые вопросы, строили дороги, кибуцы и мошавы, создавали мастерские и фабрики, сохраняли и приумножали традиции и культуру предков.

Профессор Гарвардского университета и специалист по идишу Рут Вайс приводит в книге «Евреи и власть» историю, как осенью 1939 г., еще до создания гетто, на одной из варшавских улиц немецкие солдаты издевались над еврейским мальчиком. Мать схватила ребенка, надела ему на голову упавшую шапочку и сказала: «Иди во двор и за а менч» [Вайс 2009, с. 7]. Впоследствии этот эпизод обсуждался Шмуэлем Цигельбоймом (Зигельбоймом)¹ и поэтом Ициком Мангером². Как утверждает Вайс, «в материнском наставлении этих людей больше всего поразило то, что она вместо упреков мучителям предупреждала ребенка, чтобы тот не стал таким, как они. ...В термине “менч” для них сосредоточилась суть еврейства; они отстаивали менчлекхайт (человечность) – приверженность человеческой порядочности и взаимоуважению. ...За а менч – это та точка, в которой двое современных евреев и следующая традиции мать все еще были частью единой культуры и могли на равных заявить, что они поддерживают “золотую цепь” еврейских ценностей, тянущуюся от Авраама через Моисея и еврейских пророков прямо к ним» [Вайс 2009, с. 8–9].

Идея сохранения культуры на протяжении времени изгнания позволила евреям сберечь традиции и передать их последующим поколениям. Основное место было уделено религии и связанным

¹ *Зигельбойм* Шмуэль Мордехай (Цигельбойм) (1895–1943), еврейский политик-социалист, один из лидеров польского Бунда.

² *Мангер* Ицик (1901–1969), еврейский поэт, автор пьес и рассказов.

с ней моделям поведения, бытовым вопросам, обычаям. Несмотря на то, что приверженцы сионистской идеи исключали религию из своих планов и программных документов, они оставались последователями и хранителями многих еврейских обычаев, борцами за самоопределение, отстаивали национальные интересы и придавали большое значение сохранению тысячелетних традиций, культурной работе и возрождению иврита.

Культурное богатство, которое необходимо было сохранить и приумножить, поистине велико. Значительной его частью стоит отметить еврейское литературное наследие. Чего только стоит фольклор, дошедший до наших дней. В 2019 г. вышел трехтомник, собравший сказки сефардов, чьи предки были изгнаны в конце XV в. с Пиренейского полуострова и обосновались в Италии, Турции, странах Северной Африки и на Балканах, сказки евреев Восточной Европы, говоривших на идише, и сказки еврейских общин в Марокко, Алжире, Сирии, Ливане, Ираке, Ливии, Египте и Йемене³. Первые стихотворные тексты, появившиеся еще в период до V в. н. э., претерпели колоссальные изменения от религиозно-синкретического характера к современному слогу, и теперь еврейская поэзия по праву заняла особое место в мировой литературе.

В настоящее время можно найти значительное число научных работ, посвященных различным аспектам еврейского культурного вопроса. Так, искусству был посвящен реферат, подготовленный М. Бубером к одному из сионистских конгрессов⁴, а также книга М. Вайнтроба⁵. Вопросы образования за прошедшие сто лет рассматриваются в работах Г.А. Бродовского⁶, М.Л. Каценельсона⁷, С.-Х. Рэдклифа [Рэдклиф 1997] и др. Исследователи обращаются и к проблемам театра, кино⁸. Многие работы посвящены фольклору,

³ См.: Еврейские народные сказки: [В 3 т.]. Екатеринбург, 2019.

⁴ Бубер М. Еврейское искусство: Реферат, читанный на V Сионистском конгрессе. Харьков, 1902. 31 с.

⁵ Вайнтроб М. К. проблеме национального творчества: Национальное творчество в искусстве. Ч. 1. Рига, 1921. 129 с.

⁶ Бродовский Г.А. Школа и национальное воспитание. Одесса, 1917. 32 с.

⁷ Каценельсон М.Л. Как изучать и преподавать еврейскую историю. СПб., 1904. 110 с.

⁸ Евреинов Н.Н. Азazel и Дионис: О происхождении сцены в связи с зачатками драмы у семитов / предисл. Б.И. Кауфмана. Л., 1924. 200 с.; Дейч А.И. Маски еврейского театра: От Гольдфадена до Грановского. М., 1927. 48 с.; Любомирский О. Михoэлс: Творческий путь народного артиста РСФСР. М.; Л., 1938. 116 с.; Файль И.Д. Жизнь еврейского театра. М.,

а также музыке⁹. Кроме того, отдельно необходимо сказать об изобразительном искусстве и архитектуре в работах исследователей¹⁰. Особое место в вопросах культурной работы сионистских организаций занимало возрождение и изучение иврита: спор между сторонниками древнееврейского языка и идиша велся не один год. Одним из ярких исследований этой темы стала монография Б. Харшава «Язык в революционное время» [Харшав 2008].

Тема сионизма неоднозначно воспринималась в нашей стране. Первые публикации о сионистской идее появились в Российской империи в начале XX в., когда пионеры движения только начинали свой путь¹¹. Впоследствии, когда сионистские партии и организации были ликвидированы в СССР, сионизм стал синонимом расизму и нацизму, а после Шестидневной войны 1967 г. Политиздат приступил к изданию пропагандистских работ, критикующих и порицающих сионистов [Иванов 1970; Евсеев 1971; Большаков 1972; Моджорян 1979; Корнеев 1982; Рокотов 1983; Ярославцев 1984; Гольденберг 1985; Дадиани 1986]. С распадом СССР исследователи и эксперты получили возможность знакомиться с архивными материалами ведомственных и государственных архивов¹², в которых отображен ряд вопросов по истории сионистского движения в России [Симонова 1999; Галили 2003].

Тем не менее отдельные работы, посвященные культурной работе последователей сионистского движения, которую они прово-

1938. 98 с.; *Гринвальд Я.Б.* Михоэлс: Краткий критико-биографический очерк (1890–1948). М., 1948. 94 с.; *Гейзер М.* Михоэлс: Жизнь и смерть. М., 1998. 384 с. См. также [Иванов 1999; Левитина 2001].

⁹ *Сабанеев Л.Л.* Еврейская национальная школа в музыке. М., 1924. 31 с.; *Береговский М.Я.* Еврейский музыкальный фольклор. Т. 1. М., 1934. 268 с. См. также [Копытова 1997; Розенблат 2000].

¹⁰ *Пастернак Л.О.* Рембрандт, его искусство и еврейство. Берлин, 1923. 79 с.; *Арватов Б.Н.* Натан Альтман. Берлин, 1924. 61 с.; *Сурис Б.* Анатолий Львович Каплан: Очерк творчества. Л., 1972. 240 с.

¹¹ *Троцкий И.* О сионизме и современном иудействе // Христианское чтение. 1903. № 5. С. 745; *Глаголев А.А.* Сионистское движение в современном еврействе и отношение этого движения к всемирно-исторической задаче библейского Израиля // Труды Киевской Духовной академии. 1905. Т. 1. № 4. С. 562; *Аквилонев Е.* О сионизме: Ответ на «Открытое письмо д-ра Гордона проф. Троицкому. СПб., 1905. 19 с.; *Пасманик Д.С.* Десятый сионистский конгресс. СПб., 1912. 59 с.; *Герцль Т.* Сионистские статьи. СПб., 1914. 192 с.

¹² Сионистские партии и организации в СССР: 1920-е гг.: В 2 кн. Кн. 2. М., 2019.

дили в целях воспитания молодежи и тех, кто собирался строить в Палестине новое еврейское государство, в историографии вопроса отсутствуют. Однако сведения о направлениях культурной работы и ее важности сохранились в документах российских, израильских и украинских архивов. В России – Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Центрального архива (ЦА) ФСБ России; на Украине – Центрального государственного архива общественных объединений Украины, Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины; в Израиле – Центрального сионистского архива, Института изучения рабочего движения им. Пинхаса Лавона, Центра исследования и документации кибуца (Яд Табенкин), архива кибуца Афиким.

Идея культурной работы в сионистских партиях и организациях

В обществе бытует мнение о единой еврейской или сионистской идее. Обывателям свойственно ставить знак равенства между евреем и сионистом. Однако в еврейской среде такого равенства не существует. Только в сионизме было несколько направлений, последователи которых спорили со своими оппонентами: религиозный, социалистический, ревизионистский, общий. При этом ортодоксы, не говоря уже о хасидах, исповедуют свой жизненный уклад, обычаи и основы культуры, отличные от традиций нерелигиозных евреев. Даже в сказке Ицхока-Лейбуша Переца «Водичка» есть отсылка к сионизму, вложенная в уста одного из героев: «Нынче все перевернулось... Ешиботники¹³ стали сионистами, забросили Гемору¹⁴, безобразничают... “Немцы”¹⁵ стали сионистами, кинулись обратно в еврейство... Бритые бороды и еврейство»¹⁶.

Безусловно, еврейский народ, как и большинство народов мира, ратует за сохранение культурных основ и передачу их из поколения в поколение. Однако необходимо отметить, что подход к культуре в социалистической сионистской среде, о которой пойдет речь, был особым, основанным на идеях, мечтах и каждодневных нуждах строителей будущего государства Израиль.

¹³ Ешиботники – учащиеся ешив, высших талмудических школ.

¹⁴ Гемора – часть Талмуда, в которой содержатся комментарии к Мишне, меньшей и более древней его части.

¹⁵ «Немцы» – в этом контексте – ассимилированные евреи.

¹⁶ Еврейские литературные сказки. СПб., 2021. С. 39.

Основными социалистическими сионистскими партиями и организациями в Советской России после Революции 1917 г. были: Народная фракция «Цеирей Цион», Сионистско-социалистическая партия «Цеирей Цион», Сионистская трудовая партия «Цеирей Цион», Сионистско-социалистическая федерация «Дрор», Всероссийская трудовая организация «Гехолуц» (легальный), Национальная трудовая организация «Гехолуц» (нелегальный), Организация сионистской учащейся молодежи «Геховер», Еврейский спортивный клуб «Маккаби», Скаутский сионистский союз «Гашомер Га-цоир» (классовый), Еврейский скаутский союз «Гашомер Га-цоир» (национальный), Организация сионистской учащейся молодежи «Гистадрут», Организация «Кадима», Единая всероссийская организация сионистской молодежи, Сионистско-социалистический союз молодежи «Югенд Фербанд», Еврейский союз социалистической молодежи. И все они считали культурную работу важной составляющей в воспитании членов сионистских партий.

Поскольку значительную часть указанных партий составляли молодежь и даже подростки, их образование и культурное воспитание ставились во главу угла ряда программных документов, положений либо уставов, чтобы на их основе создать систему, которая позволит вырастить и сформировать нового человека, нового еврея. Наряду с этим и взрослых приверженцев социалистического сионизма необходимо было снабдить базовыми знаниями, в том числе упор делался на изучение иврита, который в этот период претерпевал изменения в связи с тем, что древний язык приспособляли к современности, включая в него новые слова, и предлагали заменить им привычный большинству идиш.

Культурная работа «Цеирей Цион»

В скором времени после Февральской революции, 18–24 мая 1917 г. в Петрограде прошел II съезд Народной фракции «Цеирей Цион». В июле того же года его резолюции были опубликованы отдельным документом, который в настоящее время хранится в Национальной библиотеке Израиля. Рассматривая сионизм как движение всенародное и надклассовое, фракция полагала, что необходимо организовать и объединить еврейский народ, а также усилить еврейское национальное чувство и самосознание. Этих целей, по мнению руководства партии, можно было достичь при выполнении ряда требований в области общей политики, управления, социального законодательства, еврейских национально-политических требований, экономики и культурной работы. При

этом культурно-просветительские потребности еврейского народа оговариваются и в пункте, посвященном национально-политическим требованиям, и в параграфе о культурной работе, что в свою очередь подчеркивает ее важность в деятельности движения.

Особое внимание, в частности, уделено изучению иврита. Именно он должен был стать тем национальным языком, который объединит еврейство в диаспоре. Поскольку по состоянию на 1917 г. еврейское население стран Восточной Европы и Северной Америки говорило на идише, допускалось использование и этого еврейского языка в обиходе, но с оговоркой, что, хотя он также может поднимать культурный уровень сионистов, у него отсутствуют признаки национального языка, а потому стать орудием в деле строительства нацкультуры он не способен. Поэтому в принятой резолюции утверждалось, что в национальной школе языком преподавания должен стать иврит, а обучение должно начинаться с еврейской грамоты. При этом в целом в культурной работе необходимо поднимать национальное самосознания и уровень народа, нивелировать культурно-психологические различия между частями еврейства, национализировать культурную жизнь евреев в диаспоре и создавать условия для будущего культурного единства и взаимодействия между евреями в Палестине и рассеянными частями народа¹⁷.

Таким образом, в одном из первых документов, легально опубликованных в период между Февральской и Октябрьской революциями, довольно свободно и прямо говорится о целях и задачах сионистского социалистического движения в России, о проблемах, стоявших перед последователями течения, о перспективах развития организации и культурном образовании ее участников. Несмотря на то что перспективой и целью Народной фракции «Цеирей Цион» было строительство еврейского государства в Палестине, главные идеи были заложены, а начальные шаги к их реализации предприняты еще в России после Февраля 1917 г. В частности, одной из основ воспитания сиониста-социалиста становились культурная работа и образование.

Программные положения СТП о культурной работе

Похожие взгляды были отражены в программных документах Сионистской трудовой партии «Цеирей Цион» (СТП), которая

¹⁷ Сионистские партии и организации в СССР: 1920-е гг. Кн. 1. С. 140–157.

стремилась к созданию собственной территории для еврейской нации и обеспечиванию граждан, как вытекает из названия, трудовой жизнью. Все это, по мнению участников движения, должно было способствовать развитию новой личности. Однако, несмотря на то что во главу угла ставился труд, программные документы содержат и положения о культурной работе как части воспитания. Как известно, после Октября 1917 г. новая советская власть постепенно приступила к ликвидации всех партий, существовавших в России, признав их антисоветскими или контрреволюционными. Та же участь постигла и сионистские организации, из которых легальное положение было только у «Гехолуц». Тем не менее нелегальный статус не прекратил деятельности сионистов. Так, 30 апреля – 4 мая 1922 г. состоялась 3-я конференция Сионистской трудовой партии «Цеирей Цион», на которой были приняты ее основные программные положения. Документ сохранился в Центральном сионистском архиве. Среди прочего, обсуждение на конференции коснулось и культурного вопроса. Его результатом стал тезис о том, что всестороннее развитие личности, творчество которой проявляется в труде, мыслимо только в той культурно-социальной среде, которая именуется нацией¹⁸.

Поскольку организация находилась на нелегальном положении, ее участников арестовывали, деятельности препятствовали, проводить работу в полном объеме она не могла. Тем не менее в ОГА СБ Украины находится на хранении политическая сводка Волынского губотдела ГПУ УССР о деятельности сионистской организации «Цеирей Цион» на Волыни с 15 февраля по 1 марта 1923 г. В ней говорится о том, что 15 февраля состоялось заседание участников организации, на котором, в частности, обсуждалось возобновление работы в культурном отношении, чтобы иметь развитых партийных товарищей, когда сионистская работа будет легализована¹⁹.

Так, партия, целью которой изначально было трудовое воспитание сторонников движения, не отрицала важности и культурной работы на пути развития личности и строительства будущего государства.

Культурная работа и подготовка к работе на земле нелегального «Гехолуц»

Еще одной организацией, цели которой заключались в строительстве еврейского общества на трудовых началах, была партия «Гехолуц», которая образовалась осенью 1923 г. в результате

¹⁸ Там же. С. 475–477.

¹⁹ Там же. С. 488–490.

восстания меньшинства членов первоначального «Гехолуц» против коллективизма и угрозы политизации организации и концентрации власти в руках большинства. С этого момента в России действовали две организации «Гехолуц»: легальная, разделявшая социалистические взгляды, и нелегальная, сосредоточившаяся на национальных целях. Особый интерес вызывает именно деятельность нелегальной партии, поскольку она велась подпольно или полуподпольно и в результате до наших дней дошло незначительное число документов, отражавших ее работу. Тем не менее в периоды относительного затишья участники нелегального «Гехолуц» составляли и при возможности публиковали или распространяли свои программные документы. Несмотря на то, что, как уже говорилось, организация занималась подготовкой участников к жизни в Палестине и работе на земле, давала знания в области сельского хозяйства, наравне с этим она уделяла внимание и культурно-просветительской деятельности.

В Институте изучения рабочего движения им. Пинхаса Лавона и в Центральном архиве ФСБ России хранятся две копии Платформы беспартийной Национальной трудовой организации «Гехолуц», выпущенной в сентябре 1923 г. В ней, в частности, говорится, что целью культурной работы должно быть углубление национального и трудового сознания участников движения. В этой связи предлагалось изучение следующих обязательных предметов: иврита, палестиноведения, кооперации, истории профессионального и рабочего движения²⁰.

Более подробно понятие культурной работы раскрывается в протоколе пленарного заседания мерказа и Национально-трудовой организации «Гехолуц» от 25–27 мая 1924 г., который сохранился в фондах Российского государственного архива социально-политической истории. В документе неоднократно оговаривается важность культурной работы в деле воспитания сторонников сионистского движения. В частности, в отдельном параграфе указано, какие положительные результаты принесло изучение такой отрасли культуры, как палестиноведение, подчеркнута актуальность введения в обучение иврита, сказано о необходимости изучения истории самого гехолуцианского движения. В принятой к протоколу резолюции устанавливается, что культурная работа в движении не проводилась в таком объеме, как того требуют реальные нужды масс, культурный уровень которых остается весьма низким, и выносится постановление учредить культурные отделы, поставить на должную высоту прессу и палестинскую информацию, создать

²⁰ Там же. С. 977–978.

гехолуцианские культурные ценности, в первую очередь, материалы по истории, теории и практики гехолуцианизма, учебник или конспект палестиноведения, тезисы докладов по культурной работе, изыскать средства для наиболее широкой постановки культурной работы, способствовать организации библиотек, читален, наладить информационный отдел и для развития эстетического чувства издать сборник халуцианских песен²¹.

Необходимость культурной работы в нелегальном «Гехолуц» периодически обсуждалась, рассматривалась или упоминалась и в других документах организации вплоть до 1926 г. Несмотря на аресты и ссылку участников, конфискацию типографий и архивов, сторонники движения продолжали готовить членов организации к труду в Палестине и вести культурную работу. Полученные навыки были применены после 1930 г. в Эрец-Исраэль, когда сионистское движение в Советском Союзе было ликвидировано.

Заключение

Как уже было сказано, культурной и воспитательной работе с участниками сионистского движения придавалось большое значение. При этом для руководителей партий и организаций было важно не только сохранить исконно еврейские традиции, связанные с моделью поведения, мировоззрения и самоидентификации своей национальности, напомнить о том историческом, литературном и языковом наследии, которое передавалось из поколения в поколение еще в местечках черты оседлости, но и привить новые знания и навыки, которые заключались не только в умении работать на земле, но и в овладении возрождаемым ивритом, освоении палестиноведения, знакомстве с современной еврейской литературой.

В Советской России, особенно в первые послереволюционные годы, не хватало средств и возможностей обеспечить население необходимыми книгами. Такая же проблема преодолевалась и последователями сионизма, ввиду чего и они ратовали за открытие изб-читален и библиотек, где каждый желающий мог получить необходимый учебник или художественную книгу с целью саморазвития и самовоспитания.

Несмотря на то что в результате обысков и облав со стороны властей типографии изымались, сионисты, преодолевая трудности и нелегальное положение, продолжали печатать не только программные документы и воззвания, но и востребованную литературу.

²¹ Там же. С. 981–995.

Вектор, направленный на ведение культурной работы в контексте воспитания не только молодежи сионистского течения, но и взрослых участников движения, принес плоды. Будущие строители государства Израиль, в том числе вставшие в руководство страной в 1948 г., обладали тем объемом знаний, который позволял им, сохраняя еврейские традиции, вести страну в рамках современных тенденций.

Литература

- Большаков 1972 – *Большаков В.* Сионизм на службе антикоммунизма. М., 1972. 232 с.
- Вайс 2009 – *Вайс Р.* Евреи и власть. М.: Текст, 2009. 256 с. (Серия «Чейсовская коллекция»)
- Галили 2003 – *Галили З.* Советский опыт сионизма: Экспорт советской политической культуры в Палестину // *Ab Imperio*. 2003. № 4. С. 329–376.
- Гольденберг 1985 – *Гольденберг М.А.* Сионизм: лицо и маски. М., 1985. 176 с.
- Дадияни 1986 – *Дадияни Л.Я.* Критика идеологии и политики социал-сионизма. М.: Мысль, 1986. 351 с.
- Евсеев 1971 – *Евсеев Е.* Сионизм: идеология и политика. М., 1971. 112 с.
- Иванов 1999 – *Иванов Г.* Русские сезоны театра «Габима». М., 1999. 317 с.
- Иванов 1970 – *Иванов Ю.С.* Осторожно: сионизм! М.: Политическая литература, 1970. 208 с.
- Копытова 1997 – *Копытова Г.В.* Общество еврейской народной музыки в Петербурге-Петрограде. СПб., 1997. 72 с.
- Корнеев 1982 – *Корнеев Л.А.* Классовая сущность сионизма. Киев: Политиздат Украины, 1982. 263 с.
- Левитина 2001 – *Левитина В.* Еврейский вопрос и советский театр. Иерусалим, 2001. 308 с.
- Моджорян 1979 – *Моджорян Л.А.* Сионизм как форма расизма и расовой дискриминации. М.: Международные отношения, 1979. 240 с.
- Розенблат 2000 – *Розенблат В.* Искусство канторского пения. Екатеринбург, 2000. 33 с.
- Рокотов 1983 – *Рокотов С.М.* Сионизм – орудие агрессивных империалистических кругов. М., 1983. 208 с.
- Рэдклиф 1997 – *Рэдклиф С.-Х.* Тонкое равновесие: Любовь и власть в еврейском воспитании. Иерусалим, 1997. 227 с.
- Симонова 1999 – *Симонова А.В.* Сионистское движение в Советской России, 1917–1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. 249 с.
- Харшав 2008 – *Харшав Б.* Язык в революционное время. М., 2008. 477 с.
- Ярославцев 1984 – *Ярославцев И.* В чем обвиняется сионизм. М., 1984. 168 с.

References

- Bolshakov, V. (1972), *Sionizm na sluzhbe antikommunizma* [Zionism in the service of anti-communism], Moscow, USSR.
- Galili, Z. (2003), "The Soviet experience of Zionism: Exporting Soviet political culture to Palestine", *Ab Imperio*, no. 4, pp. 329–376.
- Goldenberg, M. (1985), *Sionizm: litso i maski* [Zionism: a face and masks], Moscow, USSR.
- Dadiani, L. (1986), *Kritika ideologii i politiki sotsial-sionizma* [Criticism of the ideology and politics of social Zionism], Mysl', Moscow, USSR.
- Evreinov, N. (1924), *Azazel i Dionis: O proiskhozhdenii stseny v svyazi s zachatkami dramy u semitov* [Azazel and Dionysus: On the origin of the scene in connection with the beginnings of drama among the Semites], Leningrad, USSR.
- Evseev, E. (1971), *Sionizm: ideologiya i politika* [Zionism: ideology and politics], Moscow, USSR.
- Ivanov, G. (1999), *Russkiye sezony teatra «Gabima»* [Russian seasons of the Habima Theater], Moscow, Russia.
- Ivanov, Yu.S. (1970), *Ostorozhno: sionizm!* [Beware, Zionism!], Politicheskaya literatura, Moscow, USSR.
- Kopytova, G. (1997), *Obshchestvo evreiskoi narodnoi muzyki v Peterburge-Petrograde* [Society of Jewish folk music in Saint Petersburg-Petrograd], Saint Petersburg, Russia.
- Korneev, L. (1982), *Klassovaya sushchnost' sionizma* [The class essence of Zionism], Politizdat Ukrainy, Kiev, USSR.
- Levitina, V. (2001), *Evreiskii vopros i sovetskii teatr* [The Jewish issue and the Soviet theater], Jerusalem, Israel.
- Modzhoryan, L. (1979), *Sionizm kak forma rasizma i rasovoi diskriminatsii* [Zionism as a form of racism and racial discrimination], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, USSR.
- Rokotov, S. (1983), *Sionizm – orudie agressivnykh imperialisticheskikh krugov* [Zionism is a weapon of aggressive imperialist circles], Moscow, USSR.
- Radcliffe, S.-H. (1997), *Tonkoe ravновесие: Lyubov' i vlast' v evreiskom vospitanii* [A delicate balance: Love and power in Jewish education], Jerusalem, Israel.
- Simonova, A. (1999), *Sionistskoe dvizhenie v Sovetskoj Rossii, 1917–1920-e gody* [Zionist movement in Soviet Russia, 1917–1920], Ph.D. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Kharshav, B. (2008), *Yazyk v revolyutsionnoe vremya* [Language in revolutionary times], Moscow, Russia.
- Yaroslavtsev, I. (1984), *V chem obvinyaetsya sionizm* [What Zionism is accused of], Moscow, USSR.

Информация об авторе

Ирина Ю. Бережанская, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; rivka2806@gmail.com

Information about the author

Irina Yu. Berezhanskaya, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; rivka2806@gmail.com

Правый поворот в Австрии:
дискурсивные стратегии создания
«новой нормальности»

Татьяна А. Подшибякина
*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия, tan5@bk.ru*

Роман Ю. Жиляков
*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия, rzh2@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу современного феномена роста популярности правых сил в европейских странах на примере трансформации партийной системы Австрии. Цель статьи заключается в выявлении дискурсивных механизмов, обеспечивающих реализацию правого поворота в политической жизни Австрии в 2021–2023 гг. Методологической основой анализа является концепция политических дискурсивных стратегий Рут Водак. В данном исследовании были использованы некоторые из них: контроль актуальной повестки дня и информации, контроль сообщений, авторитарное давление, «грубая вежливость», «бесстыдная нормализация». Рассмотрен ряд внутренних и внешних факторов, обеспечивших правый поворот. В центре внимания находятся когнитивные стратегии конструирования «новой нормальности», легализующие праворадикальную риторику в общественном дискурсе. Особое внимание уделено фактору неверно выстроенной коммуникации, осуществляемой правящей Австрийской народной партией, обеспечившей легализацию риторики правых популистов в качестве элемента «новой нормальности». Описаны дискурсивные стратегии, используемые Гербертом Киклем в предвыборной борьбе. Проанализированы перспективы воздействия дискурс-стратегий Австрийской партии свободы на общественное мнение. Дана оценка их эффективности и вклада в рост рейтинга правых сил как предвестника победы на парламентских выборах 2024 г. в Австрии.

Ключевые слова: правый поворот, Австрийская народная партия, Австрийская партия свободы, дискурсивные стратегии, предвыборная пропаганда, «новая нормальность»

Для цитирования: Подшибякина Т.А., Жиляков Р.Ю. Правый поворот в Австрии: дискурсивные стратегии создания «новой нормальности» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 161–170. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-161-170

The right turn in Austria: discursive strategies for creating a “new normal”

Tatiana A. Podshibyakina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, tan5@bk.ru

Roman Yu. Zhilyakov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, rzh2@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the modern phenomenon of the growing popularity of the right-wing forces in European countries using the example of the Austrian party system. The purpose of the article is to identify the discursive mechanisms that ensure the implementation of a right turn in the political life of Austria in 2021–2023. The methodological basis of the analysis is Ruth Wodak's concept of discourse, which allowed her to create a unique typology of discursive political strategies. Some of them were used in this study: control of the current agenda and information, control of messages, authoritarian pressure, “rude politeness”, “shameless normalization”. The focus is on the cognitive strategies for constructing a “new normal” – the strategies that legalize the right-wing radical rhetoric. The factors that ensured the right turn are considered, and a special attention is paid to the factor of the incorrectly structured communication of the ruling Austrian People's Party, which ensured the legalization of the right-wing populists' rhetoric as an element of the “new normal”. The discursive strategies used by Herbert Kickl in the election campaign are described. The prospects for the impact of the discourse strategies of the Austrian Freedom Party on public opinion are analyzed. An assessment is made of their effectiveness and contribution to the growth of the right-wing rating as a harbinger of victory in the 2024 parliamentary elections in Austria.

Keywords: Austrian People's Party, Freedom Party of Austria, discursive strategies, election propaganda, “new normal”

For citation: Podshibyakina, T.A. and Zhilyakov, R.Yu. (2025), “The right turn in Austria: discursive strategies for creating a ‘new normal’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 161–170, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-161-170

Введение

Для Второй Австрийской республики наметившийся «правый поворот» явление во многом тревожное, знаменующее рост влияния праворадикальных сил, всегда считавшихся идеологическими наследниками немецкого нацизма. Австрийская народная партия христианско-социальной и консервативной политической ориентации (Österreichische Volkspartei – ÖVP) с октября 2017 г. и по настоящее время справлялась с ролью сдерживания праворадикальной Австрийской партии свободы (Freiheitliche Partei Österreichs – FPÖ) в их совместном парламентском блоке. Многие задаются вопросом, в чем причина столь радикальных изменений в политической жизни Австрии? Правый поворот в общественном сознании, повлиявший на изменение расстановки сил в партийной системе, можно объяснить констелляцией трех факторов. Первый фактор – нарастание недовольства внутренней политикой австрийского правительства, связанного с миграционными процессами и проблемами украинских беженцев, второй – рост влияния правых партий за счет их наступательных мобилизационных практик, а вот третий, возможно, связан с неверно выстроенной коммуникацией правящей партии и накоплением усталости от авторитарности правящих элит.

Возрастанию интереса к лозунгам правых радикалов отчасти способствовало ухудшение имиджевых позиций партии власти. Уход Себастьяна Курца в отставку в следствие коррупционного скандала в октябре 2021 г. стал серьезным ударом по авторитету правящей консервативной Австрийской народной партии (ÖVP). Однако ядерный электорат С. Курца, среди которого можно выделить и правый сегмент, по-прежнему сохраняет к нему доверие. Резонирующими с лозунгами правых выглядят заявления действующего федерального канцлера Карла Нехаммера о том, что он не примет нелегальную миграцию в Евросоюзе.

Популярность право-популистских партий в немецкоязычных странах за последние два года практически удвоилась (табл. 1)

Таблица 1

Рост популярности правых популистов
в Германии и Австрии (в %)

	сент. 2021	дек. 2021	март 2022	июнь 2022	сент. 2022	дек. 2022	март 2023	июнь 2023	сент. 2023
AfD (ÖVP)	10,3	12	10,5	10	13	15	15,5	19,5	22
FPÖ	18,3	19,4	19,1	19,5	22	27,5	28,3	27,5	29

Источники: по AfD; по FPÖ. Погрешность при расчете усредненных цифр за месяц – 0,5%.

*Дискурсивные стратегии правящих элит,
способствующие правому повороту в Австрии*

Разобраться на теоретическом и методологическом уровне с поставленными проблемами помогает концепция дискурса Рут Водак, на основании которой ею было выделено несколько актуальных партийных стратегий [Wodak 2023]. Анализ политической деятельности бывшего канцлера Австрии С. Курца за период его предвыборной кампании и время пребывания на посту канцлера с 2017 г., проведенный Р. Водак, позволил ей предложить интересную типологию стратегического дискурса. Наиболее важными с точки зрения задач данного исследования могут рассматриваться следующие типы: контроль актуальной повестки дня и информации, контроль сообщений, авторитарное давление, «грубая вежливость», «бесстыдная нормализация» (“Shameless normalisation”). В основе лежит концепция «новой нормальности» (“new normal”), предложенная рядом авторов [Krzyżanowski 2023], суть которой в принятии длительных кризисных ситуаций как очевидно нормальных.

Из пропагандистского арсенала С. Курца особо следует выделить стратегию контроля сообщений, разработанную им и его советниками под руководством Герхарда Фляйшмана, в том числе для ограничения деятельности крайне правых. Формирование актуальной повестки дня производилось посредством вмешательства в работу средств массовой информации, обеспечивающих реализацию

стратегии распространения нужного восприятия политического курса и благоприятного имиджа власти. При помощи подконтрольных СМИ и новых медиа выстраивалась стратегия «организации и легитимации политической повестки дня», направленная также на привлечение избирателей Австрийской партии свободы.

Стратегия контроля информации не сводилась только к обычным приемам фильтрации новостей (ненужное – исключить) или ограничению доступа к получению информации у государственных служащих. С. Курцем проводилась целенаправленная работа во время организации, так называемых, «закулисных дискуссий» (*Hintergrundgespräche*) по формированию предпочтительной для правительства версии событий. Стратегия авторитарного давления, предполагающая финансирование из бюджета дружественных СМИ и наказание критически настроенных СМИ, вольно или невольно учитывая недовольство значительной части австрийского общества, включала в политический дискурс в равной степени элементы и неоконсервативной, и праворадикальной идеологии. Это проявлялось в назначении мигрантов и беженцев виновными в появлении экономических и социально-политических проблем в обществе. Таким образом делался еще один шаг в направлении создания «новой нормальности» через легитимацию нарратива праворадикалов.

Стратегия создания «новой нормальности» заключается в превращении в политический мейнстрим программных лозунгов крайне правых, ранее повсеместно запрещенных. С. Курц стратегически размыл границы между крайне правой популистской риторикой и традиционными консервативными ценностями, тем самым нормализовав крайне правую политику в области миграции и прав человека и усилив поляризацию политической среды. Р. Водак относит нормализацию к «грубым, или бесстыдным дискурсивным и материальным практикам» крайне правого дискурса [Wodak 2020, p. 6].

Провокационный стиль правых, тиражируемый средствами массовой информации, также становится частью политической реальности. Суть стратегии «грубая вежливость» [Wodak 2023, p. 483] можно объяснить с помощью одноименной теории «грубой вежливости» (*coarse civility*) Вильгельма Хайтмейера [Heitmeyer 2018], согласно которой элиты могут как укреплять «фундаментальные ценности», так и способствовать их ослаблению, это достигается предложением «терминов или запоминающихся формул» [Heitmeyer 2018, p. 294], которые реконтекстуализируют формулировки, предлагая новые значения и интерпретации в данной форме дискурса [Heitmeyer 2018, p. 295], граничащие между цивилизованностью и неучтивостью.

*Дискурсивные стратегии
праворадикальной оппозиции
по созданию «новой нормальности»*

Герберт Кикль с 19 июня 2021 г. председательствует в Австрийской партии свободы (FPÖ), крупнейшей евроскептической и праворадикальной партии в Австрии. Партия под его руководством впервые в своей истории претендует на победу на предстоящих парламентских выборах 2024 г. Объективными причинами роста популярности правых являются кризисная ситуация в экономике Австрии и последствия появления крупнейшей со времен Второй мировой войны волны беженцев в Европе. Однако следует отдать должное и агрессивной практике мобилизации сторонников, проводимой Австрийской партией свободы, а также откровенно популистской пропаганде и агитации.

Проанализируем предвыборный дискурс и характерные политические приемы, используемые Гербертом Киклем в публичных выступлениях с точки зрения соотнесения с вышеназванными дискурсивными стратегиями правящей Австрийской народной партии (ÖVP): контроль актуальной повестки дня и информации, контроль сообщений, авторитарное давление, «грубая вежливость», «бесстыдная нормализация». По понятным причинам отсутствия доступа к ресурсам власти, находящаяся в подчиненном положении в политическом блоке Австрийская партия свободы (FPÖ) не может контролировать работу СМИ по распространению выгодной для себя информации, т. е. задействовать ресурс авторитетного давления. Однако в ее распоряжении приемы провокации, скандала, «грубой вежливости», а также способность навязывать собственную политическую повестку. Г. Кикль однажды употребляет термин «новая нормальность» во время выступления с критикой работы правительства перед Национальным советом в 2020 г., правда, вкладывая в это понятие свой смысл, имея ввиду ситуацию с COVID-19. Сначала он говорил о жертвах подобной политики («большая стратегия, большие слова, но все за счет маленьких людей»), которыми стало, по его мнению, большинство граждан Австрии, а в завершении он перешел к обвинениям: «правда тоже стала жертвой вашей новой нормальности»¹.

В структуру механизма формирования предпочтительной политической повестки включена манипуляция универсальной

¹ Herbert Kickl – Corona-Maßnahmen (COVID-19 Gesetz) – 15.03.2020 // YouTube. URL: <https://youtu.be/cN2lyht4up8?si=-jpo3blfwatNqf77> (дата обращения 29.03.2023).

идеологемой «справедливости», представленная в политических программах партий любой идеологической ориентации. Во время формирования правительства с ÖVP в 2017 г. Г. Кикль заявил, что его цель в политике – «сделать общество более справедливым. В этом контексте показателен слоган партии, с которым она идет на следующие парламентские выборы – “Festung Österreich” (нем. «Крепость Австрия»). Это «противоположность Австрии как магнита для убежища», – пояснил Г. Кикль в интервью “ZiB 2”². Население, по его словам, должно быть защищено от надвигающейся «гигантской миграции народов».

Стратегия создания «новой нормальности» включает элемент создания «образа политического врага»: единой партии с общей идеологией. Любимый термин Г. Кикля – «политический истеблишмент», под этим понимается совокупность всех сил, которые не согласны с его право-популистской позицией. После одного из заседаний парламента председатель «свободных» говорил о том, что другие фракции все больше сливаются в «единую партию» с «единой идеологией». Также сайт партии гласит о необходимости формировании красно-бело-красной (цвета флага Австрии) альтернативы черно-красно-зелено-розовой политической системе. Подобный дискурс демонстрирует стремление слепить общего врага из разрозненных и не менее разделенных между собой сил. В данном случае идеологические противники начинают восприниматься сторонниками FPÖ не просто как соперники на выборах, но как сознательно и корыстно объединившаяся кучка манипуляторов общественным сознанием, желающая разрушать крепость (Festung). Это должно вызвать у избирателей ассоциацию партии со средневековым рыцарем, защищающим крепость от врагов-инородцев, оживить в исторической памяти противостояние христианской Австро-Венгрии и мусульманской Османской империи, осаду Вены мусульманами.

Стратегия «грубой вежливости» традиционно используется правыми для реализации своих пропагандистских целей. Председатель партии неоднократно прибегал к крайне резким формулировкам в отношении действующего правительства. Например, неисполнение предвыборных обещаний превращается в его глазах в предательство. Не обходится риторика лидера «свободной партии» и без радикальных заявлений в адрес нынешнего главы

² Kickl im ZiB 2 – Interview. Kickl verteidigt FPÖ-Plakatspruch “Festung Österreich” // Tiroler Tageszeitung. 19.01.2023. URL: <https://www.tt.com/artikel/30843455/kickl-verteidigt-fpoe-plakatspruch-festung-oesterreich> (дата обращения 30.04.2023).

государства. Выступая перед своими сторонниками в феврале 2023 г., он сравнил Александра ван де Беллена с мумией, назвал его дряхлым стариком (*senil*) и «главной угрозой для демократии и государства»³, обвинив в пренебрежении нейтралитетом. Впрочем, его высказывание «закон должен следовать политике, а не политика следовать закону» приводит, скорее, к обратным выводам. Под сомнение ставится институциональная основа демократического государства, по сути оправдывающая в глазах своих последователей нарушение закона ради достижения политических целей, и это не может не нести прямой угрозы демократии.

Стратегия скандала была реализована через актуальный кейс российско-украинского конфликта. Г. Кикль упрекает действующее правительство в нарушении политики нейтралитета (несмотря на то, что Австрия, одна из немногих стран ЕС, полностью отказалась поставлять оружие Украине), актуализируя один из предвыборных лозунгов партии о необходимости его защиты. Во время онлайн-выступления В. Зеленского все представители партийной фракции покинули зал заседаний, оставив вместо себя таблички «Место для Мира» и «Место для Нейтралитета»⁴.

Заключение

Правый поворот в Австрии является частью масштабного процесса, развивающегося разными темпами в сразу нескольких европейских странах. Главный вопрос-интрига заключается в том, одержат ли правые Австрийской свободной партии победу на предстоящих парламентских выборах в 2024 г. В пользу такой перспективы косвенно свидетельствуют события в соседней Венгрии, триумф правых в Италии, совсем недавняя победа «Партии свободы» (PVV) во главе с Гертом Вилдерсом в ноябре 2023 г. на парламентских выборах в Нидерландах. Анализ дискурсивных стратегий правых показывает широкое использование «свободными» манипулятивного потенциала технологий контроля актуальной

³ Kickl nennt Van der Bellen “Mumie” und “senil”: Es reicht, finden alle anderen Parteien // Puls24. 23.02.2023. URL: <https://www.puls24.at/news/politik/herbert-kickl-nennt-alexander-van-der-bellen-mumie-und-senil-es-reicht-finden-oevp-gruene-spoee-und/289889> (дата обращения 05.05.2023).

⁴ Eklat in Österreich: Rechte FPÖ verlässt bei Selenskyj-Rede das Parlament // Watson. 30.03.2023. URL: <https://www.watson.ch/international/ukraine/257263938-eklat-in-oesterreich-rechte-fpoe-verlaesst-bei-selenskyj-rede-parlament> (дата обращения 05.05.2023).

повестки дня и информации, контроля сообщений, «грубой вежливости». Значительную роль в росте популярности правых сыграли стратегии конструирования «новой нормальности», осознанно или неосознанно легализующие праворадикальную риторику.

Выбранные стратегии позволили Австрийской партии свободы (FPÖ) на парламентских выборах в сентябре 2024 г. получить 28,8% голосов избирателей, опередив Народную партию (ÖVP) на 2,5% и Социал-демократическую партию (SPÖ) на 7,7%. Политическим силам, которые стремятся не допустить дальнейшего укрепления положения правых в политической системе Австрии, следует активно противодействовать «ползучей нормализации» правоэкстремистского содержания публичного дискурса. Необходимо задействовать все ресурсы для снижения ее политической эффективности, используя прежде всего открытый публичный диалог с гражданами своей страны.

Литература

- Heitmeyer 2018 – *Heitmeyer W.B.* Autoritäre Versuruchungen. Frankfurt a/M.: Suhrkamp Verlag AG, 2018. 394 S. (Signaturen der Bedrohung; Bd. 1)
- Krzyżanowski 2023 – *Krzyżanowski M. et al.* Discourses and practices of the ‘new normal’: Towards an interdisciplinary research agenda on crisis and the normalization of anti-and post-democratic action // *Journal of Language and Politics*. 2023. Vol. 22. Iss. 4. P. 415–437.
- Wodak 2020 – *Wodak R.* The politics of fear: The shameless normalization of far-right discourse. L.: SAGE Publications Ltd, 2020. 360 p.
- Wodak 2023 – *Wodak R.* Analyzing the shift to the far right: the Austrian case // *International Politics*. 2023. Vol. 60. No. 2. P. 482–491.

References

- Heitmeyer, W.B. (2018), *Autoritäre Versuchungen*, Suhrkamp Verlag AG, Frankfurt am Main, Germany. (Signaturen der Bedrohung; Bd. 1)
- Krzyżanowski, M. et al. (2023), “Discourses and practices of the ‘new normal’: Towards an interdisciplinary research agenda on crisis and the normalization of anti-and post-democratic action”, *Journal of Language and Politics*, vol. 22, iss. 4, pp. 415–437.
- Wodak, R. (2020), *The politics of fear: The shameless normalization of far-right discourse*, SAGE Publications Ltd., London, UK.
- Wodak, R. (2023), “Analyzing the shift to the far right: the Austrian case”, *International Politics*, vol. 60, no. 2, pp. 482–491.

Информация об авторах

Татьяна А. Подшибякина, доктор политических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105; tan5@bk.ru

Роман Ю. Жиляков, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105; rzh2@bk.ru

Information about the authors

Tatiana A. Podshibyakina, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; 105, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, Russia, 344006; tan5@bk.ru

Roman Yu. Zhilyakov, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; 105, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, Russia, 344006; rzh2@bk.ru

Современные проблемы консолидации
политико-правовых позиций АСЕАН и России
в свете разработки Кодекса поведения сторон
в Южно-Китайском море

Егор Р. Сигаури-Горский

*Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия, sigauri-gorskiy@iccaras.ru*

Аннотация. В исследовании анализируются современные проблемы и перспективы консолидации политико-правовых позиций АСЕАН и России в отношении территориального спора в Южно-Китайском море. На основе анализа совокупности материалов политических заявлений представителей сторон спора, международных договоров и материалов СМИ выявлено, что представители Индонезии, Филиппин и Вьетнама указывают на необходимость скорейшей выработки юридически обязательного Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, будучи единогласными в необходимости урегулирования спора в соответствии с существующими нормами международного морского права. Позиция Китая остается политически неоднозначной и амбивалентной в отношении потенциального договорного урегулирования.

Ситуация серьезно осложнена наращиванием военного присутствия США в морских пространствах Азиатско-Тихоокеанского региона и активным вовлечением последних в рассматриваемый спор в целях реализации политики «сдерживания» Китая. Для России наиболее предпочтительным представляется стратегия приверженности политике активного невмешательства, оставаясь открытой для консультативной роли посредника и потенциального медиатора спора, учитывая возможности применения инструментария научной дипломатии. Доверительное и откровенное обсуждение рисков, порождаемых нестабильностью в Южно-Китайском море, должно способствовать урегулированию спора на основе верховенства международного права.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, территориальный спор, Китай, АСЕАН, Россия, геополитика, Юго-Восточная Азия, Кодекс поведения сторон в Южно-Китайском море

Для цитирования: Сигаури-Горский Е.Р. Современные проблемы консолидации политико-правовых позиций АСЕАН и России в свете разработки Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 171–183. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-171-183

Current problems of consolidating the political and legal positions of ASEAN and Russia in the view of the development of the Code of Conduct in the South China Sea

Egor R. Sigauri-Gorskii

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia, sigauri-gorskii@iccaras.ru*

Abstract. The research deals with the current problems and prospects for consolidating the political and legal positions of ASEAN and Russia regarding the territorial dispute in the South China Sea. The analysis of the political statements by the representatives of the parties to the dispute, of the international treaties and media materials reveals that the representatives of Indonesia, Philippines and Vietnam advocate for a speedy development of a legally binding Code of Conduct, and these states are unanimous as to the necessity to resolve the dispute in accordance with the International Maritime Law. China's position remains politically ambiguous regarding the potential negotiated settlement.

The situation is complicated by the U.S. military build-up in the maritime spaces of the Asia-Pacific and by an active involvement of the countries of the region in the dispute so as to implement the “China containment” policy. For Russia, the most preferable strategy seems to be a commitment to an active non-interference policy, while remaining open to the advisory and mediating role, considering the possibilities of applying the tools of Science Diplomacy. Confidential and honest discussion of the risks posed by the instability in the South China Sea should contribute to the settlement of the dispute based on the rule of international law.

Keywords: South China Sea, territorial dispute, China, ASEAN, Russia, geopolitics, Southeast Asia, Code of Conduct in the South China Sea

For citation: Sigauri-Gorskii, E.R. (2025), “Current problems of consolidating the political and legal positions of ASEAN and Russia in the view of the development of the Code of Conduct in the South China Sea”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 171–183, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-171-183

Введение

Территориальный спор в Южно-Китайском море¹ (далее – ЮКМ) традиционно признается одним из наиболее опасных источников конфликтного потенциала в Восточноазиатском регионе [Воскресенский 2019, с. 589]. Именно международно-правовая неопределенность статуса ЮКМ, как отмечается некоторыми отечественными авторами, представляет одну из главных проблем региональной безопасности и одну из главных угроз существованию Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН), в частности [Локшин 2013, с. 19–20]. КНР, как известно, категорически отвергла вердикт Трибунала Постоянной Палаты Третейского Суда (ППТС) 2016 г., неоднократно подчеркивая, что арбитражное решение ни при каких обстоятельствах не затрагивает территориальный суверенитет, права и интересы Китая в ЮКМ². Председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что «территориальный суверенитет и морские права Китая» в морях не будут затронуты решением, объявляющим большие участки моря нейтральными международными водами или исключительными экономическими зонами других стран. В то же время Председатель подчеркнул, что Китай по-прежнему «привержен разрешению споров» со своими соседями³. Филиппины первоначально приняли решение с большим энтузиазмом, однако, когда стало

¹ Сторонами данного территориального спора выступают: Бруней-Даруссалам, Вьетнам, КНР, Малайзия, Тайвань и Филиппины. Каждая из сторон имеет свои, зачастую перекрестные территориальные притязания, как основанные на нормах современного международного права, так и на исторических источниках глубокой древности. Спорными территориями выступают две островные цепи: Парасельские острова в северо-западной части ЮКМ и архипелаг Спратли, являющий собой большую группу рифов, отмелей, атоллов и небольших островных территорий в его юго-восточной части.

² Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the award of 12 July 2016 of the Arbitral Tribunal in the South China Sea arbitration established at the request of the Republic of the Philippines // Ministry of Foreign Affairs of The People's Republic of China. 12.07.2016. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367334.html (дата обращения 03.02.2025).

³ Phillips T., Holmes O., Bowcott O. Beijing rejects tribunal's ruling in South China Sea case // The Guardian. 12.07.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/12/philippines-wins-south-china-sea-case-against-china> (дата обращения 03.02.2025).

очевидно, что КНР не собирается ни коим образом менять свою политику в ЮКМ, энтузиазм сменился раздражением и разочарованием. В 2021 г. Президент Филиппин Р. Дутерте (2016–2022), парадоксальным образом «вторя» позиции КНР, эмоционально охарактеризовал роль решения ППТС как «простой клочок бумаги, который можно выбросить в мусорную корзину»⁴. Примечательно, что такое заявление вызвало протест у филиппинского юридического сообщества. Коллектив Факультета права Филиппинского университета в Дилимане опубликовал заявление, в котором настоятельно призвал Президента Дутерте пересмотреть и переосмыслить свою риторику: «Слова обладают силой, приумноженной силой того, кто их произнес. Когда президент говорит о внешней политике, мир слушает. Заявления президента Дутерте упрощают арбитражное решение, противоречат национальной правовой позиции страны и фактически подразумевают отказ от уже присужденных прав. Арбитражное решение – это победа и гордость филиппинского народа; его место не в мусорном баке»⁵. Ныне страны АСЕАН и Китай ведут непростую переговорную работу в целях разработки нового соглашения о статусе ЮКМ, что может ознаменовать новую веху в рассматриваемом споре. В связи с изложенным представляется перспективным проведение анализа современных стратегий международно-правовой политики и общих тенденций развития политико-правовых позиций стран АСЕАН в отношении разрабатываемого Кодекса поведения сторон в ЮКМ с учетом определения позиции Российской Федерации в отношении данного спора. Особую актуальность данная тема приобретает в связи с усилением напряженности в ЮКМ и активной поддержкой государств Запада Филиппин, выступающих одним из наиболее ярых противников экспансии КНР в акваториях ЮКМ. Отдельного внимания, в частности, заслуживает инициатива создания SQUAD, представляющего собой, как отмечается, естественное развитие серии инициатив США и их союзников, в первую очередь в формате трехсторонних

⁴ 'Just a piece of paper': Duterte says he will 'throw away' Philippines' arbitral win vs China // Philstar Global. 2021. 06.05. URL: <https://www.philstar.com/headlines/2021/05/06/2096287/just-piece-paper-duterte-says-he-will-throw-away-philippines-arbitral-win-vs-china> (дата обращения 03.02.2025).

⁵ The 2016 Arbitral award is not a mere scrap of paper // University of the Philippines College of Law. 01.06.2021. URL: <https://law.upd.edu.ph/the-2016-arbitral-award-is-not-a-mere-scrap-of-paper/> (дата обращения 03.02.2025).

групп AUKUS (Австралия – Великобритания – США) и JAPHUS (Япония – Филиппины – США)⁶.

Таблица 1

Сравнение QUAD и SQUAD

Факторы	QUAD	SQUAD
Участники	Индия, США, Япония, Австралия	Филиппины, США, Япония, Австралия
Цель	Широкий спектр: Вопросы «зеленой» энергетики, устойчивости цепочек поставок, критически важные новейшие технологии (подмножества передовых технологий, признанных потенциально важными для национальной безопасности США), дипломатии в области здравоохранения	Узкий спектр: Военное сдерживание Китая в ЮКМ
Географический охват	Расширительный формат для Индо-Тихоокеанского региона (охватывает моря Южной Азии, Юго-Восточной Азии и островные государства Тихого океана)	Ограничен Южно-Китайским морем
Идейный фокус	Нетрадиционные угрозы безопасности, включая невоенные угрозы безопасности	Традиционные угрозы безопасности, включая вопросы военной безопасности

Источник: Shekhar Barthwal A. SQUAD: A silver lining for QUAD? // Modern Diplomacy. 05.01.2025. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2025/01/05/squad-a-silver-lining-for-quad/> (дата обращения 03.02.2025).

⁶ Heydarian R.J. “Squad” goals: Consolidating the new quadrilateral partnership // The Interpreter. 2024. 09.05. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/squad-goals-consolidating-new-quadrilateral-partnership> (дата обращения 03.02.2025).

*Современные проблемы консолидации
политико-правовых позиций государств АСЕАН
в отношении территориального спора в ЮКМ*

На современном этапе разрешения спора главным дипломатическим устремлением стран АСЕАН и КНР является разработка Кодекса поведения сторон в ЮКМ (далее – Кодекс). Фактически того самого Кодекса, которым более 20 лет назад должна была стать Декларация поведения сторон в ЮКМ 2002 г., его «предшественница». Современные этапы переговоров отличаются заявлениями об ускорении процессов принятия финального текста соглашения. Официальные государственные представители КНР и Индонезии подчеркивают необходимость выступать за «настоящий мультилатерализм, многосторонность и продвинутый открытый регионализм, поддерживая центральную роль АСЕАН»⁷. Важнейшей новой характеристикой документа, как нам представляется, должна быть его обязательная международно-правовая природа. Как продемонстрировала история прошлых переговоров, возврат к формату политических заявлений вместо конкретного международного соглашения, налагающего обязательства на стороны, больше не может считаться приемлемой стратегией. Представители МИД Индонезии указывают, что они не хотят, «чтобы соглашение было просто документом (где стороны) соглашаются ради согласия. Кодекс должен быть эффективным, содержательным и действенным»⁸. Тем не менее отмечается, что Пекин использует затягивание переговоров по Кодексу с целью «выиграть время» для укрепления своих позиций в ЮКМ, модернизируя свой военный потенциал, компенсируя военной присутствием США в АТР⁹. Малазийские официальные лица выражают надежду, что Кодекс будет окончательно

⁷ China to speed up consultation of COC on South China Sea // The Star. 2022. 12.07. URL: <https://www.thestar.com.my/news/nation/2022/07/12/china-to-speed-up-consultation-of-coc-on-south-china-sea> (дата обращения 03.02.2025).

⁸ Baharudin H. Code of conduct on South China Sea must be actionable, Indonesia says after China-Asean talks // The Straits Times. 22.11.2024. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/code-of-conduct-on-south-china-sea-must-be-actionable-indonesia-says-after-china-asean-talks> (дата обращения 03.02.2025).

⁹ Panda J. Code of conduct needed for South China Sea // Institute for Security & Development Policy. 2020. Sept. URL: <https://isdpr.eu/publication/code-of-conduct-needed-for-south-china-sea/> (дата обращения 03.02.2025).

доработан в период председательства Малайзии в АСЕАН в 2025 г.¹⁰ Министерство иностранных дел Брунея-Даруссалама подчеркивает, что вопросы статуса спорных морских акваторий регулируется только действующим международным морским правом, но в то же время указывает на то, что конкретные спорные вопросы должны быть урегулированы спорящими сторонами путем двусторонних консультаций¹¹, на чем, в частности, извечно настаивает КНР. Вьетнам, в свою очередь, выдвигает идею о том, что стороны должны будут обязаны произвести ратификацию Кодекса в соответствии с процедурой, предусмотренной их национальными законодательствами [Pedrozo 2021, p. 947]. Действующий президент Филиппин Б. Маркос наиболее активно продвигает идею о скорейшем завершении работы над текстом Кодекса. Маркос подчеркивает: «Мы будем и впредь призывать всех соблюдать Конвенцию 1982 г. как “конституцию океанов”. Мы должны гарантировать, что Южно-Китайское море не станет связующим звеном для вооруженных конфликтов»¹². Маркос также указал, что стороны должны «избегать господства силы и агрессивного пересмотра международного порядка»¹³.

Вопрос территориального спора в ЮКМ остается одним из наиболее острых препятствий достижения полного консенсуса в интеграционных процессах АСЕАН. Так, в 2012 г. Филиппины попытались заручиться консолидированной поддержкой партнеров по АСЕАН по поводу споров в ЮКМ. На саммите в Камбодже в июле того же года, однако, переговоры не увенчались успехом. Камбоджа решила исключить вопрос о ЮКМ из списка тем для обсуждения¹⁴. Как итог,

¹⁰ Malaysia aims to finalise South China Sea code of conduct with ASEAN in 2025 // The Sun. 2024. 11.11. URL: <https://thesun.my/malaysia-news/malaysia-aims-to-finalise-south-china-sea-code-of-conduct-with-asean-in-2025-FH13271985> (дата обращения 03.02.2025).

¹¹ Statement on the latest developments in the South China Sea // Ministry of Foreign Affairs of Brunei Darussalam. 2023. 02.09. URL: <https://www.mfa.gov.bn/Lists/Press%20Room/news.aspx?id=1067&source=https://www.mfa.gov.bn/site/home.aspx> (дата обращения 03.02.2025).

¹² Santos C. Marcos calls for early completion of South China Sea code of conduct // Republic Asia. 2023. URL: <https://republicasiamedia.com/whats-happening/marcos-calls-for-early-completion-of-south-china-sea-code-of-conduct/amp/> (дата обращения 03.02.2025).

¹³ Ibid.

¹⁴ LaRocco T. 2012 ASEAN Summit – Phnom Penh, Cambodia // Foreign Policy Association. 2012. 25.03. URL: <https://foreignpolicyblogs.com/2012/03/25/2012-asean-summit-phnom-penh-cambodia/> (дата обращения 03.02.2025).

АСЕАН впервые за свою 45-летнюю историю не смогла выступить с итоговым заявлением, ограничившись лишь приватными выражениями «понимания и сочувствия» [Локшин, Кобелев, Мазырин 2019, с. 138].

Традиционно страны АСЕАН придерживаются стратегии «хеджирования рисков», заключающейся в том, что привлечь крупные державы к сотрудничеству, поддержанию стабильности в регионе и «связать» их определенными нормами поведения, но в то же время не допуская доминирования ни одной из них, сохраняя «асеано-центричность» [Локшин 2024, с. 229]. Однако «десятка» все еще испытывает серьезные затруднения в том, чтобы принять конкретную консолидированную позицию в отношении Кодекса, ограничиваясь лишь общими заявлениями. Наиболее же непримиримые «соперники» – КНР, Филиппины и Вьетнам – зачастую оказываются в своего рода изоляции в рамках общерегиональной позиции, что, в частности, заставляет их искать поддержки у других Великих держав, прежде всего у США. Если стороны действительно хотят двигаться вперед, потребуются некоторые компромиссы по ключевым положениям и в самом переговорном процессе. Вопрос состоит не столько в том, чтобы всецело урегулировать все коллизии в притязаниях сторон одним лишь Кодексом, но скорее в том, чтобы создать некоторый исходный международно-правовой фундамент, который должен послужить основой для урегулирования наиболее общих противоречий. В то же время такие «острые вопросы» как механизм урегулирования споров в рамках Кодекса и его соответствие нормам Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. могут встретить непреодолимые возражения со стороны КНР.

Относительно успешности разработки Кодекса в качестве правового инструмента, вспомним «К вечному миру» И. Канта: «Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основа новой войны» [Мигулатев 1997, т. 1, с. 481]. Указанное не следует понимать в духе «слепого идеализма». Кодекс должен, *ad interim*, стать шагом на пути к реальному восстановлению доверия и последовательности в отношениях сторон, фундаментом которых станет верховенство права. Альтернатива отсутствия юридически обязательного Кодекса и нахождения минимального компромисса между сторонами – ситуация близкая угрозе международному миру и безопасности, что может потребовать вовлечения в разрешение

¹⁵ Устав ООН (полный текст) // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 03.02.2025).

спора Совета Безопасности в соответствии со ст. 34 Устава ООН¹⁵. Этот факт, в свою очередь, в известной степени осложняется наличием у КНР статуса постоянного члена.

Вопросы политико-правовой позиции России в отношении территориального спора в ЮКМ

Внешнюю политику России в отношении территориального спора в ЮКМ можно кратко охарактеризовать двумя тезисами, озвученными президентом В.В. Путиным во время его рабочего визита в КНР в 2016 г.: во-первых, Россия придерживается принципа невмешательства, будучи убежденной, что вмешательство любой внешней силы в этот региональный территориальный спор лишь помешает его урегулированию; во-вторых, Россия поддерживает позицию Китая о относительно решения Трибунала, так как его мнение не было услышано¹⁶. В отечественной науке международных исследований подчеркивается, что «исходя из своих государственных интересов, Россия не может позволить себе быть вовлеченной в какие-либо территориальные конфликты и споры» [Лукин 2013, с. 553]. Тем не менее следуя формулировке А.В. Иванова, российская политика в отношении территориального спора в ЮКМ должна «...обладать внутренней подвижностью, быть адекватной обстоятельствам, более того, быть способной влиять на них, в том числе путем дружественных рекомендаций на основе собственного опыта и наработок в деле культивирования атмосферы доверия и взаимопонимания между странами» [Дикарев, Лукин 2022, с. 115]. Этот тезис особенно важен в свете активного построения Россией плодотворных и дружеских дипломатических отношений как с Китаем, так и с АСЕАН.

Примечательно, что такой взвешенный подход, основанный на принципе невмешательства, можно ярко противопоставить политике США. Так, следуя рекомендациям американского дипломата и чиновника Р. Хааса, США, ввиду активного внимания России и Китая к своим «ближним окрестностям» (соответственно, европейским странам, Южно-Китайскому и Восточно-Китайскому морям), следует всемерно противодействовать применению силы и односторонним шагам, направленным на изменение территориального

¹⁶ Vladimir Putin answered Russian journalists' questions following his working visit to China to take part in the G20 Summit // President of Russia. 2016. 05.09. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/52834> (дата обращения 03.02.2025).

статус-кво, а в случае неудачи политики сдерживания реагировать на такие шаги с учетом местных политических и военных реалий [Хаас 2019, с. 206–207]. Политический курс «Поворота США в Азию», предпринятый при администрации Президента Б. Обамы, можно полагать косвенной причиной усиления «напористости» морской политики КНР [Turcsanyi 2018, p. 152], призванной обеспечить достаточно выгодное стратегическое положение в условиях геополитической конкуренции.

Заметим, что отечественной стороне следует не в последнюю очередь следует учитывать возможности научной дипломатии. О.А. Красняк подчеркивает возможности научной дипломатии для России, проводя параллели между ЮКМ и арктическим пространством, где Россия уже успешно реализует проекты в данной сфере¹⁷. Общий вектор использования средств научной дипломатии как между сторонами спора, так и между странами-претендентами и Россией может послужить весьма эффективным дополнением к основным дипломатическим усилиям сторон.

Заключение

В связи с вышеизложенным видится, что Россия должна быть открыта к обсуждению дальнейших перспектив разрешения спора и с КНР, и с государствами-претендентами АСЕАН. А.В. Лукин отмечает, что в российско-китайских отношениях требуется откровенное обсуждение российских опасений с китайским руководством [Лукин 2018, с. 381]. Опасения эти, очевидно, обусловлены рисками дальнейшей эскалации спора и окончательного оформления «антикитайского политического блока» в ЮВА, чем, вне всякого сомнения, поспешат воспользоваться США. Одновременно с этим не следует игнорировать и иных претендентов спора, и их интересы. Задача, как представляется, состоит в том, чтобы с учетом вектора политики невмешательства, «мягко» способствовать урегулированию спора на основе консенсуса и верховенства международного права. Министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркивает, что озабоченность необходимостью поддержания «ооноцентричной» системы международного правопорядка все чаще звучат в странах Глобального Юга:

¹⁷ Krasnyak O. Russia in the South China Sea: Why science diplomacy is key to the region's future // Asia & The Pacific Policy Society. 2020. 18.09. URL: <https://www.policyforum.net/russia-in-the-south-china-sea/> (дата обращения 03.02.2025).

от Восточной и Юго-Восточной Азии, арабского и в целом мусульманского мира – до Африки и Латинской Америки¹⁸. Россия, таким образом, следуя определению Главы МИД, «...будет и далее наращивать с ними плодотворное взаимодействие во имя оздоровления ситуации в мире, выстраивания межгосударственного общения на принципах подлинной многосторонности, международного права, правды и справедливости»¹⁹.

Литература

- Воскресенский 2019 – Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2019. 736 с.
- Дикарев, Лукин 2022 – Близкий сердцу далекий Восток: О Японии, Китае, Корее и не только: сборник научных и научно-популярных трудов памяти Андрея Владимировича Иванова / под ред. А.Д. Дикарева, А.В. Лукина. М.: МГИМО-Университет, 2022. 830 с.
- Локшин 2013 – *Локшин Г.М.* АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 20. С. 17–39.
- Локшин, Кобелев, Мазырин 2019 – *Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М.* Сообщество АСЕАН в современном мире. М.: Издат. дом «ФОРУМ», 2019. 296 с.
- Локшин 2024 – *Локшин Г.М.* Южно-Китайское море: поиск согласия подтверждается: Избранные труды / отв. ред. Е.В. Никулина; Ин-т Китая и современной Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2024. 271 с.
- Лукин 2018 – *Лукин А.В.* Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях): сб. статей. М.: Международные отношения, 2018. 792 с.
- Лукин 2013 – Россия и Китай: четыре века взаимодействия: История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь мир, 2013. 704 с.
- Мигولاتьев 1997 – Антология мировой политической мысли: Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция: В 5 т. Т. 1 / отв. ред. А.А. Мигولاتьев. М.: Мысль, 1997. 832 с.
- Хаас 2019 – *Хаас Р.* Мировой беспорядок. М.: АСТ, 2019. 320 с.

¹⁸ *Лавров С.В.* Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах»: Статья С.В. Лаврова для журнала «Россия в глобальной политике» // Международная жизнь. 05.05.2023. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/40212> (дата обращения 03.02.2025).

¹⁹ Там же.

- Pedrozo 2021 – *Pedrozo R.* Is a South China Sea code of conduct viable? // *International Law Studies*. 2021. Vol. 97. P. 937–955.
- Turcsanyi 2018 – *Turcsanyi R.Q.* Chinese assertiveness in the South China Sea power sources, domestic politics, and reactive foreign policy. N.Y.: Springer International Publishing, 2018. 202 p.

References

- Dikarev, A.D. and Lukin, A.V., eds. (2022), *Blizkii serdtsu dalekii Vostok: O Yaponii, Kitae, Koree i ne tol'ko: sbornik nauchnykh i nauchno-populyarnykh trudov pamyati Andrey Vladimirovicha Ivanova* [The Far East close to my heart. About Japan, China, Korea and the other: The Andrei Vladimirovich Ivanov memorial collection of scientific and popular science works], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia.
- Haass, R. (2019), *Mirovoi besporyadok* [A world in disarray], AST, Moscow, Russia.
- Lokshin, G.M. (2013), “ASEAN and the territorial disputes in the South China Sea”, *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, no. 20, pp. 17–39.
- Lokshin, G.M., Kobelev, E.V. and Mazyrin, V.M. (2019), *Soobshchestvo ASEAN v sovremennom mire* [The ASEAN community in the modern world], Izdatel'skii dom “FORUM”, Moscow, Russia.
- Lokshin, G.M. (2024), *Yuzhno-Kitaiskoe more: poisk soglasiya podtverzhdaetsya: Izbrannye trudy* [The South China Sea: The Search for Harmony Continues: Selected works], Institut Kitaya i sovremennoi Azii RAN, Moscow, Russia.
- Lukin, A.V. (2018), *Vozvyshayushchiysya Kitai i budushchee Rossii (Raboty o Kitae i rossiisko-kitaiskikh otnosheniyakh): sbornik statei* [Rising China and the future of Russia (Works on China and Russian-Chinese relations). Collected articles], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Lukin, A.V., ed. (2013), *Rossiya i Kitai: chetyre veka vzaimodeistviya: Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiisko-kitaiskikh otnoshenii* [Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects for the development of Russian-Chinese relations], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Migolat'ev, A.A., ed. (1997), *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli: Zarubezhnaya politicheskaya mysl': istoki i evolyutsiya* [An anthology of world political thought: Foreign political thought: origins and evolution], vol. 1, Mysl', Moscow, Russia.
- Pedrozo, R. (2021), “Is a South China Sea code of conduct viable?”, *International Law Studies*, vol. 97, pp. 937–955.
- Turcsanyi, R.Q. (2018), *Chinese assertiveness in the South China Sea power sources, domestic politics, and reactive foreign policy*, Springer International Publishing, New York, USA.
- Voskresenskii, A.D., ed. (2019), *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya: otsenki, diskussii, prognozy* [The development model of modern China: assessments, discussions, forecasts], Strategicheskie izyskaniya, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Egor P. Sigauri-Gorskiy, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 32; sigauri-gorskiy@iccaras.ru

Information about the author

Egor R. Sigauri-Gorskii, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; sigauri-gorskiy@iccaras.ru

УДК 93/94

DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-184-197

Политика Коминтерна в Латинской Америке в оценках современных англоязычных историков

Илья А. Суздальцев

Школа № 1381, Москва, Россия, ialoko90@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется современная англоязычная историография (с 1990-х гг. по настоящее время) политики Коммунистического интернационала в отношении латиноамериканского региона. Выбор англоязычных стран обусловлен тем, что значительное количество исследований, посвященных тактике Коминтерна в отношении Латинской Америки и деятельности его секций, публикуются именно в США, Великобритании, Канаде и Австралии. Главным образом историков интересует, в чем заключалось влияние Коминтерна на тактику латиноамериканских компартий и каков был характер этого влияния. Новизна исследования заключается в том, что, несмотря на актуальность изучения политики III Интернационала, отсутствуют публикации, в которых анализируются взгляды современных зарубежных историков на деятельность этой международной организации в Латинской Америке. Констатируется, что традиционалистский подход к анализу деятельности Коминтерна, который оформился до и во время холодной войны, по-прежнему значительно представлен в англоязычной историографии. Однако окончательное утверждение нового подхода («ревизионистского») способствовало определенному пересмотру существующих тенденций: в статье присутствуют оценки как отрицательного, так и положительного влияния Коминтерна на отдельно взятые компартии, на политическую ситуацию в стране или регионе. Принадлежность к этим направлениям достаточно условная, однако ключевые расхождения исследователей по основным вопросам, а также участие в дискуссиях и определение своим оппонентам вполне устоявшихся взглядов позволяют так или иначе определить научную направленность их работ.

Ключевые слова: историография, традиционалисты, ревизионисты, Третий период, Народный фронт, Х.К. Мариатеги

Для цитирования: Суздальцев И.А. Политика Коминтерна в Латинской Америке в оценках современных англоязычных историков // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 184–197. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-184-197

© Суздальцев И.А., 2025

The policy of the Comintern in Latin America in the assessments of contemporary English-speaking historians

Ilya A. Suzdaltsev

School no. 1381, Moscow, Russia, ialoko90@mail.ru

Abstract. The article analyzes the modern English-language historiography of the policy of the Communist International regarding the Latin American region. The choice of the English-speaking countries is due to the fact that a significant number of studies on the tactics of the Comintern in relation to Latin America and the activities of its sections have been published there. Historians are mainly interested in what influence the Comintern exerted on the tactics of the Latin American Communist Parties and what the nature of that influence was. The novelty of the study lies in the fact that, despite the relevance of studying the policies of the Third International, there have never been any publications to analyze the views of contemporary foreign historians on the activities of that international organization in Latin America. It is stated that the traditionalist approach to the analysis of the activities of the Comintern, which took shape before and during the Cold War, is still significantly represented in English-language historiography. However, with the new approach (the “revisionist” one) finally gaining ground, it contributed to a certain revision of the existing trends: the article contains the assessments of both the negative and the positive influence of the Comintern on the separately taken Communist parties, on the political situation in a country or region.

Keywords: historiography, traditionalists, revisionists, Third Period, Popular Front, José Carlos Mariátegui

For citation: Suzdaltsev, I.A. (2024), “The policy of the Comintern in Latin America in the assessments of contemporary English-speaking historians”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 184–197, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-184-197

Введение

Обзор предполагает анализ исследований ученых, являющихся гражданами англоязычных стран, опубликовавших работы на английском языке, хотя тема, безусловно, подразумевает расширение установленных нами критериев в рамках других исследований. В зарубежной историографии Коммунистического интернационала сложилось два концептуальных подхода к изучению его деятельности. Представители первого («традиционалистского») под-

черкивали централизованность III Интернационала, господство в нем лидеров РКП(б) – ВКП(б), их решающее влияние на коммунистические партийные структуры по всему миру. Им была свойственна демонизация руководителей Коминтерна, акцентировалось внимание на тотальном контроле его деятельности Москвой, включая кадровые и финансовые решения. «Традиционалистам» был брошен вызов группой молодых, в основном, американских и британских историков, отказывавшихся видеть в истории отношений коммунистических партий и Коминтерна нисходящее господство директив последнего. Вместо этого, они старались подчеркнуть автономию первых и отметить их положительный вклад в социальные процессы в своих странах; используя социальную историю, они подчеркивали созидательную деятельность партийных активистов в обществе [Суздальцев 2021, с. 18–30].

Англоязычные историки не доминируют в изучении деятельности Коминтерна в Латинской Америке. Значительное число исследований по данной проблеме принадлежит исследователям из испаноязычных стран (главным образом, непосредственно из Латинской Америки), в большом количестве присутствуют работы историков из России (А.С. Андреева, В.П. Казакова, Н.П. Калмыкова, Е.А. Ларина, Л.С. и В.Л. Хейфецев, А.А. Щелчкова, И.И. Янчука). Однако проведенный анализ показал, что изучение оценок англоязычных историков данной темы на современном этапе представляется актуальным: увидело свет несколько десятков монографий и статей, которые практически не исследовались отечественными историками.

Масштабные исследования по данной теме в англоязычной историографии стали появляться в 1950-е гг. (вероятнее всего, это было связано с началом и углублением холодной войны), в них в соответствии с господствовавшим тогда традиционалистским подходом утверждалось, что латиноамериканские коммунисты всегда действовали по указанию Коммунистического Интернационала [Alexander 1957, p. 32]; что латиноамериканские коммунистические партии служили на благо Советского Союза [Porrino 1964, p. 151], что по решению Коминтерна было организовано катастрофическое восстание в Бразилии (Ноябрьское восстание 1932 г.) [Dulles 1973, p. xvi; Dulles 1983, p. 1]. Историки-ревизионисты отмечали, что местные коммунистические партии часто участвовали в разжигании забастовок [Bourgois 1989, pp. 16–23] и социальных революций в регионе [Miller 1989, p. 13]. В 2008 г. была опубликована статья, посвященная историографии латиноамериканского коммунизма, где в основном использованы труды, опубликованные 1970–1990-е гг. [Leibner 2008, p. 3–8].

Оценки традиционалистов

В современной историографии преобладают достаточно характерные для коминтерноведения мнения о вмешательстве III Интернационала во внутренние дела коммунистических партий, а также об отсутствии у Коминтерна информированности об особенностях национальной специфики в регионе. Например, М. Бекер (Государственный университет Трумэна, США) пишет, что масштабное восстание в Сальвадоре в 1932 г., организованное коммунистами, не было поддержано III Интернационалом. Коммунистическая партия Чили, по мнению историка, в 1920–1930-е гг. представляла из себя одно из самых крупных левых движений в Латинской Америке, однако Коммунистический Интернационал никогда не признавал ее значимость, уделяя внимание маргинализированным партиям в Аргентине и Мексике, раскрывая тем самым свою стратегические и экономические интересы, которые не всегда соответствовали латиноамериканской политической реальности [Becker 1993, pp. 9, 14]. В другой работе историк все же признает, что положительный вклад Коминтерна в латиноамериканский коммунизм также имел место и заключался в том числе в организации первой конференции коммунистических партий Латинской Америки в Буэнос-Айресе с 1 по 12 июня 1929 г. [Becker 2023, p. 30].

На Кубе, по мнению Г. Тенанта (Брэдфордский университет, Великобритания), разногласия части коммунистов с политикой Коминтерна привели к основанию троцкистской группы «Оппозиционные коммунисты Кубы» (ОСС) [Tennant 1999]. Д. Спенсер (Центр исследований и исследований в области социальной антропологии, Мексика; британский историк) отмечает, что Мексика конца 1910 – начала 1920-х гг. не подходила под коминтерновскую формулу о том, что рабочий класс олицетворяет собой сегмент населения, способный повести за собой остальные трудящиеся классы, организованные в коммунистическую партию как ее авангард; а к мексиканской компартии была неприменима «большевизация», которую начали проводить в 1924 г. [Spenser 2007, p. 152; Spenser 2011, p. 146]. Дж. Бланк (Эдинбургский университет, Великобритания) пишет, что Бразильская коммунистическая партия долго была против вступления в нее Л.К. Престеса (одного из организаторов Ноябрьского восстания 1935 г. в Бразилии), он был в нее принят только после давления со стороны Коминтерна [Blanc 2023, pp. 112–115].

Э. Чинг (Университет Фурмана, США) считает, что Коммунистическая партия Сальвадора играла ограниченную роль в восстании 1932 г. это, по его мнению, произошло отчасти оттого, что

Коминтерн слабо интересовался ситуацией в Латинской Америке. К тому же, в это время партия была ослаблена из-за исключения части ее членов, а также до начала 1930-х гг. ее лидеры практически не предпринимали попыток наладить сотрудничество с крестьянами, в большинстве своем недовольными текущей политической ситуацией в стране. Однако Чинг также пишет, что Коминтерн все же интересовался ситуацией в Сальвадоре: в 1930 г. туда были отправлены три агента этой международной организации; после того, как сальвадорские коммунисты обратили внимание на деревню – периодически стали проводиться успешные забастовки на кофейных плантациях, в этот период членство в партии выросло до максимального размера – более 400 человек [Ching 1998, pp. 204, 210, 214, 219–222, 238].

М. Гонсалес (Университет Глазго, Великобритания) ставит в вину Коминтерна подталкивание восстания 1935 г. в Бразилии, закончившееся массовыми арестами; пишет, что политика Третьего периода (время реализации коминтерновской тактики «класс против класса» в 1928–1935 гг.) изолировала Коммунистическую партию Колумбии от рабочих. Даже в период Народного фронта компартии Латинской Америки не добились серьезного влияния в рабочем движении [Gonzalez 2014, pp. 255–257]. Одна из последних работ историка посвящена Х.К. Мариатеги, в том числе его борьбе с «сектантством» Коминтерна во время реализации тактики «класс против класса»¹.

К. Морган (Манчестерский университет, Великобритания) считает, что сталинизация заключалась главным образом в том, чтобы лидерами крупных партий стали авторитетные политики, сосредоточившие всю полноту власти в своих руках, но при этом, будучи лояльными к неформальному руководителю Коминтерна И.В. Сталину; в Бразилии таким человеком стал Л.К. Престес, что окончательно закрепило подчинение партии Коминтерну [Morgan 2017, pp. 4, 98].

Д. Ла Ботц (Городской университет Нью-Йорка, США) приходит к выводу о том, что Коминтерн способствовал созданию Антиимпериалистической лиги Америк (LADLA), которой в том числе удалось провести кампанию «Руки прочь от Никарагуа» и организовать единый антиимпериалистический фронт в Латинской Америке; однако начавшееся с 1928 г. подчинение коммунистических партий внешней политике Советского Союза катастрофически исказило латиноамериканский коммунизм [La Botz 2017, pp. 87, 101].

¹ Gonzalez M. In the red corner: The Marxism of José Carlos Mariátegui. Chicago: Haymarket Books, 2019. P. 2, 9.

О финансировании Коминтерном Антиимпериалистической лиги Америк пишет Э. Малер (Виргинский университет, США), также указывая, что эта организация на протяжении всего периода своего существования объединяла широкий спектр левых идеологий, стоящих на позиции антиимпериализма [Mahler 2024].

Оценки ревизионистов

В современной англоязычной историографии также представлены исследования, авторы которых подчеркивают достижения Коминтерна в Латинской Америке. Например, Р. Александер (Ратгерский университет, США), исследуя международные рабочие организации в Латинской Америке и Карибском бассейне, приходит к выводу о том, что во многом благодаря реализации тактики Народных фронтов в 1938 г. была создана Конфедерация трудящихся Латинской Америки [Alexander, Parker 2009, p. 58]. Положительным считает влияние данной тактики на компартию Кубы М. Бэйн (Абердинский университет, Великобритания): Кубинская коммунистическая партия в отличие от большинства других компартий Латинской Америки имела легальный статус, рост ее влияния привел к тому, что в 1942 г. два коммуниста вошли в правительство страны [Bain 2012, p. 7].

Дж. Зумофф (Университет Нью-Джерси-Сити, США) считает, что Коммунистическая партия Коста-Рики обладала серьезной независимостью от Коминтерна и имела политическую значимость в стране: в 1934 г. коммунистические организаторы, в том числе М. Мора и К. Фальяс, возглавили массовую забастовку работников банановой промышленности, которая сделала этих рабочих авангардом костариканского пролетариата [Zumoff 2011, pp. 219–220]. Он также пишет про независимость Коммунистической партии Панамы, которая в рамках политики Народных фронтов заключила союз с правой националистической группой *Accion Communal* [Zumoff 2017, p. 545]. При этом данные партии не выполняли директив Коминтерна касаясь негритянского вопроса, что не позволило им значительно пополнять свои ряды за счет чернокожего населения [Zumoff 2023, pp. 31–32].

Б. Карп (Австралийский национальный университет) отводит значительную роль коммунистам в Национально-освободительной войне в Никарагуа (1927–1934). Также исследователь положительно отзываясь о созданном в 1931 г. в США Карибском бюро Коминтерна для руководства и координации деятельности коммунистических партий, «красных» профсоюзов и молодежных

групп [Carr 2014, pp. 141–146]. При этом, в более ранних работах ему была свойственна критика Коминтерна и латиноамериканских коммунистов. Например, он отмечал, что в годы Третьего периода мексиканские коммунисты ошибочно разорвали связи с крестьянскими союзами [Carr 1992, p. 29]; на Кубе в 1933 г. в период масштабных забастовок на сахарных заводах коммунисты далеко не всегда оперативно реагировали на события, в том числе из-за того, что в некоторых районах они практически отсутствовали [Carr 1996, pp. 129–158]. На основании этого историк делает вывод о том, что стратегия третьего периода Коминтерна (когда не представлялось возможным создавать союзы с некоммунистическими организациями), в том числе на Кубе, была ошибочной, к тому же руководство III Интернационала получало устаревшую информацию и зачастую не было способно оперативно реагировать в моменты быстрых политических перемен [Carr 1998, p. 248].

Про положительную роль Карибского бюро в организации информационно-пропагандистской деятельности среди рабочих пишет также С. Пуджалс (Университет Пуэрто-Рико, американский историк) [Pujals 2014, pp. 258–260], О. Драчевич (Университет Западного Онтарио, Канада) [Drachewych 2019, p. 64] и Ф. Салливан (Нью-Йоркский университет, США), указывая, что благодаря этой организации компартия Кубы в 1930-е гг. провела ряд успешных кампаний против расизма и террора в отношении чернокожих [Sullivan 2023, p. 57].

М. Стивенс (Колледж графства Эссекс, США) отмечает, что местные коммунисты участвовали в антиамериканских выступлениях на Гаити в 1929 г. и в революции на Кубе в 1933 г. Хотя последствия этих событий неоднозначны, для автора важен факт того, что компартии этих стран представляли из себя в этот период серьезные массовые организации. Совместно с Коммунистической партией США (КП США), пишет историк, Коммунистическая партия Гаити участвовала в кампании по освобождению «парней из Скотсборо» (группа из девяти афроамериканских юношей, в 1931 г. представших перед судом штата Алабама по обвинению в изнасиловании), а также за освобождения лидера гаитянских коммунистов Ж. Румена. Также Стивенс считает, что Коммунистическая партия Мексики (КПМ), организовавшая протесты против президента страны П. Элиаса Кальеса в 1925 г., действовала самостоятельно, без согласования с Коминтерном, что говорит о ее значительной автономии [Stevens 2017, pp. 13, 50, 66, 73]. При этом Стивенс пишет, что Карибское бюро Коминтерна не выполняло ряд возложенных на него функций в указанных выше событиях на Кубе [Stevens 2016, p. 128–129].

Дж. Смит (Калифорнийский государственный университет, США) также упоминает про события 1933 г. на Кубе: «Федерация профсоюзов, возглавляемая Коммунистической партией, призвала к всеобщей забастовке 5 августа 1933 г. После ряда забастовок был организован национальный центральный забастовочный комитет» [Smith 2019]. Значительную роль в протестном движении Мексики он отводит компартии, отмечая, что в 1936 г. по инициативе коммунистов был создан Комитет защиты пролетариата, объединивший в том числе 19 профсоюзов нефтяников, во многом благодаря которому в 1938 г. в Мексике были национализированы все иностранные нефтяные компании. Также при участии коммунистов была создана Национальная крестьянская лига. Все это, по мнению Смита, способствовало тому, что к 1939 г. коммунистическая партия стала ведущей силой в стране [Smith 2019]. Стоит, однако, сделать уточнение: формальная инициатива по созданию Комитета защиты пролетариата принадлежала Мексиканскому профсоюзу электриков [Хейфец 2022, с. 174].

С. Уэллс (Висконсинский университет, США) пишет, что многие модернисты Латинской Америки 1920–1940-х гг. были очарованы Советским Союзом. Перу было родиной влиятельного марксистского интеллектуала Х.К. Мариатеги, оставившего после себя непревзойденный экспериментальный, антиколониальный левый журнал (Амаута, 1926–1930); выдающийся поэт-авангардист Латинской Америки Сезар Вальехо, написавший сотни страниц по проблемам искусства и политики под влиянием его недавно обретенной коммунистической идентичности и поездки в Советский Союз. Также историк упоминает чилийского поэта, лауреата Нобелевской премии П. Неруду, писателей Х. Борхеса (Аргентина) и А. Карпентьера (Куба) как деятелей культуры, внесших серьезный вклад в прославление коммунистической идеологии [Wells 2020, pp. 171–172]. Т. Вуд (Колорадский университет в Боулдере, США) считает, что посещение латиноамериканскими коммунистами Москвы, а также обучение их в Международной ленинской школе способствовали формированию информационных каналов между руководством Коминтерна и компартиями Латинской Америки, а также созданию ряда организаций, например, Американского народно-революционного альянса (APRA) [Wood 2023, pp. 81–82].

Заключение

Таким образом, отмечается значительный интерес англоязычных историков к политике Коммунистического интернационала

в Латинской Америке. Традиционалисты критикуют политику этой международной организации за слабый интерес к Латинской Америке (как, например, во время восстания в Сальвадоре), за изоляцию коммунистических партий во время реализации тактики «класс против класса»; с точки зрения ревизионистов, при участии Коминтерна были созданы организации, объединявшие партии, профсоюзы и другие группы, а также отдельных общественных деятелей левого толка Северной и Южной Америки для борьбы с американской и европейской экономической и военной экспансией (например, Антиимпериалистическая лига Америк) и т. д. В основном данные вопросы интересуют историков из США и Великобритании, но также в статье присутствуют работы ученых из Австралии и Канады.

Литература

- Суздальцев 2021 – *Суздальцев И.А.* Современная англоязычная историография Коммунистического Интернационала // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 18–30.
- Хейфец 2022 – *Хейфец В.Л.* От роста к маргинализации: компартия Мексики и профсоюзы во второй половине 1930-х гг. // Латиноамериканский исторический альманах. 2022. № 33. С. 170–205.
- Alexander 1957 – *Alexander R.* Communism in Latin America. New Brunswick: Rutgers University Press, 1957. 449 p.
- Alexander, Parker 2009 – *Alexander R., Parker E.* International labor organizations and organized labor in Latin America and the Caribbean: a history. California: Praeger, 2009. 312 p.
- Bain 2012 – *Bain M.J.* Revolution to revolution: Moscow and Havana from 1917 to 1959 // Diplomacy & Statecraft. 2012. Vol. 23. No. 1. P. 1–22.
- Becker 1993 – *Becker M.* Mariátegui and Latin American Marxist theory. Ohio: Ohio University Press, 1993. 214 p.
- Becker 2023 – The Latin American revolutionary movement: Proceedings of the First Latin American Communist Conference, June 1929 / ed. by M. Becker. Leiden: Brill, 2023. 825 p.
- Blanc 2023 – *Blanc J.* A relationship forged in exile. Luís Carlos Prestes and the Brazilian communist party, 1927–1935 // Transnational communism across the Americas / ed. by M. Becker, M. Power, T. Wood, J.A. Zumoff. Champaign: University of Illinois Press, 2023. P. 101–121.
- Bourgeois 1989 – *Bourgeois P.* Ethnicity at work: Divided labor on a Central American banana plantation. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1989. 311 p.
- Carr 1992 – *Carr B.* Marxism and communism in 20th-century Mexico. Lincoln: University of Nebraska Press, 1992. 437 p.

- Carr 1996 – *Carr B.* Mill occupation and Soviets: The mobilization of sugar workers in Cuba, 1917–1933 // *Journal of Latin American Studies*. 1996. No. 28. P. 129–158.
- Carr 1998 – *Carr B.* From Caribbean backwaters to revolutionary opportunity: Cuba's evolving relationship with the Comintern, 1925–1934 // *International communism and the Communist International: 1919–1943* / ed. by T. Rees, A. Thorpe. Manchester: Manchester University Press, 1998. P. 254–253.
- Carr 2014 – *Carr B.* Pioneering transnational solidarity in the Americas: The movement in support of Augusto C. Sandino: 1927–1934 // *Journal of Iberian and Latin American Research*. 2014. Vol. 20. No. 2. P. 141–152.
- Ching 1998 – *Ching E.* In search of the party: The Communist party, the Comintern, and the peasant rebellion of 1932 in El Salvador // *The Americas*. 1998. Vol. 55. No. 2. P. 204–239.
- Drachewych 2019 – *Drachewych O.* The Communist International, anti-imperialism and racial equality in British dominions. N.Y.: Routledge, 2019. 187 p.
- Dulles 1973 – *Dulles J.W.F.* Anarchists and communists in Brazil, 1900–1935. Austin: University of Texas Press, 1973. 603 p.
- Dulles 1983 – *Dulles J.W.F.* Brazilian communism, 1935–1945: Repression during world upheaval. Austin: University of Texas Press, 1983. 312 p.
- Gonzalez 2014 – *Gonzalez M.* Communism in Latin America // *The Oxford handbook of the history of communism* / ed. by S.A. Smith. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 253–272.
- La Botz 2017 – *La Botz D.* The Communist International, the Soviet Union, and their impact on the Latin America workers' movement // *Tensões Mundiais*. 2017. Vol. 13. No. 24. P. 67–106.
- Leibner 2008 – *Leibner G., Green J.N.* New views on the history of Latin American communism // *Latin American Perspectives*. 2008. Vol. 35. No. 2. P. 3–8.
- Mahler 2024 – *Mahler A.G.* Against Latin American regionalisms: The 1927 Brussels Congress and the Anti-Imperialist League of the Americas // *Latin American Research Review*. 2024. 7 March. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/latin-american-research-review/article/against-latin-american-regionalisms-the-1927-brussels-congress-and-the-antiimperialist-league-of-the-americas/0AA0071F6B35671BF6D1580F3144D31C> (дата обращения 15.12.2024).
- Miller 1989 – *Miller N.* Soviet relations with Latin America, 1959–1987. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 252 p.
- Morgan 2017 – *Morgan K.* International Communism and the cult of the individual. Leaders, tribunes and martyrs under Lenin and Stalin. L.: Palgrave Macmillan, 2017. 363 p.
- Poppino 1964 – *Poppino R.E.* International Communism in Latin America: A history of the movement, 1917–1963. L.: The Free Press of Glencoe, 1964. 247 p.
- Pujals 2014 – *Pujals S.* A “Soviet Caribbean”: The Comintern, New York's immigrant community, and the forging of Caribbean visions, 1931–1936 // *Russian History*. 2014. No. 41. P. 255–268.

- Smith 2019 – *Smith J.* Communism in Latin America. Vol. 2. Kindle edition, 2019. 1539 p. URL: <https://z-library.co/book/13812795> (дата обращения 15.12.2024).
- Spenser 2007 – *Spenser D.* Emissaries of the Communist International in Mexico // *American Communist History*. 2007. Vol. 6. No. 2. P. 151–170.
- Spenser 2011 – *Spenser D.* Stumbling its way through Mexico: The early years of the Communist International. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2011. 215 p.
- Stevens 2016 – *Stevens M.* Cuba and the Red International, 1934 // *Communist histories* / ed. with an introduction by V. Prashad. Vol. 1. New Delhi: LeftWord Books, 2016. P. 104–141.
- Stevens 2017 – *Stevens M.* Red International and Black Caribbean. Communists in New York City, Mexico and the West Indies, 1919–1939. L.: Pluto Press, 2017. 320 p.
- Sullivan 2023 – *Sullivan F.P.* The “Negro Question” in Cuba, 1928–1936 // *Transnational communism across the Americas* / ed. by M. Becker, M. Power, T. Wood, J.A. Zumoff. Champaign: University of Illinois Press, 2023. P. 55–78.
- Tennant 1999 – *Tennant G.* Dissident Cuban communism: Trotskyism in Cuba (1932–1965). Ph.D. Thesis, University of Bradford, 1999. URL: <https://web.archive.org/web/20050503074748/http://www.cubantrotskyism.net/PhD/chap4.html#sec41> (дата обращения 15.12.2024).
- Wells 2020 – Wells S. The panorama and the pilgrimage: Brazilian modernism, the masses, and the Soviet Union in the 1930s // *Comintern aesthetics* / ed. by A.M. Glazer, S.S. Lee. Toronto: University of Toronto Press, 2020. P. 170–198.
- Wood 2023 – *Wood T.* Semicolonials and Soviets. Latin American communists in the USSR, 1927–1936 // *Transnational communism across the Americas* / ed. by M. Becker, M. Power, T. Wood, J.A. Zumoff. Champaign: University of Illinois Press, 2023. P. 79–100.
- Zumoff 2011 – *Zumoff J.* Ojos que no ven. The Communist party, Caribbean migrants and the Communist International in Costa Rica in the 1920s and 1930s // *The Journal of Caribbean History*. 2011. Vol. 45. No. 2. P. 212–247.
- Zumoff 2017 – *Zumoff J.* The 1925 Tenants’ strike in Panama: West Indians, the Left, and the labor movement // *The Americas*. 2017. Vol. 74. No. 4. P. 513–546.
- Zumoff 2023 – *Zumoff J.* Black Caribbean migrants and the labor movement and communists in the Greater Caribbean in the 1920s and 1930s // *Transnational communism across the Americas* / ed. by M. Becker, M. Power, T. Wood, J.A. Zumoff. Champaign: University of Illinois Press, 2023. P. 31–54.

References

- Alexander, R. (1957), *Communism in Latin America*, Rutgers University Press, New Brunswick, USA.
- Alexander, R. and Parker, E. (2009), *International labor organizations and organized labor in Latin America and the Caribbean: a history*, Praeger, California, USA.

- Bain, M.J. (2012), "Revolution to revolution: Moscow and Havana from 1917 to 1959", *Diplomacy & Statecraft*, vol. 23, no. 1, pp. 1–22.
- Becker, M. (1993), *Mariátegui and Latin American Marxist theory*, Ohio University Press, Ohio, USA.
- Becker, M., ed. (2023), *The Latin American revolutionary movement: Proceedings of the First Latin American Communist Conference, June 1929*, Brill, Boston, USA.
- Blanc, J. (2023), "A relationship forged in exile. Luís Carlos Prestes and the Brazilian communist party, 1927–1935", in Becker, M., Power, M., Wood, T. and Zumoff, J.A., eds., *Transnational communism across the Americas*, University of Illinois Press, Champaign, USA, pp. 101–121.
- Bourgois, P. (1989), *Ethnicity at work: Divided labor on a Central American banana plantation*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.
- Carr, B. (1992), *Marxism and communism in 20th-century Mexico*, University of Nebraska Press, Lincoln, USA.
- Carr, B. (1996), "Mill occupation and Soviets: The mobilization of sugar workers in Cuba, 1917–1933", *Journal of Latin American Studies*, no. 28, pp. 129–158.
- Carr, B. (1998), "From Caribbean backwaters to revolutionary opportunity: Cuba's evolving relationship with the Comintern, 1925–1934", in Rees, T. and Thorpe, A., eds., *International communism and the Communist International: 1919–1943*, Manchester University Press, Manchester, UK, pp. 254–253.
- Carr, B. (2014), "Pioneering transnational solidarity in the Americas: The movement in support of Augusto C. Sandino: 1927–1934", *Journal of Iberian and Latin American Research*, vol. 20, no. 2, pp. 141–152.
- Ching, E. (1998), "In search of the party: The Communist party, the Comintern, and the peasant rebellion of 1932 in El Salvador", *The Americas*, vol. 55, no. 2, pp. 204–239.
- Drachewych, O. (2019), *The Communist International, anti-imperialism and racial equality in British dominions*, Routledge, New York, USA.
- Dulles, J.W.F. (1973), *Anarchists and communists in Brazil, 1900–1935*, University of Texas Press, Austin, USA.
- Dulles, J.W.F. (1983), *Brazilian communism, 1935–1945: Repression during world upheaval*, University of Texas Press, Austin, USA.
- Gonzalez, M. (2014), "Communism in Latin America", in Smith, S.A., ed., *The Oxford handbook of the history of communism*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 253–272.
- Kheifets, V.L. (2022), "From growth to marginalization: the Mexican Communist Party and trade unions in the second half of the 1930s", *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*, no. 33, pp. 170–205.
- La Botz, D. (2017), "The Communist International, the Soviet Union, and their impact on the Latin America workers' movement", *Tensões Mundiais*, vol. 13, no. 24, pp. 67–106.
- Leibner, G. and Green, J.N. (2008), "New views on the history of Latin American communism", *Latin American Perspectives*, no. 35, pp. 3–8.

- Mahler, A.G. (2024), "Against Latin American regionalisms: The 1927 Brussels Congress and the Anti-Imperialist League of the Americas", *Latin American Research Review*, 7 March, available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/latin-american-research-review/article/against-latin-american-regionalisms-the-1927-brussels-congress-and-the-antiimperialist-league-of-the-americas/0AA0071F6B35671BF6D1580F3144D31C> (Accessed 15 Dec. 2024).
- Miller, N. (1989), *Soviet relations with Latin America, 1959–1987*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Morgan, K. (2017), *International Communism and the cult of the individual. Leaders, tribunes and martyrs under Lenin and Stalin*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Poppino, R.E. (1964), *International Communism in Latin America: A history of the movement, 1917–1963*, The Free Press of Glencoe, London, UK.
- Pujals, S. (2014), "A 'Soviet Caribbean': The Comintern, New York's immigrant community, and the forging of Caribbean visions, 1931–1936", *Russian History*, no. 41, pp. 255–268.
- Smith, J. (2019), *Communism in Latin America*. Vol. 2: Kindle edition, USA, available at: <https://z-library.co/book/13812795> (Accessed 15 Dec. 2024).
- Spenser, D. (2007), "Emissaries of the Communist International in Mexico", *American Communist History*, vol. 6, no. 2, pp. 151–170.
- Spenser, D. (2011), *Stumbling its way through Mexico: The early years of the Communist International*, University of Alabama Press, Tuscaloosa, USA.
- Stevens, M. (2016), "Cuba and the Red International, 1934", in Prashad, V., ed., *Communist Histories*, vol. 1, LeftWord Books, New Delhi, India.
- Stevens, M. (2017), *Red International and Black Caribbean. Communists in New York City, Mexico and the West Indies, 1919–1939*, Pluto Press, London, UK.
- Sullivan, F.P. (2023), "The 'Negro Question' in Cuba, 1928–1936", in Becker, M., Power, M., Wood, T. and Zumoff, J.A., eds., *Transnational communism across the Americas*, University of Illinois Press, Champaign, USA, pp. 55–78.
- Suzdaltsev, I.A. (2021), "Modern English-language historiography of the Communist International", *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4, pp. 18–30.
- Tennant, G. (1999), *Dissident Cuban communism: Trotskyism in Cuba (1932–1965)*, Ph.D. Thesis, University of Bradford, UK, available at: <https://web.archive.org/web/20050503074748/http://www.cubantrotskyism.net/PhD/chap4.html#sec41> (Accessed 15 Dec. 2024).
- Wells, S. (2020), "The panorama and the pilgrimage: Brazilian modernism, the masses, and the Soviet Union in the 1930s", in Glazer, A.M. and Lee, S.S., eds., *Comintern aesthetics*, University of Toronto Press, Toronto, Canada, pp. 170–198.
- Wood, T. (2023), "Semicolonials and Soviets. Latin American communists in the USSR, 1927–1936", in Becker, M., Power, M., Wood, T. and Zumoff, J.A., eds., *Transnational communism across the Americas*, University of Illinois Press, Champaign, USA, pp. 79–100.

- Zumoff, J. (2011), "Ojos que no ven. The Communist party, Caribbean migrants and the Communist International in Costa Rica in the 1920s and 1930s", *The Journal of Caribbean History*, vol. 45, no. 2, pp. 212–247.
- Zumoff, J. (2017), "The 1925 Tenants' strike in Panama: West Indians, the Left, and the labor movement", *The Americas*, vol. 74, no. 4, pp. 513–546.
- Zumoff, J. (2023), "Black Caribbean migrants and the labor movement and communists in the Greater Caribbean in the 1920s and 1930s", in Becker, M., Power, M., Wood, T. and Zumoff, J.A., eds., *Transnational communism across the Americas*, University of Illinois Press, Champaign, USA, pp. 31–54.

Информация об авторе

Илья А. Суздальцев, кандидат исторических наук, Школа № 1381; 129346, Россия, Москва, ул. Коминтерна, д. 52; ialoko90@mail.ru

Information about the author

Ilya A. Suzdaltsev, Cand. of Sci. (History), School no. 1381, Moscow, Russia; 52, Komintern St., Moscow, Russia, 129346; ialoko90@mail.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 2
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 6 раз в год

Подписано в печать 30.06.2025
Выход в свет 04.07.2025
Формат 60×90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 12,4
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2186

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru